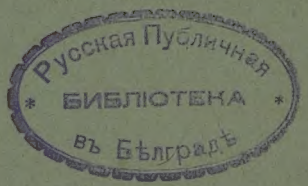
Эр2 42
Семёнов.
О себе.

3
100
32725
Б

АТАМАН СЕМЕНОВ

О СЕБѢ

ВОСПОМИНАНІЯ,
МЫСЛИ И ВЫВОДЫ



1938

ЭР2 42

АТАМАН СЕМЕНОВ.

32725
Б

Семенов, Г. М.

О СЕБѢ

ВОСПОМИНАНІЯ,
МЫСЛИ И ВЫВОДЫ.

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ

1938

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 22753 1968

Ср 46711

Copyright by author.
Всѣ права сохраняются за авторомъ.

54905

Атаманъ Семеновъ

ЧАСТЬ I-я.

РЕВОЛЮЦІЯ.

ОТ АВТОРА.

Будучи вынужденным волею обстоятельств временно прервать активную борьбу с красным интернаціоналом, которой я посвятил себя с первых-же дней захвата власти над моей родной страной его агентами, я ни одной минуты не думал, что эта борьба закончена и что большевицкій опыт будет продолжаться впредь без всякаго противодѣйствія ему со стороны здоровых элементов націи.

Вѣсти, приходящія к нам из Россіи, говорят за то, что нынѣ, болѣе, чѣм когда-либо, русскій народ тяготится властью совѣтов и только полная невозможность в кошмарной обстановкѣ совѣтской дѣйствительности каких-либо организованных выступленій, способствует сохраненію существующаго в Россіи строя.

До сего времени красное правительство, засѣвшее в Кремлѣ, пользовалось поддержкой нѣкоторых государств, которыя находили для себя выгодным существованіе в Россіи правительства, интересующагося болѣе чужими дѣлами, чѣм устроеніем собственной страны, жестоко разоренной тяжелой войной и послѣдовавшей за ней революціей, со всѣми ея эксцессами и неурядицей.

Теперь наступает, наконец, время, когда сомнительная выгодность такого общенія с гнѣздом міровой красной заразы начинает сознаваться иностранцами и мы присутствуем нынѣ при знаменательном фактѣ постепенной изоляціи совѣтскаго союза.

В мірѣ совершаются опредѣленные сдвиги и это вселяет надежду в наши сердца на близость грядущаго освобожденія нашей страны от поработившаго ее ига. Одушевленные этой надеждой, мы должны усиленно готовиться к грядущим событіям, чтобы не оказаться застигнутыми ими врасплох.

В этих дѣлях я рѣшил возстановить в своей памяти прошедшія событія, анализ которых имѣет громадное значеніе в том отношеніи, чтобы, имѣя перед собой опыт прошлаго, избѣгнуть повторенія роковых ошибок его в будущем.

Я надѣюсь также, что опубликовывая свои записки, которыя я старался составить возможно объективнѣе, не увлекаясь ни личными симпатіями или антипатіями, ни стремленіем представить себя в каком-либо особенно благожелательном свѣтѣ, я помогу внести ясность и необходимыя исправленія в изданные до сего времени историческіе матеріалы о теченіи революціи в Сибири, потому что все, что печаталось до сего времени о Россійской революціи и

Русская Публичная БИБЛІОТЕКА

гражданской войнѣ, в части, касающейся Сибири и Дальняго Востока, было далеко не полно, частью искажено, частью ложно истолковано.

Вмѣстѣ с тѣм, я хочу обратить вниманіе читателя на то, что этот мой труд отнюдь не претендует на роль строгаго историческаго изслѣдованія прошедших на наших глазах событій. Эта книга не есть исторія, это просто мои личныя воспоминанія, мысли, вызванныя ими и нѣкоторые выводы, которыми я хочу подѣлиться с моими читателями, подавляющее большинство которых является такими-же Русскими націоналистами и эмигрантами, каким являюсь и я сам.

Автор.

Дайрен.

1936 - 1938 г. г.

I.

ЧТО БЫЛО.

Русско-Ниппонская война. Впечатлѣнія от неудач на фронтѣ. Революціонная пропаганда. Мое рѣшеніе посвятить себя арміи. Военныя училища и постановка дѣла в них. Оренбургское казачье училище. Начальствующія лица и преподаватели. Основные принципы воспитанія. Расписаніе дня. Дух и традиціи училища.

Начало двадцатаго столѣтія было временем полнаго расцвѣта Россійскаго благополучія. Страна развивалась и богатѣла, несмотря на невзгоды в связи с внѣшними политическими неудачами 1904 - 5 г. г. и только что пережитыми революціонными потрясеніями.

Період Русско - Ниппонской войны застал меня в родной забайкальской станицѣ. В то время я жил в семьѣ своего отца, в поселкѣ Куранжа, расположенном по среднему теченію рѣки Онона.

Мнѣ было 14 лѣт. Читая в газетах сообщенія Штаба Главнокомандующаго о дѣйствіях на фронтѣ против Ниппон, я болѣзненно переживал боевыя событія, складывавшіяся на фронтѣ не в нашу пользу. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвели на меня сообщенія об отступленіи от Ляояна и от Мукдена. Эти событія весьма остро переживались всѣм населеніем Россіи и только соціалисты разных толков и оттѣнков радовались несчастіям своей Родины, считая, что неудачная война создаст обстановку, благопріятствующую революціонным выступленіям против вѣками сложившагося государственнаго порядка.

Мобилизація 1904 года была встрѣчена повсемѣстно с бурным восторгом увѣренности в побѣдѣ. Первыя неудачи на фронтѣ; роковыя ошибки нашего командованія, повлекшія за собою утрату иниціативы и глубокій отход; сдача Порт-Артура и Цусимская катастрофа ослабили силу сопротивляемости арміи и погасили в народѣ волю к побѣдѣ. Этим воспользовались революціонеры, возбудившіе броженіе в народных массах и спѣшившіе использовать нароставшее недовольство в своих цѣлях. Тактика революціонеров заключалась в возбужденіи недовольства крестьян и рабочих. Объектом их дѣйствій служили также и прифронтовые районы, гдѣ появились юркіе аги-

таторы, настраивавшіе солдат против офицеров, которых обвиняли во всѣх военных неудачах.

Однако, в то время, Россія была велика и территоріально, и экономически. Неудачи Русско-Ниппонской войны не подорвали мощи страны; экономическій порядок не был нарушен; армія осталась вѣрна присягѣ, и потому поднять массы на баррикады не удалось.

Руководители революціоннаго движенія учли, что без разстройства экономической жизни страны и без привлеченія к себѣ симпатій арміи они не могут разсчитывать на успѣх своего движенія и потому штаб революціи ушел в подполье, и, измѣнив тактику своей работы, повел ее в направленіи подготовки масс к новому выступленію при благопріятных условіях. Эти благопріятныя условія создались в началѣ 1917 года, когда небывало-тяжелая война подорвала экономическую жизнь страны и когда вся армія находилась в окопах. При этих условіях, революціонеры сравнительно легко овладѣли положеніем и взяли под полный свой контроль, вышедшія на улицу голодныя толпы, направив их на путь революціи. Этот опыт принят к строгому учету всѣми современными революціонерами и мы видим теперь, что гдѣ-бы ни намѣчалось поднятіе революціоннаго флага, вездѣ предварительно нарушаются функціи экономической жизни страны, создается хаос и недовольство, при наличіи которых соціалисты легко овладѣвают положеніем, суля массам улучшеніе экономических условій жизни и созданіе такого порядка, при котором всѣ кризисы будут легко и навсегда изжиты. Революціонная пропаганда при таких условіях тѣм дѣйствительнѣе, что большинство людей всегда склонно стремиться к лучшему и свою дѣйствительность оцѣнивает ниже того, что она стоит.

**
*

Пришел 1906 год, когда мои родители рѣшили дать мнѣ возможность поступить в гимназію для полученія дальнѣйшаго образованія. К тому времени я уже два года как закончил двухклассное училище в станицѣ и был вполнѣ подготовлен к экзаменам на поступленіе в 5-й класс гимназіи. С этой цѣлью в іюнѣ мѣсяцѣ я был отправлен в Читу. Повторив с усердіем всю программу, я осенью с полным успѣхом выдержал экзамен для поступленія в Читинскую гимназію, но, за отсутствіем вакансій, был вынужден остаться внѣ стѣн учебнаго заведенія и должен был проходить курс за шесть классов классической гимназіи дома с репетитором, имѣя в виду впослѣдствіи сдать экстерном экзамен за 6 классов гимназіи и поступить в Оренбургское военное училище, при котором находился общеобразовательный класс, помимо двух спеціальных. В 1908 году вступительный экзамен в училище был благополучно сдан, и я был зачислен юнкером младшаго класса училища.

Постановка военнаго воспитанія и образованія в военных учи-

лищах старой Императорской Россіи была настолько хороша, что, по справедливости, она может служить образчиком и на будущее время, когда Россія освободится от оков коминтерна и станет прежней благоденствующей страной, под сѣнью которой находили пріют и благополучіе всѣ народы ее населяющіе.

Военныя училища были организованы таким образом, что только лица, получившія законченное образованіе имѣли право быть в них принятыми. Но, вслѣдствіи большого некомплекта в арміи офицеров, нѣкоторыя училища, помимо спеціальных классов, имѣли при себѣ общеобразовательный класс и в такія училища принимались молодые люди с аттестатом за шесть классов гимназіи. Проведя один год в общеобразовательном классѣ, они заканчивали свое среднее образованіе в объемѣ программы кадетских корпусов, послѣ чего переходили на первый спеціальный курс.

Что касается постановки воспитанія в училищах, то за два или три года обработки, которой подвергался юнкер, он становился совершенно подготовленным к офицерскому званію. Война и послѣдующая революція показали высокое качество и преданность своему долгу и родинѣ юнкеров военных училищ, несмотря на то, что во время войны всѣ курсы были сокращены и образовательный ценз для поступленія в училище значительно понижен.

⁂

Начальником Оренбургскаго Казачьяго Училища в мое время был Терскій казак, Генеральнаго Штаба генерал-маіор Слесарев. По своему образованію, знанію и любви к порученному ему дѣлу, это был выдающійся офицер, который пользовался большим уваженіем и любовью своих питомцев. Инспектором классов был ученый артиллерист, окончившій Михайловскую артиллерійскую академію, полковник Михайлов, а его помощником — войсковой старшина Дутов, впослѣдствіи Войсковой Атаман Оренбургскаго казачьяго войска и извѣстный дѣятель Бѣлаго движенія. Грозой юнкеров был преподаватель математики, артиллерійскій подполковник и академик, Дмитрій Владимірович Нарбут — строгій педагог, исключительных знаній и дарованій.

Командовал сотней юнкеров Терец, Войсковой Старшина Бочаров. Он также окончил Академію Генеральнаго Штаба и потому, помимо руководства чисто строевой подготовкой юнкеров, он вел также курс военной администраціи.

Тактику нам читал Генеральнаго Штаба подполковник Веселаго, талантливый лектор и веселый в компаніи человѣк. Помимо внѣдренія в наши головы чисто научных истин он, при случаѣ, руководил нашим свѣтским образованіем.

Воспоминанія об училищѣ уносят вдаль былого величія и благополучія нашей родины и вселяют увѣренность в неизбѣжность ея возрожденія. Мощь арміи и тѣ основы на которых она воспиты-

валась являются краеугольным камнем всей государственной постройки и устойчивость ея осталась непоколебимой, несмотря на продолжительную войну и тяжелыя потери, пока реформаторы, типа Керенскаго, не привили арміи бацилл политической борьбы и партійности, которыя быстро раскололи монолит арміи на враждующія между собой партійныя группировки.

Опыт был произведен и результаты оказались весьма показательны: в короткій срок армія, фактически, перестала существовать. Теперь должно быть ясно, что участіе арміи в политической жизни страны может быть допущено в предѣлах исполненія своего долга перед Родиной, во имя ея блага и охраненіе незыблемости ея политическаго строя. Преступно вовлекать армію в борьбу политических партій, потому что совершенно безсмысленно вѣрить в возможность существованія такой идеальной партійной программы, которую можно было-бы считать безусловным рецептом спасенія Родины. На политическом полѣ гибкость боевого порядка и свобода маневрированія необходимы не в меньшей степени, чѣм на полѣ брани; только при этих условіях возможно отстаивать реально-выгодныя для блага Родины позиціи и идти вперед по пути развитія ея мощи и народнаго благосостоянія.

День юнкера распредѣлялся так, что для бездѣлья времени не оставалось. Программа была весьма обширной и, кромѣ того, юнкера обязаны были ежедневно удѣлять время для ознакомленія с литературой, как классической, так и спеціально военной.

Зимой день начинался в 6 часов, по сигналу. Через 15 минут послѣ побудки, юнкера выстраивались на утренній осмотр и молитву, послѣ которых полагалась обязательная прогулка в пѣшем строю, продолжавшаяся, при всякой погодѣ, не менѣе часа.

Послѣ прогулки давался утренній чай и начинались занятія по расписанію — классныя и строевыя. С двухчасовым перерывом на обѣд, занятія продолжались до 4-х часов дня, причем около пяти часов ежедневно отводилось занятіям в классѣ и три часа — строю.

Юнкера особенно увлекались спортом во всѣх его видах: джигитовка, вольтижировка, фехтованіе, гимнастика, легкая атлетика, бѣг и проч., пользовались неизмѣнными симпатіями юнкеров и процвѣтали в училищѣ.

Вечер посвящался подготовкѣ к періодическим репетиціям, на которых преподаватели повѣряли знанія питомцев, каждый по своему предмету и в 11 часов вечера всѣ огни в помѣщеніях юнкеров тушились.

В Оренбургском училищѣ, как и вообще у казаков, между юнкерами разных классов, существовали чисто дружескія отношенія и то своеобразное явленіе, которое наблюдалось в иных, преимущественно, кавалерійских, училищах и которое было извѣстно под названіем «цук», никогда у нас не наблюдалось. Традиціонно-казачій

характер взаимоотношеній юнкеров между собою исключал возникновенія цука в училищѣ, в котором воспитывались представители всѣх казачьих войск, кромѣ Донского. Донцы имѣли свое войсковое училище в Новочеркасскѣ на Дону.

До 1908 года юнкера носили каждый свою войсковую форму и сотня представляла собою весьма пеструю смѣсь цвѣтов и покроя одежды. С 1908 года в училищѣ была введена однообразная форма, состоящая из мундира с красными погонами и серебряным галуном вокруг них, и шаровар с синими лампасами. Головной убор — черная, большешерстная папаха или фуражка с синим околышем и темно-синим верхом.

В послѣднюю войну многіе воспитанники Оренбургскаго училища удостоились высоких боевых наград — ордена св. Георгія и золотого оружія, а наш бывшій юнкер, нынѣ полковник, Гамалій, совершил совершенно легендарный поход с сотней казаков через Аравійскую пустыню, связавшись в Мессопотаміи с англичанами, за что и получил высшій англійскій орден за храбрость и боевыя заслуги.

2.

МОНГОЛІЯ.

Производство в офицеры. 1-й Верхнеудинскій полк Забайкальскаго казачьяго войска. Командировка в Монголію. Первыя связи. Монгольская революція. Мое участіе в событіях. Разная оцѣнка его военными и консульскими властями. Высылка из Монголіи. Рекордный пробѣг Урга-Троицкосавск. Чжожен-геген. Духовная прозорливость. Политическая освѣдомленность. Значеніе религіи.

В 1911 году, двадцати лѣт от роду, я окончил курс училища по 1-му разряду и был произведен в хорунжіе, с назначеніем в 1-ый Верхнеудинскій полк Забайкальскаго казачьяго войска. Послѣ установленнаго двадцати восьми днѣвнаго отпуска, проведеннаго мною в домѣ своего отца, я прибыл в полк, который в то время квартировал в городѣ Троицкосавскѣ, на границѣ Халхи (Сѣверная Монголія).

Полком командовал блестящій офицер, полковник граф Артур Артурович Келлер, впослѣдствіи принявшій Астраханскую казачью бригаду, с которой он вышел на войну.

В полку я пробыл всего лишь около трех недѣль и был послан в Монголію для производства маршрутных съемок. По окончаніи этой работы, я был оставлен при 6-ой сотнѣ полка, бывшей в то время на охранѣ нашего консульства в Ургѣ.

В столицу Монголіи я прибыл в началѣ октября мѣсяца 1911 года. С европейской точки зрѣнія, Урга, конечно, мало походила на

столицу, но этот город является дѣйствительным центром сосредоточенія видных представителей монгольской теократіи, возглавляемой Богдо-Хутухтой.

Время пребыванія в Ургѣ дало мнѣ, с дѣтства знающему монгольскій язык, возможность близко сойтись с наиболѣе видными представителями монгольскаго общества, руководившаго политической жизнью страны.

Намсарай-гун, кандидат на пост военнаго министра Монголіи изучал у меня современное военное дѣло. В то же время, при содѣйствіи г. Норбо, я перевел на монгольскій язык наш устав строевой казачьей службы.

Урга кипѣла в водоворотѣ политических страстей и новых устремленій. Толко-что совершившаяся в Китаѣ революція, подорвав, как всякая революція, основные устои Имперіи, способствовала ея расчлененію, вызвав в народах, населяющих Китай, стремленіе к отдѣленію от государства и полной самостоятельности. Уничтоженіе единства Имперіи и возникновеніе розни и сепаратистских стремленій среди народов, составлявших ее, явилось одним из главных достиженій революціонеров, воспитанных в полном подчиненіи партійной дисциплинѣ, во имя которой они не остановились перед ущемленіем интересов своей родины.

11-го декабря 1911 года произошло историческое событіе — отложеніе Халхи от Китая и провозглашеніе независимой Монголіи.

По распоряженію нашего консула я со взводом казаков взял на себя охрану Амбаня — китайскаго резидента в Ургѣ, дворец котораго подвергался опасности быть разграбленным возбужденной монгольской толпой. Доставив перепуганнаго Амбаня в наше консульство я не ограничил этим свое вмѣшательство в развертывающіяся событія и, видя, что наличіе вооруженнаго китайскаго гарнизона в стѣнах импани в Курени раздражает толпу и вызывает ее на эксцессы, я со своим взводом казаков, уже по собственной иниціативѣ, разоружил китайских солдат, которые сняв форму и превратившись в мирных жителей разсосались в толпѣ без каких-либо дальнѣйших непріятностей. Послѣ этого, получив свѣдѣнія о назрѣвавшем нападеніи на Дайцинскій банк в Маймаченѣ, я со взводом отправился туда и заняв его предотвратил, таким образом, неминуемый грабеж и расправу со служащими банка.

Мое военное начальство, которому я донес о своих дѣйствіях, одобрило мою иниціативу и через нѣсколько дней я получил телеграфную благодарность Штаба Округа за содѣйствіе возстановленію порядка и спокойствія в Ургѣ. Но наш консул нашел, что мое вмѣшательство в дѣла монгол может послужить поводом для обвиненія нас в нарушеніи нейтралитета и, по настоянію Министерства Иностранных дѣл, я получил предписаніе в 48 часов покинуть Ургу.

Администрація Дайцинскаго банка в Маймаченѣ подчеркнула

свою благодарность мнѣ за помощь и защиту в дни переворота путем присылки подарка, состоявшаго из 5000 лан (или долларов, теперь уже не помню), одного цибика душистаго чая, вѣсом около 4 пудов и 10 откормленных быков. Всѣ эти подарки были мною с благодарностью возвращены, с ссылкой на то, что, будучи офицером, я не имѣю права принимать от кого-либо подарки, да еще денежные. Однако, директор банка настоял на том, чтобы с разрѣшенія начальства, подарки все-же были мною приняты. Пришлось, в концѣ концов, принять все присланное и зачислить в артельное имущество сотни. Для меня лично банк присоединил до дюжины кусков шелка превосходнаго качества, которым я надѣлил своих друзей и знакомых, так как для меня, носившаго форму, матеріал не подходил ни по расцвѣткѣ, ни по качеству.

Авторитета одной нашей сотни, стоявшей в Ургѣ, и одного взвода, принявшаго под моей командой непосредственное участіе в событіях, оказалось достаточно для того, чтобы сохранить порядок в Ургѣ и направить революціонное движеніе по опредѣленному руслу.

Несмотря на неудачу войны с Ниппон, наш престиж в восточной Азіи стоял в то время очень высоко, и мои монгольскіе друзья, ставшіе во главѣ Правительства, возбудили перед нашими властями ходатайство о назначеніи меня в Ургу для участія в работѣ по организаціи національной Монгольской арміи на современных началах. Однако, мое самовольное вмѣшательство в теченіе революціи в Ургѣ послужило для консула основаніем настаивать на моем отозваніи из Урги и, потому мое назначеніе утверждено не было.

Двадцати лѣт от роду, мнѣ пришлось впервые стать на путь политической дѣятельности, вмѣшавшись в созданіе исторіи страны великаго Чингис-Хана. Результатом явилось: вынужденный отъѣзд из Урги и спеціальное разслѣдованіе моих дѣйствій Штабом Иркутскаго военнаго округа, которое было прекращено только по особому ходатайству командира полка, полковника графа Келлера.

Отъѣзд мой из Урги задержался, так как проводы, организованные моими монгольскими друзьями, затянулись на нѣсколько дней. Я уже просрочил время, когда, согласно полученнаго предписанія, должен был явиться в полк. Телеграмма о болѣзни, которую я послал в полк по совѣту доктора Цибиктарова, не возымѣла должнаго дѣйствія, ибо наш консул в Ургѣ был отлично освѣдомлен о состояніи моего здоровья. К тому-же предстоял еще трехдневный путь по уртонам (станціям) от Урги до Троицкосавска. В этих обстоятельствах, власти національной Монголіи пришли мнѣ на помощь особым распоряженіем по уртонам предоставлять мнѣ немедленно по прибытіи лучших заводных лошадей, не задерживая меня нисколько. Таким образом, я смог покрыть разстояніе от Урги до Троицкосавска, равное 350 верстам, на двѣнадцати перемѣнных ло-

шадях в 26 часов времени. Это — безусловно рекорд для всадника, принимая во вниманіе гололедицу и жестокій мороз.

По прибытіи в полк, рано утром, я явился к командиру полка, который был восхищен моим пробѣгом настолько, что вопрос о моем опозданіи заглох сам собой.

Мои монгольскія приключенія и разслѣдованіе по ним, были преданы забвенію, но я все-же был откомандирован от полка в фехтовально-гимнастическую школу и должен был выѣхать в Читу.

Вспоминая свои молодые годы и время, проведенное в Монголіи, я не могу не остановиться на личности Чжожен-гегена, который был наиболѣе выдающимся из всѣх извѣстных мнѣ руководителей ламаитской религіи.

Чжожен-геген хорошо знал Россію. Он обладал исключительным даром провидѣнія и сила его духовных способностей в этой области производила поистинѣ поражающее впечатлѣніе.

Я часто бесѣдовал с ним и могу засвидѣтельствовать, что он с поразительной точностью предвидѣл событія, о которых, казалось-бы, не мог имѣть никакого представленія. Он предсказал мнѣ большую войну, в которой должна принять участіе Россія, паденіе царской власти, послѣдующую гражданскую войну и мою роль в ней.

Уже находясь в эмиграціи, я получил сообщеніе от одного из моих друзей в Монголіи о том, что Чжожен-геген совершенно точно предсказал тогдашнему главѣ Монгольской красной арміи, Суке-Батору, его грядущую гибель от руки коммунистов. Вскорѣ послѣ этого, Суке-Батор пытался поднять возстаніе против коммунистов в Ургѣ и был ими разстрѣлян. Чжожен-геген также предсказал конец коммунизма, за что был убит красными в Ургѣ.

Наблюдая за людьми, обладающими, подобно Чжожен-гегену, силой духовной прозорливости, я, на основаніи своих наблюденій, пришел к выводу, что силой этой одѣлен от рожденія каждый человѣк, но не каждый обладает способностью ее развить и использовать.

Прозорливость, или способность человѣка предвидѣть событія и роль в них отдѣльных индивидуумов, несомнѣнно связана с религіозностью и способностью человѣка углубляться в себя и своим духовным взором приподнимать завѣсу, скрывающую от нас будущее. Таким образом, несомнѣнно, что степень развитія дара прозорливости связана неразрывно со степенью духовнаго совершенствованія человѣка и отрѣшенностью его от матеріальных интересов и условій.

Дар прозорливости не слѣдует смѣшивать с интуиціей общественнаго или политическаго дѣятеля, который изучив досконально текущія событія и их превоисточник, будучи к тому-же ознакомлен с общей обстановкой, может в сферѣ своей спеціально-

сти дать безошибочный прогноз на ближайшее будущее. Эта освѣдомленность специалиста, дающая ему возможность предугадывать грядущія событія, не имѣет ничего общаго со способностью видѣть духовными очами, каковой, с достаточной силой, обладают только весьма немногіе люди, посвятившіе себя духовному самоусовершенствованію.

Связь с религіей в этом случаѣ совершенно неразрывна и потому многіе мыслители, с высоко развитыми философским даром и духовной культурой, интересовались вопреки религіи; детально изучали их и неизбѣжно приходили к выводу о чрезвычайном значеніи религіи для человѣчества. М. Мюллер усматривает в религіи способность ума, которая независимо от чувств и разума, дает возможность человѣку постичь безконечное. Кант усматривает в ней чувство наших обязанностей постольку, поскольку онѣ основаны на божественных велѣніях. Самое трудное в этом вопросѣ необходимость допуска гипотетическихъ основаній, потому что, если отбросить вѣру в святость и непререкаемость евангельскаго ученія не останется ничего, что можно было-бы принять за неоспоримую, ясно утверждающую истину. Таким образом, можно принять, что религіозное чувство человѣка исходит от его душевных пережиданій и разума и это есть вѣра в существованіе Высшаго Начала, которое мы обозначаем словом «Бог». Значеніе религіи в жизни человѣчества всеобъемлюще; религіозное чувство регулирует волю человѣка, не допускает направленія ея во вред другим, т. е. ограничивает ее извѣстными рамками, которыя мы подразумѣваем под терминомъ «совѣсть».

Чувство совѣсти выливается в духовный кодекс разграниченія добра и зла, регулируемый понятіем о нравственности. Понятіе это различно у разных народов и зависит от степени их развитія, но в опредѣленіи понятія добра и зла всѣ религіи сходятся между собою, формулируя это заповѣдью: «Не желай ближнему твоему того, чего не пожелаешь себѣ».

Любопытно отмѣтить, что мнѣ много раз приходилось наблюдать совершенно безсознательное чувство уваженія к чужой религіи в самой низшей по развитію средѣ многих народов. Этот фактъ ярко свидѣтельствует о врожденности в человѣкѣ чувства познанія Божества. Я убѣжден, что абсолютное невѣріе свойственно невѣждам, узость міровоззрѣнія которых закрывает перед ними кругозор и мѣшает им видѣть и понять Высшее Начало во вселенной. Недалеко уже то время, когда міръ стряхнет с себя гипноз матеріалистическихъ воззрѣній марксизма и вернется на путь полнаго признанія Божества. Тогда придется сугубо опасаться разнаго рода сектантских теорій, могущих своей тенденціозностью и узостью міросозерцанія направить людей, ищущих Бога, на ложный путь.

Говоря о Чжожен гегенѣ, я должен сказать, что ламаизм, который исповѣдывал он, в основѣ своей является одной из гуманнѣйших религій, но, к сожалѣнію, слѣдует признать, что ламаизм в наше время сильно загрязнен пережитками суевѣрій и нуждается в реформах болѣе, чѣм какая либо иная религіозная доктрина.

3.

ПЕРЕД ВОЙНОЙ.

Перевод полка в Монголію. Мое прикомандированіе ко 2 ой Забайкальской батарѣ. Поѣздка в Томск. Перевод в 1-й Нерчинскій полк. Дѣйствія против хунхузов. Мобилизація. Отправка полка на Запад. Остановка в Москвѣ. Курьезное недоразумѣніе в Кремлѣ. Дальнѣйшій путь на Запад.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія из Монголіи, весь 1-ый Верхнеудинскій полк получил распоряженіе сосредоточиться в Ургѣ с тѣм, чтобы позднѣе быть переведенным в Улясутай. С большим огорченіем я должен был разстаться с полком, уходящим туда, гдѣ остались мои неосуществленныя мечты о большой и интересной работѣ во вновь образовавшемся государствѣ, в созданіи котораго и я принимал участіе.

С уходом полка я остался в прикомандированіи ко 2-ой Забайкальской батареѣ, которая временно оставалась в Троицкосавскѣ. Батарея тоже готовилась к походу и у меня была малая надежда вернуться с ней в Монголію. Мой отъѣзд в фехтовально-гимнастическую школу командиром батареи, страдавшей от недостатка офицеров, был отсрочен и перед Штабом Округа было возбуждено ходатайсво о моем переводѣ в батарею.

Пока ходатайство об этом ходило по инстанціям, я был командирован в Томск за покупкой для батареи артиллерійских лошадей. Лошадей удалось подобрать очень хороших, как по качеству, так и в смыслѣ кровей и подбора по масти, по-орудійно. Командующій войсками Иркутскаго военнаго округа, осматривая батарею, сдѣлал заключеніе, что «едва-ли даже гвардейская артиллерія имѣет такой конскій состав». Удачное выполненіе порученія и явившееся вслѣдствіе этого благоволеніе начальства, дало мнѣ основанія надѣяться на то, что мнѣ удастся, в концѣ концов, снова попасть в Ургу, тѣм болѣе, что по существовавшим правилам я вполнѣ удовлетворял условіям для перевода в артиллерію, без дополнительнаго испытанія, как окончившій училище с отличными успѣхами по артиллеріи.

Однако, надеждам моим не суждено было осуществиться. Вмѣшательство мое в Монгольскія дѣла еще не было забыто и мое ходатайство о переводѣ в батарею было по этой причинѣ отклонено.

По уходѣ батареи мнѣ не оставалось ничего иного, как переѣхать в Читу и явиться в фехтовально-гимнастическую школу, послѣ успѣшнаго окончанія которой я был переведен на службу в 1-ый Нерчинскій полк Забайкальскаго казачьяго войска, входившій в состав Уссурійской конной бригады.

1-ый Нерчинскій полк был разбросан по селам и деревням в юго-восточной части Приморской области. Штаб полка, учебная команда и двѣ сотни стояли на станціи и в прилегающей станицѣ Гродеково. Я получил назначеніе в 1-ую сотню и немедленно выѣхал к мѣсту расквартированія сотни, в деревню Кневичи.

Полком командовал уже произведенный в чин генерал-маіора, М. А. Перфильев, пользовавшійся в полку большой популярностью. Он был мой однокашник и я хорошо знал с дѣтских лѣт, как его самого, так и всю его семью. 1-ой сотней командовал есаул Тихонов; младшим офицером в сотнѣ, кромѣ меня, был сотник Кудрявцев.

В полк я прибыл 2-го февраля 1914 года и через нѣсколько дней попал со взводом казаков в командировку для поимки хунхузов, терроризовавших Сучан—Кневичи и прилегающій раіон по границѣ с Маньчжуріей. Дѣйствія против хунхузов дали мнѣ большой опыт в способах веденія партизанской войны.

Успѣшно завершив свою экспедицію против хунхузов, я вернулся к сотнѣ, но вскорѣ получил назначеніе на должность начальника полковой учебной команды и слѣдствіе этого переѣхал на станцію Гродеково.

19-го іюля 1914 года, наш полк получил срочное приказаніе о выступленіи из лагерей под Никольск-Уссурійским на зимнія квартиры. Срочность распоряженія и указаніе сосредоточить всѣ сотни полка в поселкѣ Гродеково, не разводя их по зимним квартирам, подчеркивали неизбѣжность серьезных событій, в наступленіе которых до той поры мало вѣрилось. 21-го іюля полк подходил к Гродекову, когда был встрѣчен помощником командира полка, войсковым старшиной Аниоимовым. Послѣдній вручил командиру запечатанную депешу, полученную из Штаба бригады, с указаніем на секретность и срочность доставки. Содержаніе депеши не было извѣстно никому, но всѣ присутствовавшіе почувствовали важность наступавшаго момента, когда командир полка начал вскрывать ее. Выстроив полк в резервную колонну, командир полка полковник Жулебин выѣхал перед серединой полка и громко прочел телеграмму, которая сообщала об объявленіи нам войны Германіей.

Семьи офицеров, жители станицы Гродеково и желѣзнодорожные служащіе, которые собрались встрѣтить полк, присутствовали при этом и присоединили свои голоса к громкому «ура» за Государя Императора, которым полк встрѣтил объявленіе столь важнаго извѣстія.

Хотя война была уже объявлена, мобилизація частей 1-го Си-

бирскаго корпуса еще задерживалось и существовало опасеніе, что невыясненность отношеній к событіям со стороны Ниппон могла задержать нас на Дальнем Востокѣ неопредѣленно долгое время. Поэтому я немедленно телеграфировал бывшему командиру полка графу Келлеру, ходатайствуя о прикомандированіи меня к 1-му Астраханскому каз. полку. Через недѣлю был получен благопріятный отвѣт графа Келлера, с предложеніем немедленно явиться в полк, на предмет перевода в него. Я спѣшил скорѣе оформить свой отъѣзд на фронт; уже намѣчен был день отправленія и сдѣлан наряд на погрузку коней, как части войск Пріамурскаго Военнаго округа получили приказ о мобилизаціи и отправленіи на фронт. В связи с этим, отпала, конечно, моя поѣздка в 1-ый Астраханскій полк и я тотчас дал телеграмму графу Келлеру с благодарностью за содѣйствіе и сообщеніем, что иду на фронт со своим полком.

В серединѣ августа первый эшелон нашего полка, включавшій нашу 1-ую сотню, вышел со станціи Гродеково на запад.

Неизмѣримость величія нашей Родины, как в смыслѣ ея безпредѣльности, так и в отношеніи неисчерпаемых природных богатств, казалась нам залогом несомнѣнной нашей побѣды. Эта увѣренность укрѣплялась видом ликующаго народа по городам и станціям на всем протяженіи нашего десятитысячеверстнаго пути на запад. Поля и лѣса Сибири уже одѣвались в золотистую парчу осени. Богатство урожая подтверждалось видом сжатых и покрытых золотистыми снопами хлѣба полей. Повсюду на станціях кипѣла работа: горы разных товаров ожидали очереди отправки к мѣстам назначенія; тяжело нагруженные поѣзда перебрасывали на запад к фронту безконечные эшелоны войск и продукты труда сибиряка — масло, кожи, мясо, хлѣб, скот, лѣс и пр. и пр. Оцѣнивая кипучую работу в глубоком тылу, видя неисчерпаемыя богатства нашей страны, мы укрѣпили свою увѣренность в грядущем благополучіи и величіи нашей Родины в результатѣ побѣды нашей славной арміи, дружно поддержанной всѣм населеніем страны. Не было причин думать не только об ожидавшей наше отечество катастрофѣ, но даже о каких либо малых затрудненіях. Всѣ мечты были сосредоточены на боевых подвигах и боевой славѣ. Мы рвались всей душой на фронт, в бой и потому нескончаемыми казались нам дни нашего рельсоваго пути. К тому же мы не знали нашего маршрута дальше Тулы. На очереди стояла возможность отправки нашей бригады на Кавказскій фронт. В Москвѣ это задержало нас на три дня.

В серединѣ сентября мѣсяца, на разсвѣтѣ, первый эшелон нашего полка подошел к первопрестольной. Сразу же стало извѣстно, что там мы будем ожидать пока всѣ эшелоны нашей бригады не подтянутся в Москву и за это время будет разрѣшен вопрос о пути дальнѣйшаго нашего слѣдованія. Пока же мы — гости матушки

Москвы. Приказано было показать казакам столицу. Трамваи возили казаков безплатно.

Больше всего казаки заинтересовались Кремлем и там мнѣ пришлось быть свидѣтелем довольно курьезнаго случая: трем бурятам, слабо, сравнительно, владѣвшим русским языком, я объяснял на их родном языкѣ историческое значеніе Москвы и Кремля. В это время вблизи нас оказались двѣ дамы и мужчина. Они усиленно прислушивались к нашему разговору и, конечно, ничего не могли из него понять. Вдруг, мужчина обращается ко мнѣ, спрашивает, долго-ли мы находились в пути и не устали-ли послѣ длинной дороги. Я не понял истиннаго значенія его вопроса и сказал, что мы ѣхали в вагонах тридцать три дня, пока доѣхали до Москвы. Услыша мой отвѣт, приблизились обѣ дамы и начали с чувством глубокаго участія говорить много пріятнаго по нашему адресу. Только послѣ нѣскольких минут разговора я понял, что москвичи приняли нас за ниппонцев, переодѣтых в русскую форму. Когда я пытался разубѣдить их в этом и сказал, что мы — Забайкальскіе казаки — то одна из дам возразила, что, возможно, что офицеры дѣйствительно русскіе, но солдаты, без сомнѣнія, иностранцы, т. к. она слышала наш нерусскій разговор. Они увѣряли меня в своей благонамѣренности и указали, что я напрасно скрываю обстоятельство, всѣм извѣстное, о том, что идут ниппонцы. Я не сомнѣваюсь, что многіе жители Европейской Россіи принимали нас за ниппонцев и, возможно, агенты противника не раз искренне вводили в заблужденіе свои штабы несоотвѣтствующими истинѣ донесеніями.

На третій день нашего пребыванія в Москвѣ мы получили назначеніе нашего конечнаго пункта под Новогеоргіевск и покинули гостепріимную столицу, уходя под Варшаву.

4.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА.

Выгрузка и боевое крещеніе. Первые трофеи. Операція под «Новым Мястом». Дѣло под Сахоцином. Спасеніе полкового знамени и обозов. Операція под Краснымем. Развѣдка Млавы. Дѣйствія моего разъѣзда. Занятіе Млавы. Возстановленіе связи с тылом. Наблюденія в Млавѣ. Прибытіе бригады.

Наш полк был эшелонирован в западной части Новогеоргіевской крѣпости и имѣл заданіе продвинуться на сѣверо-запад от укрѣпленной зоны и в указанном пунктѣ сосредоточиться. К пункту сосредоточенія полка сотни должны были двигаться самостоятельно.

Выгрузившись ночью из вагонов, я на разсвѣтѣ повел 1-ую сотню и был в назначенном мѣстѣ к 11 часам утра. По прибытіи Штаба полка, выяснилось, что на полк возложена задача развѣдки противника, наступавшаго на части нашей пѣхоты с сѣверо-запада. Выслали разъѣзды в соотвѣтствующих направленіях и послѣ часу пути перемѣн-

ным аллюром, мой разъѣзд вошел в соприкосновеніе с частями пѣхоты противника. Мы натолкнулись на пѣшіе развѣдывательные дозоры германской пѣхоты. Один из таких дозоров был мною атакован и частью порублен, а двух пѣхотинцев нам удалось захватить в плѣн. Это были первые трофеи не только лично мои и нашего полка, но и всей бригады. Опрос плѣнных обнаружил важныя данныя о противникѣ. Я получил благодарность начальника нашей бригады, генерал-маіора Киселева.

В это время заканчивались Варшавскія операціи и мы были двинуты на сѣвер, в направленіи на Ново Място.

Болѣе полутора мѣсяцев наша бригада вела бои и производила развѣдку в раіонѣ мѣстечка Ново Място и сѣвернѣе его к Цѣханову. 8-го или 9-го ноября 1914 года мы подтянулись к мѣстечку Сахоцин. На слѣдующій день я вновь ушел в развѣдку с разъѣздом в 15 коней. Задача моя заключалась в том, чтобы войти в соприкосновеніе с противником в направленіи мѣстечка Остатніе Гроши и выяснить его силы и намѣренія. Через сутки моя задача была выполнена, донесенія своевременно посланы, и я рѣшил потихоньку возвращаться к полку в Сахоцин. Между тѣм, еще наканунѣ, выяснив обстановку и силы противника, на основаніи свѣдѣній добытых развѣдкой, бригада под прикрытіем ночной темноты оставила Сахоцин и двинулась к Цѣханову, имѣя задачу оказать содѣйствіе нашей пѣхотѣ в овладѣніи ею городом. В Сахоцин передвинулись обозы бригады, включая и обоз 3-го разряда. Наступило 10-ое ноября. Не зная ничего о выходѣ бригады из Сахоцина, я с разъѣздом в 10 коней, из оставшихся у меня казаков, переночевав в деревнѣ в 15 верстах от Сахоцина, возвращался туда. Приближаясь к мѣстечку мы услышали выстрѣлы и, чѣм ближе мы подходили к нему, тѣм отчетливѣе была слышна рѣдкая ружейная стрѣльба. Не доходя до мѣстечка, мы увидѣли разбѣгавшихся людей, нѣкоторые из которых были полуодѣты и без фуражек. Наконец, я увидѣл скачущаго всадника, который оказался моим конным вѣстовым. Он сидѣл на моем чистокровном жеребцѣ; жеребец и вынес его к коням, увидѣв мой разъѣзд. Я выругал казака, указав на недопустимость скачки, да еще по твердо-утрамбованному шоссе. Казак мнѣ доложил, что бригада ушла наступать на Цѣханов еще вчера, а утром на оставшіеся в Сахоцинѣ обозы напали нѣмцы и захватили все, включая знамя и караул у него. Мой вѣстовой, Чупров, был толковый, отличный в боевом отношеніи казак, и не вѣрить ему было невозможно. По его словам противника было не менѣе полка, а может быть, и больше. Захватив обозы, нѣмцы направили их по дорогѣ на деревню Чарны. Изрѣдка были слышны еще выстрѣлы, которые Чупров объяснял тѣм, что нѣмцы стрѣляют по спрятавшимся и разбѣгающимся нашим обозным. В самом Сахоцинѣ, по докладу Чупрова, на площади у костела стояла застава из спѣшенных кавалеристов, а за

углом должен находиться спѣшенный эскадронъ, держа лошадей в поводу.

Времени терять было нельзя. Долг повелѣвал дѣйствовать немедленно. Я с разъѣздом в 10 коней наметом пошел к мѣстечку и, выскочив на площадь у костела, атаковал спѣшенную заставу противника. Смяв нѣсколько человѣк и не давая времени оправиться другим я бросился на спѣшенный эскадрон и привел его в полный безпорядок, обратившійся в панику. Часть кавалеристов распустила лошадей и разбѣжалась, часть успѣла вскочить верхом и в паникѣ бросилась вслѣд за колонной уходящих обозов, вселяя панику и в конвоирующіе ее эскадроны. В головѣ колонны шли два эскадрона, которые быстро поддались паникѣ и ускакали, бросив свои трофеи, не имѣя возможности оріентироваться в обстановкѣ и выяснить размѣры угрожавшей им опасности. Я преслѣдовал противника не менѣе трех верст под конец уже один, ибо забайкалки не смогли угнаться за моим кровным конем. Преслѣдуя противника, я нагнал одного всадника, который сдался мнѣ.

Результат моего внезапнаго появленія и атаки во много раз превосходящаго меня силой противника, был блестящій: дѣйствія моего разъѣзда заставили кавалерійскую бригаду противника, которая имѣла задачей дѣйствіем в тыл нашей конницы, наступавшей на Цѣханов, парализовать ея помощь пѣхотѣ, оставить задачу незаконченной и поспѣшно удалиться, понеся потери убитыми и плѣнными. Обозы всей нашей бригады и наше полковое знамя были отбиты и спасены. Всего было захвачено нѣмцами и отбито мною свыше 150 обозных повозок; головные эшелоны артиллерійскаго парка 1-го конно-горнаго артиллерійскаго дивизіона и около 400 человѣк плѣнных. Кромѣ того, наша бригада получила возможность закончить свою операцію по овладѣнію городом Цѣхановым, который был занят нами.

По результатам это дѣло кажется мало вѣроятным и осуществленіе этого подвига разъѣздом в десять коней объясняется внезапностью налета и быстрым распространеніем паники среди противника, эффект, который завершил начатое, не требуя легендарнаго героизма от исполнителей. Мои потери в этом столкновеніи выразились в одной раненой лошади.

За описанное дѣло я получил орден св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, 4-ой степени, а казаки были награждены Георгіевскими крестами.

Немедленно по овладѣніи Цѣхановым, наша бригада была двинута в направленіи на Млаву, на границѣ Восточной Пруссіи, через Свенту-Глиноецк. Млава — небольшое мѣстечко на самой границѣ, в одном переходѣ от крѣпости Сольдау. Наша бригада получила заданіе двигаться на Іоганнесбург. Это второе наше вторженіе в Восточную Пруссію не было удачным для нас, но и не было по своим послѣдствіям тяжелым. В это время фронт не представлял еще со-

бою сплошной линіи окопов и проволочных загражденій. Свобода для маневра была полная. Болѣе энергичная сторона использовала лучшія возможности для нанесенія удара противнику и выигрывала.

В это самое время нѣмцы уже начали осуществлять свой планъ операцій подъ Праснышемъ, слѣдствіемъ коего было взаимное окруженіе русскихъ нѣмцами и нѣмцовъ русскими, путемъ наслоенія обходовъ и окруженій. Черезъ нѣсколько дней послѣ полученія задачи движенія на Іоганнесбургъ, наша бригада уже отходила изъ предѣловъ Восточной Пруссіи; задерживаясь въ приграничной полосѣ, вела развѣдку, а временами производила короткія диверсіи въ сторону Сольдау и Руды. Операціи подъ Праснышемъ вначалѣ развивались успѣшно для нѣмцевъ. Для противодѣйствія, надо полагать, этому успѣху, нашимъ командованіемъ было рѣшено предпринять наступленіе на Сольдау, успѣхъ котораго долженъ былъ вынудить противника осадить свой флангъ въ Восточной Пруссіи и тѣмъ свести на нѣтъ успѣхъ центра подъ Праснышемъ. Задача эта была возложена на 1-ый Туркестанскій корпусъ генерала Шейдемана. Непосредственно на Млаву вела операціи, кажется, 4-ая Туркестанская стрѣлковая дивизія.

Усилія туркестанцевъ на Млавскомъ направленіи послѣ четырехдневныхъ непрерывныхъ боевъ, привели лишь къ тяжелымъ потерямъ съ обѣихъ сторонъ, но результата не было достигнуто: нѣмцы свои позиціи удержали.

1-го декабря 1914 года, рано утромъ, Штабъ бригады вызвалъ по три офицерскихъ разъѣзда отъ полка. В число ихъ попалъ и я съ разъѣздомъ в десять коней. Начальникъ Штаба бригады, капитанъ Бранд, разъяснилъ намъ, начальникамъ девяти разъѣздовъ предстоящую задачу. Послѣ же предложилъ тянуть жребій, кому идти по шоссе в направленіи на Млаву, так как это направленіе было наиболѣе неблагопріятнымъ для веденія развѣдки, а, слѣдовательно, и наиболѣе труднымъ. Капитанъ Бранд, взявъ девять спичекъ обломилъ у одной изъ нихъ головку и сказалъ, что не хочетъ кого-либо назначать на это направленіе, а считаетъ болѣе справедливымъ идти тому, на кого укажетъ жребій, добавивъ, что кто вытянетъ спичку с обломанной головкой, тотъ и пойдетъ с разъѣздомъ по шоссе на Млаву. Послѣ этого предложилъ мнѣ тянуть спичку первому, и я вытянулъ спичку без головки.

На разсвѣтѣ приказано было выступить и в теченіе дня 2-го декабря достичь опредѣленныхъ рубежей, указанныхъ по картѣ. Согласно оперативной сводки штаба корпуса, намъ было извѣстно о готовящемся наступленіи нѣмцевъ на сѣверномъ участкѣ нашего фронта Млава—Красныш. Бригадѣ нашей, в связи с этимъ, ставилась задача дѣйствовать совмѣстно с 4-ой Туркестанской стрѣлковой дивизіей, имѣя объектомъ Млаву и наступая южнѣе шоссе, дабы вырвать инициативу у противника, не давъ ему возможности развить успѣха на широкомъ фронтѣ.

Около 5-ти часовъ утра разъѣзды бригады выступили для вы-

полненія своих задач. До линіи сторожевого охраненія нашей пѣхоты я дошел быстрым аллюром, дабы под завѣсой утренней мглы возможно ближе подойти к сторожевому охраненію противника. Прибыв на одну из сторожевых застав нашей пѣхоты, я попросил начальника заставы оріентировать меня в обстановкѣ на линіи сторожевого охраненія и указать наиболѣе удобный проход в тыл расположенія противника. В это время подошел на заставу начальник участка сторожевого охраненія и сказал мнѣ, что положеніе без перемѣн, как было в послѣдніе дни, о чем я смѣло могу донести в Штаб бригады, так как только что вернулись его развѣдчики. Я использовал данныя мнѣ свѣдѣнія для того, чтобы послать донесеніе со слов начальника сторожевого участка, сам же рѣшил попытаться выяснить силы противника, его расположеніе и намѣренія и освѣтить полосу данной мнѣ для развѣдки мѣстности вплоть до Прусской границы. Пѣхотные развѣдчики посовѣтовали мнѣ двигаться оврагом до его поворота на сѣвер, который подведет меня к одному из полевых караулов противника на шоссе. Двигаясь оврагом, я через полчаса подошел к указанному мнѣ повороту и, опѣшившись, оставил коноводов в оврагѣ; сам же приступил к осмотру мѣстности.

Утренняя мгла уже рѣдѣла. Предвѣстники появленія утренняго солнца, порозовѣвшіе облака, уже прорѣзывали рѣдѣвшую мглу утренняго тумана и давали возможность даже невооруженным глазом различать предметы на сотню, полторы шагов. Засняв кроки видимых мнѣ небольших проволочных загражденій у деревни Модлы, я послал второе донесеніе в Штаб бригады, выразив неувѣренность в успѣхѣ моей попытки проникнуть за сторожевое охраненіе противника. И только успѣл отослать казака с донесеніем, как младшій урядник Заметнин прибѣжал ко мнѣ с докладом, что не болѣе, как в ста шагах от нас виден небольшой костер и около него нѣсколько непріятельских солдат. Заметнину и еще одному казаку я приказал ползти по обочинѣ шоссе насколько возможно и остаться лежать, не давая себя замѣтить, ожидая моего сигнала. Четырем казакам я приказал отойти в противоположную сторону, шагов на сто, по берегу оврага и по сигналу выпустить по костру по одной обоймѣ патрон. Дождавшись, когда посланные люди достигли исходнаго положенія, я открыл огонь по костру сейчас же поддержанный моими казаками. Выполненіе столь нехитраго маневра удалось, как нельзя лучше: часовой и подчасок у проволочной рогатки на шоссе немедленно бѣжали, а со стороны, надо было полагать, полевого караула, началась частая и безпорядочная ружейная стрѣльба. Разъѣзд мой в 9 коней, включая и меня, моментально был на конях; Заметнин по моему приказанію быстро убрал проволочную рогатку с шоссе и я, прорвав линію сторожевого охраненія противника, наметом двинулся за отступающей заставой и атаковал ее. Застава, понеся потери в пять человѣк, зарубленных казаками, во главѣ с офицером

Русская Публичная БИБЛІОТЕКА

сдалась в плѣн. Оказалось, что потерпѣв под Праснышем большое пораженіе, нѣмцы начали отход на линію Сольдау, оставив в Модлы аррьергардную роту, в Млавѣ — главныя силы аррьергарда.

Плѣнные под конвоем четырех казаков были мною отправлены в тыл, предварительно обезоруженные. Для отвоза в тыл оружія я поручил одному казаку разыскать подводу, а сам с четырьмя казаками стал продвигаться на Модлы, откуда на моих глазах спѣшно отходила германская рота. Послав срочное донесеніе, я продолжал с тремя казаками двигаться, по возможности, скрытно от глаз противника за ним, дабы не открыть своих дѣйствительных сил в четыре всадника. Мало-по-малу я продвигался к Млавѣ, посылая время от времени донесенія в Штаб бригады и, наконец, к вечеру с одним оставшимся у меня казаком подошел к Млавѣ на разстояніе не больше двух верст и остановился за кирпичным сараем. Наняв двух мальчишек я имѣл всѣ данныя о том, что дѣлается у нѣмцев и, по мѣрѣ отхода их аррьергарднаго батальона из города, я с окраин Млавы подвигался постепенно к центру, к площади у костела. Очутившись на ней, я послал оставшагося у меня казака с донесеніем: «Млаву занял. Прошу подкрѣпленія для преслѣдованія отступающаго противника. В моем распоряженіи остался один конный вѣстовой».

Я совершенно недоумѣвал, видя, что фактически обстановка прямо противоположна полученной мною оріентаціи Штаба корпуса. Кромѣ того, я не понимал, почему Штаб бригады ничѣм не реагирует на мои донесенія, и почему казаки, которых я посылал в тыл, не возвращались ко мнѣ обратно. Правда, я уже удалился от своей бригады не менѣе, как на 20 верст, но все-же я полагал, что хотя-бы первыя мои донесенія должны быть получены Штабом бригады.

В то же самое время в Штабѣ царило, оказывается, также полное недоумѣніе. Никаких свѣдѣній об измѣненіи обстановки, кромѣ моих донесеній, там получено не было. Получив, наконец, опредѣленное мое донесеніе о том, что я нахожусь в самой Млавѣ, которая противником оставлена, рѣшили провѣрить правильность его и послали в Млаву разъѣзд Приморскаго драгунскаго полка, силою в один взвод, под командой корнета Коншина. Около полуночи я со своим вѣстовым сидѣл на верандѣ одного из ресторанов на главной улицѣ Млавы и, держа лошадей в поводу, послѣ голоднаго дня ужинал, когда послышался конскій топот с нашей стороны и показался взвод драгун. Корнет Коншин сообщил мнѣ, что ему было приказано срочно провѣрить мѣсто моего нахожденія и немедленно донести в Штаб бригады. И со слов мѣстных жителей, он уже из дер. Модлы послал первое донесеніе, в котором сообщил, что по словам жителей, дѣйствительно, нѣсколько казаков находятся в Млавѣ. Не прошло и двух часов с момента прибытія разъѣзда корнета Коншина, как к Млавѣ начала подтягиваться наша бригада.

Еще задолго до прибытія разъѣзда приморцев в Млаву, пока

было достаточно свѣтло для наблюденія, я замѣтил со своего наблюдательнаго пункта, что к аптекѣ, находящейся на площади у костела, подошли два автомобиля: один обычный, легковой, а другой — фургон, с красными крестами на боковых стѣнках. Из машин вышли нѣсколько человѣк и скрылись в аптекѣ. Шоффера остались на улицѣ. Взяв винтовку вѣстового, я тщательно прицѣлился в переднюю легковую машину и выстрѣлом пробил в ней бензиновый бак, лишив тѣм самым возможности уйти не только поврежденную, но и исправную машину, так как путь ей был загорожен. Послѣ выстрѣла поднялась паника, и пассажиры обѣих машин бросились бѣжать. Имѣя только одну винтовку, мы успѣли подстрѣлить лишь одного шоффера, ранив его в ногу; всѣ остальные разбѣжались и скрылись. Почти в то же самое время на моих глазах, под конвоем нѣсколькихъ человѣк, в сопровожденіи двух телѣг, нѣмцы проводили девятнадцать наших драгун Приморскаго полка, при четырех офицерах, захваченных в плѣн, повидимому, гдѣ-то недалеко. Имѣя при себѣ одного казака, я не рѣшился на попытку отбить плѣнных и из опасенія попасть в своих, даже не стал стрѣлять. Было очень досадно, что Штаб бригады опоздал поддержать меня, так как, имѣя при себѣ хотя бы только свой разъѣзд, я легко мог бы отбить наших плѣнных и захватить их конвой.

К полуночи 2-го декабря 1914 года, наша бригада во главѣ с начальником ея, генерал-маіором Киселевым, заняла Млаву. Я встрѣтил начальника бригады на площади у костела и тут же сдѣлал ему подробный доклад о дѣйствіях своего разъѣзда за день. Плѣнные взятые мною уже прошли через Штаб бригады, и генерал был освѣдомлен о боевой работѣ разъѣзда со слов конвоя. Начальник бригады поздравил меня с успѣхом и тут же приказал начальнику Штаба телеграфно представить меня к награжденію Георгіевским оружіем. К ордену св. Георгія я уже был представлен 11-го ноября того же года за дѣло под Сахотиным.

Бригада немедля пошла в наступленіе в направленіи на Сольдау и имѣла под этой крѣпостью ряд успѣшных для нас боев, за которые начальник бригады, генерал-маіор Киселев, был награжден орденом св. Георгія.

5.

ЛѢТНЯЯ КАМПАНІЯ 1915 ГОДА.

Боевыя качества начальника. Рѣшительность и настойчивость. Вліяніе техники и новых средств боя. Руда и Журамин. Соперничество в развѣдкѣ. Индивидуальныя свойства бойцов. Генерал-маіор А. М. Крымов. Его боевыя качества и слабыя стороны. Сущность кавалерійскаго начальника. Тяжелые аррьергардные бои дивизіи. Душа конницы и ея современное значеніе. Прорыв фронта противника у озера Дресвяты. Бой за переправу. Несостоятельность генерала Орановскаго. Тяжелыя потери и отступленіе.

Элемент внезапности на войнѣ имѣет весьма большое значеніе не только для стороны, подвергшейся нападенію и вынужденной обороняться, но и для самих нападающих. От быстроты оріентировки начальника в большинствѣ случаев зависит конечный успѣх предпріятія. Превосходство сил в таких случаях значенія не имѣет и даже больше: при мало распорядительном или растерявшемся начальникѣ большая по численности масса войск становится менѣе пригодной для дѣла, чѣм меньшая количественно часть, при находчивом начальникѣ. Не будет ошибкой считать, что при нераспорядительном начальникѣ значеніе количественнаго превосходства войск над противникомъ будет обратно пропорціонально их достиженіям. С другой стороны, при энергичном, быстро схватывающем обстановку и распорядительном начальникѣ значеніе численности находящихся в его распоряженіи войск будет имѣть рѣшающее значеніе на исход боевых столкновеній в операціях даже частнаго характера. Элемент внезапности, по всѣм данным, пріобрѣтает особо важное, если не рѣшающее значеніе в будущих войнах, характер которых под вліяніем небывалаго развитія техники в наши дни должен совершенно измѣниться. Возможность переброски воздушных десантов в рѣшительный момент на рѣшительный участок фронта и даже в глубокій тыл противника чрезвычайно расширит число случаев, когда элемент внезапности пріобрѣтет рѣшающее значеніе для исхода тѣх или иных операцій. В будущих войнах главной цѣлью противников явится стремленіе внести дезорганизацію в тылу, чтобы разрушить экономическія функціи в аппаратѣ противной стороны, вызвать панику в тылах и нарушить нормальную работу руководящих центров, как военнаго командованія, так и граждансkаго управленія

непріятеля. При рѣшеніи этих заданій, внезапность и стремительность налетов в глубокіе тылы противной стороны явятся, без сомнѣнія, главнѣйшим условіем для достиженія поставленных себѣ цѣлей.

Элемент внезапности находится в прямой зависимости от рѣшительности военачальника. К сожалѣнію, до сего времени у нас наблюдалось, что рѣшительность являлась свойством обратно пропорціональным рангу и положенію начальника; чѣм больше должность, тѣм слабѣе рѣшительность. Степень пригодности военачальника, помимо прочих условій, должна оцѣниваться в зависимости от его способности дѣйствовать рѣшительно и не бояться отвѣтственности. Конечно, рѣшительность должна сочетаться с прочими положительными качествами, наличіе коих обязательно для полководца, иначе он принесет только вред нарушая общій план ведущихся операцій и приводя части к безсмысленным потерям. Все это, впрочем, давно разработано в теоріи и детально освѣщено в аспектѣ исторических примѣров многими авторитетами военнаго дѣла. Новаго тут сказать нечего, нам остается только всегда помнить эти истины и не забывать примѣнять их на практикѣ.

Праснышскія операціи закончились нашим успѣхом и нѣмцы, понеся потери в десятки тысяч плѣнными и большим количеством разнокалиберной артиллеріи, отошли. Наша бригада была переведена на линію рѣки Свенты, гдѣ заняла окопы на довольно продолжительное время. Вслѣд за отходящим противником, мы из-под Млавы были двинуты в юго-западном направленіи, к дер. Руда. Руда расположена на Прусской территоріи, у самой границы. В продолженіи полутора мѣсяцев я находился в дер. Зеленой, на пути между Рудой и Журамином. Больших боев в этот період не было, вели развѣдку и состязались с германскими кавалеристами в небольших кавалерійских стычках и ловкости развѣдчиков. Нѣмцы придерживались системы развѣдки не менѣе полу-эскадроном, а мы предпочитали пользоваться мелкими разъѣздами, имѣвшими иногда в своем составѣ не болѣе 5-6 коней. Наш казак оказался лучшим индивидуальным бойцом, чѣм нѣмецкій регулярный кавалерист. За полтора мѣсяца практики моей в дѣйствіи разъѣздом, при регулярной смѣнѣ казаков, я захватил в плѣн свыше 50 германских всадников и не потерял ни одного со своей стороны. В концѣ концов, это настолько терроризовало германских кавалеристов, что они продвигались для развѣдки в наше расположеніе, имѣя позади себя небольшія пѣшія части, часто на тѣлегах. Мы сразу учли это обстоятельство и измѣнили свою тактику, беря под непрерывное наблюденіе непріятельских развѣдчиков, но не обнаруживая себя до тѣх пор, пока они не считая свою задачу сконченной, не поворачивали обратно. Тогда, обычно, пѣхота уходила вперед, полагая, вѣроятно, что разъѣзду уже не может угрожать какая-либо опасность нападенія, а мы атаковали нѣмцев как раз в тот момент, когда они

считали себя уже дома. Наконец, нѣмцы были выведены, повидимому, из терпѣнія и рѣшили двумя батальонами ландштурма (ополченіе) занять мѣстечко Журамин в нашей тылу, чтобы лишить нас возможности оставаться в Зеленой и дѣлать вылазки на их территорію. Когда эти батальоны заняли Журамин, мы не только, не ушли из Зеленой, но совершенно отрѣзали их от своей базы и уничтожили возможность подвоза им продовольствія, перехватывая обозы и отбирая все, что они везли. Это было, сравнительно, нетрудно, потому что обозы в видах безопасности шли по ночам, и при незначительном конвоѣ. Через нѣсколько дней нѣмцы начали пускать обозы под конвоем эскадрона, с примѣненіем всѣх мѣр охраненія. Тогда я со своим разъѣздом, выждав уход эскадрона с обозом из дер. Руды, напал на нее и обратил в бѣгство взвод ландштурмистов, оставшихся в деревнѣ. Занимая в теченіе нѣскольких часов дер. Руды, я дождался возвращенія конвойнаго эскадрона и внезапно напал на него при входѣ в деревню. Такая неожиданность настолько сильно повліяла на противника, что эскадрон буквально разбѣжался. Часть всадников бросилась в Журамин и подняла там тревогу. Гарнизон мѣстечка, получив свѣдѣнія о занятіи русскими Руды в тылу Журамина, немедленно начал безпорядочный отход. Имѣя в своем распоряженіи около двадцати всадников я сначала начал обстрѣл спѣшно отступающей колонны и когда этим привел ее в сметеніе, атаковал ее в конном строю, захватив около ста плѣнных и обоз в двадцать телѣг. За это дѣло я был произведен в слѣдующій чин внѣ очереди, за отличіе.

В концѣ 1914 года начальник нашей бригады, генерал-маіор Киселев получил назначеніе на должность начальника 8-ой кавалерійской дивизіи, а нашу бригаду весной 1915 года принял в командованіе извѣстный генерал-маіор А. М. Крымов. Вскорѣ послѣ того и состав бригады был придан 2-ой Амурскій казачій полк и бригада была переименована в дивизію. Прибытія генерала Крымова я ожидал с восторгом, так как его репутація, как рѣшительнаго и смѣлаго начальника, среди наших казаков была безупречна. Его знали как выдающагося командира 1-го Аргунскаго полка нашего войска перед самой Великой войной. Лично я еще в мирное время привык смотрѣть на генерала Крымова, как на человѣка исключительных дарованій и рѣшительности, поэтому я был убѣжден, что с прибытіем к нам Крымова дѣйствія нашей дивизіи должны еще бо́лѣе оживиться. Я не ошибся в своих ожиданіях. В лицѣ генерала Крымова наша дивизія получила доблестнаго и выдающагося начальника, весьма крупнаго масштаба. Однако, у каждаго человѣка имѣются свои слабости и чѣм крупнѣе человѣк, по своим дарованіям и талантам, тѣм рѣзче выступают эти маленькія слабости на общем фонѣ богато одаренной натуры таких людей. Генерал Крымов имѣл слабость считать себя, по-преимуществу, кавалерійским начальником,

в то время, как фактически он был крупный и талантливый военачальник в общем смыслѣ, как кавалеристъ же былъ нѣсколько слабоватъ. Это — мое личное мнѣніе, которое я подкрѣпляю слѣдующими соображеніями: генералъ Крымовъ слабо учитывалъ силы лошади и выматывалъ дивизію длинными и частыми переходами, буквально обезлошадивая ее. Правда, періодъ командованія генераломъ Крымовымъ дивизіей совпалъ с начавшимся общимъ большимъ отступленіемъ нашей арміи, оставшейся безъ вооруженія и огнеприпасовъ. Наша дивизія, выполняя задачи маневренной конницы, прикрывала отступленіе нашей пѣхоты на стыкѣ двухъ фронтовъ: Западнаго и Сѣвернаго и вела тяжелые арьергардные бои, бросаясь на наиболѣе угрожаемые участки, временами атакуя и отбрасывая назадъ зарывавшагося противника, чтобы дать пѣхотѣ возможность спокойнаго отхода. Безъ всякаго обоза, безъ дневокъ и отдыха, дивизія в теченіе всей лѣтней кампаніи 1915 года моталась вдоль по фронту нашихъ отступающихъ арміи, вслѣдствіе чего конскій составъ нашъ страдалъ чрезвычайно. Тѣмъ болѣе, что слѣдующимъ недостаткомъ нашего начальника дивизіи, какъ кавалерійскаго генерала, слѣдуетъ считать то, что онъ совершенно не хотѣлъ считаться с силами забайкальскихъ лошадей, на которыхъ сидѣли наши казаки и заставлялъ ихъ изо дня в день работать черезъ силу, равняясь по далеко превосходящимъ ихъ крупнымъ лошадямъ нашей регулярной кавалеріи. Однако, пожалуй, наиболѣе крупнымъ недостаткомъ генерала Крымова, какъ кавалерійскаго начальника, слѣдуетъ считать не всегда правильное использованіе имъ конницы, в примѣненіи ея в конномъ или пѣшемъ строю. Правильный учетъ всѣх указанныхъ обстоятельствъ составляетъ то, что мы называемъ «душой конницы» и нарушеніе гармоніи между ними ведетъ к безцѣльному выматыванію силъ коня и всадника, подрываетъ его вѣру в свое значеніе, какъ самостоятельного рода оружія. Отсюда, по моему мнѣнію, пошла теорія отживанія конницы, потери ею своего значенія в современной войнѣ. Я глубоко не согласенъ с этимъ мнѣніемъ и охарактеризовалъ бы его не какъ отживаніе конницы, а скорѣе, какъ потерю чувства конника в большинствѣ нашихъ современниковъ, слишкомъ зараженныхъ чрезмѣрнымъ увлеченіемъ техническими достиженіями нашей сверх-цивилизованной эры. В нашъ вѣкъ настоящихъ конниковъ родится меньше, чѣмъ раньше. Конь и всадникъ должны сродниться, взаимно дополнять другъ друга и отлично разбираться в психологіи одинъ другого. Тогда из нихъ выйдетъ толкъ. Конь не можетъ изучить нашей психологіи, онъ ловитъ ее инстинктомъ. А если человѣкъ не понимаетъ и не любитъ лошади, если онъ не сроднился с нею, онъ никогда не завоюетъ ея довѣріе и навсегда останется чужд и непонятенъ ей. Наличіе указанныхъ свойствъ у военачальника невольно схватывается массой всадниковъ и передается коню. Поэтому безконечно правы тѣ, которые считаютъ, что исторія конницы — есть исторія ея начальниковъ и что хорошимъ кавалерійскимъ начальникомъ нельзя выучиться быть, имъ надо ро-

Русская Публичная БИБЛІОТЕКА

диться. Может быть многим мои сужденія покажутся странными и непонятными, но тѣ, кто знаютъ коня, кто служил и работал с конем в бою — поймут меня.

Конница — один из наиболѣе чувствительных родов оружія. Безусловно, в наше время, в нѣкоторых случаях, техника далеко превысила качества конницы и измѣнила тактику боя, замѣнив соединенную живую силу коня и всадника — машиной. Но роль конницы далеко еще не кончилась. И если в опутанной проволокой и рельсовыми и шоссейными путями Европѣ возможности конницы сильно сужены, то еще много на землѣ есть мѣст, гдѣ единственной двигательной силой долгое время еще останется конь, а единственной дорогой — вьючная тропа. В таких мѣстах машинизированныя арміи, без надлежащих путей сообщенія, не будут в состояніи организовать снабженіе и будут вынуждены таскать за собой грандіозные обозы, в видѣ всякаго рода мастерских и запасов горючаго.

Нѣт. Роль конницы еще не закончена и необозримыя пространства степей Евразіи еще не раз развернут на равнинах своих казачью лаву и дадут богатую тему поэтам воспѣть всадников — героев и их быстроногих скакунов.

В Германскую войну, несмотря на то, что в 1915 году уже весь наш громадный фронт от Тукkума до Дуная оказался заплетенным проволокой, наша конница оправдала затраты, которыя Правительство и страна понесли на нее в свое время.

В началѣ сентября 1915 года у нашего Верховнаго командованія, повидимому, был план использованія кавалерійских масс для рейда в глубокій тыл противника. Насколько мнѣ извѣстно, план рейда на случай войны с Германіей был разработан еще покойным М. Д. Скобелевым.

Кажется, к 3-му сентября 1915 года, тридцать наших кавалерійских дивизій и двѣ пѣхотныя дивизіи были сосредоточены в раіонѣ озера Дресвяты и рѣки Дресвятицы. Во главѣ этой грандіозной конной арміи был поставлен генерал Орановскій. Пѣхота должна была прорвать фронт нѣмцев и тѣм дать возможность конницѣ массой свыше десяти дивизій войти в глубокій тыл противника. Замысел был поистинѣ грандіозным и осуществленіе его могло оказать существенное вліяніе на исход всей войны, но, к несчастью нашему, генерал Орановскій оказался совершенно несоотвѣтствующим возложенной на него задачѣ и из блестящаго плана не вышло ничего. По непонятным соображеніям, пѣхота совершенно не была употреблена в дѣло, прорыв же фронта был поручен нашей дивизіи, которая должна была форсировать Дресвятицу и в пѣшем строю атаковать окопы противника. По приказанію генерала Крымова первоначально были спѣшены два казачьих полка: наш, 1-ый Нерчинскій и Уссурійскій.

Нашим полком в то время командовал гв. полковник Кузнецов, человѣк, высоко - порядочный и большой личной храбрости. Он принадлежал к постоянному составу Офицерской кавалерійской школы, был отличный ѣздок, спортсмен и знаток лошади. К роли же строевого начальника, очевидно, не готовился и в вопросах оперативнаго руководства и командованія полком был мало опытен, что часто ставило его в тяжелое положеніе.

На разсвѣтѣ 4-го сентября наш полк должен был внезапно форсировать р. Дресвятицу и сбить противника, окопавшагося на противоположном берегу рѣки. Рѣка Дресвятица была не широка, но многоводна, с узким и глубоким руслом и чрезвычайно топкими берегами, что дѣлало ее почти непроходимой. Во всяком случаѣ, не представлялось возможным найти брод через рѣку. Ил и глина на берегу, буквально, засасывали ноги.

Только начала алѣть утренняя заря, полк двинулся вперед, имѣя в авангардѣ одну сотню, под командой сотника (нынѣ генерал-маіора) Жуковскаго. Мы еще не подтянулись к берегу рѣки, как услышали раскаты русскаго «ура» и частую ружейную стрѣльбу. Сотник Жуковскій под прикрытіем темноты разобрав какой то сарай невдалекѣ от рѣки и устроив из досок импровизированную переправу, молніеносно перебросил сотню через рѣку и атаковал нѣмецкую пѣхоту в окопах, совершенно для нея неожиданно. Стремительность и внезапность атаки горсти забайкальцев во главѣ с доблестным сотником Жуковским, вызвали поспѣшный отход противника на вторую линію укрѣпленій, гдѣ он был немедленно атакован переправившимися тѣм временем через рѣку остальными сотнями нашего полка, поддержанными спѣшенными приморцами. Одновременно уссурійцы атаковали фольварк Столповчизна и овладѣли им, выбив противника. С занятіем фольварка Столповчизна было завершено овладѣніе всей второй линіей германских окопов на намѣченном участкѣ. Не будучи поддержаны ни пѣхотой ни остальной конницей, полки наши остановились на достигнутых рубежах, гдѣ оставались в теченіе трех дней. Развитія успѣха с нашей стороны не послѣдовало вслѣдствіе непонятной пассивности Штаба генерала Орановскаго. Мы могли только молча возмущаться и готовиться к предстоящей защитѣ занятых нами позиій, в ожиданіи попыток противника выбить нас из них. 5-го сентября выявилось наступленіе нѣмецкой пѣхоты в силах далеко превосходящих наши спѣшенныя части. В послѣдовавших тяжелых боях мы потеряли двух командиров полков — нашего, полковника Кузнецова и уссурійскаго — полковника Куммант и девятнадцать офицеров из числа наличных в строю двадцати восьми офицеров. Отступая под давленіем превосходящих сил противника, мы, 7-го сентября настигли главныя силы нашей конной арміи на полпути к городу Цѣханову, в раіонѣ

села Воли-Каниговской. Здѣсь только тѣснившія нас части противника были задержаны нашей пѣхотой.

Я не берусь давать оцѣнку дѣятельности генерала Орановскаго и его Штаба в період изложенной выше операціи, так как не знаю в чем именно заключалась его задача. Однако, факт массированія конницы в раіонѣ системы Дресвятских озер, надо полагать, имѣл цѣлью развитіе операцій большой важности, сознательно Орановским не выполненных. Он ограничился лишь демонстраціей в широких рамках прорыва фронта, а когда таковой оказался дѣйствительно прорванным, он не рѣшился влиться в прорыв всей массой ввѣренной ему конницы. Даже, если-бы генерал Орановскій и не имѣл такой задачи, неужели настоящій кавалерійскій начальник не использовал бы столь удачно сложившуюся обстановку для прорыва фронта противника и послѣдующаго грандіознаго по количеству участников рейда в глубокій тыл противника. Для чего иначе было массировать столько кавалеріи и нести потери для прорыва фронта непріятеля.

6.

НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.

Рейды в глубокій тыл противника. Переброска на юго-западный фронт. Карпаты. Галиція и Буковина. Забитость и бѣдность населенія. Выступленіе Румынія. Моральное и боевое значеніе этого факта. Массовая военная подготовка населенія. Война и политика. Политика и армія. Механизація армія. Воспитаніе арміи. Потери и пополненіе арміи. Дезертирство. Развал в верхах и в тылу. Разруха транспорта и снабженія.

Весь послѣдующій період наша дивизія выполняла самостоятельныя задачи по заданіям Штаба арміи, представляя собою армейскую конницу 5-ой нашей арміи на Сѣверном фронтѣ. Частным начальникам, включая начальников разъѣздов, предоставлялась самая широкая иниціатива и потому дѣйствія дивизіи были всегда очень интересны для исполнителей, воспитывая в офицерах и казаках рѣшительность и умѣнье быстро оріентироваться в обстановкѣ, быстро принимать рѣшеніе и энергично и настойчиво проводить его в жизнь. За это время, под командой генерала Крымова, мы имѣли пять рейдов в тыл противника и всѣ эти операціи были незаурядны по своему исполненію. Особенно знаменателен по цѣлям и памятен по дѣйствіям был наш набѣг в тыл противника с прорывом его фронта на рѣкѣ Вентѣ. Под командой генерала Крымова шли двѣ дивизіи: наша, Уссурійская конная и 4-ая Донская казачья. Задача заключалась в том, чтобы прорвать фронт противника, зайти в тыл мѣстечка Тришки и содѣйствовать атакѣ этого мѣстечка нашей

пѣхотой с фронта. По выполненіи этой задачи, мы получили распоряженіе углубиться дальше в тыл противника и выйти на Таурогенское шоссе. Однако, тут мы наткнулись на столь значительныя силы противника, что эту вторую задачу выполнить были не в состояніи. Пробивая себѣ дорогу наш отряд имѣл столкновеніе с батальоном пѣхоты, засѣвшей в карре из повозок. Троекратная конная атака, предпринятая по приказанію генерала Крымова приморскими драгунами и уссурійцами успѣха не имѣла и только послѣ того, как двѣ или три очереди артиллерійских залпов разметали прикрытіе противника, мы снова атаковали его и порубили больше четырехсот человѣк. Этот батальон должен был занять единственный мост чѣрез Венту в нашем тылу и, таким образом, закрыть нам выход из непріятельскаго тыла на свою сторону.

Позднѣе дивизія наша была переброшена на Юго-Западный фронт, к Черновицам, для развитія прорыва австрійскаго фронта, в результатѣ наступленія генерала Брусилова лѣтом 1916 года. Здѣсь мы имѣли длительныя операціи в Буковинѣ, в самом центрѣ Карпатских гор и наша дивизія была первой русской частью, спустившейся с гор в Венгерскую равнину. Во главѣ одного из боковых авангардов я находился на Мармарош-Сигетском направленіи. Операціи в Карпатах были вдвойнѣ трудны для конницы, как по отсутствію каких-либо путей сообщѣнія, так и по полной безкормицы для лошадей. Дѣвственные лѣса; заоблачная высь гор; неимовѣрная узость долин, обращающихся в ущелья, настолько затрудняли наше продвиженіе, что прорубая лѣс для прохода пулеметных вьюков и горной артиллеріи, мы иногда за сутки проходили не больше 7-8 верст. К этому слѣдует добавить почти полное отсутствіе населенія и крайнюю бѣдность его, которая заставляла привозить из тыла все продовольствіе для людей и лошадей по первобытным тропинкам, доступным лишь для вьюков. Всѐ это повело к тому, что полки, в концѣ концов, были спѣшены и коноводы с конями отправлены в тыл к обозам 2-го разряда. Что касается этих послѣдних, то с вступленіем в командованіе дивизіей генерала Крымова, мы никогда не видѣли их ближе, чѣм на 50-60 верст от мѣстонахожденія дивизіи.

В Галиціи и Буковинѣ меня крайне поражала бѣдность и забитость крестьян гуцулов и русин. Их внѣшній вид и образ жизни всегда порождал глубокое, до болѣзненности, сожалѣніе, особенно, принимая во вниманіе их близкую родственность нам — они говорили на чистом великорусском языкѣ. Избы их ютятся, обычно, в одиночку по скатам и уступам гор и рѣдко можно найти село, насчитывающее болѣе двух, трех десятков домов.

Наиболѣе обезпеченным и вліятельным положеніем в Галиціи, как мнѣ казалось, пользовались евреи, на притѣсненія которых сильно жаловались русины.

По завершеніи Карпатских операцій дивизія наша была смѣнена пѣхотными частями и выведена из Карпат в раіон города Радауц в Буковинѣ. Здѣсь приняли пополненіе и глубокой осенью походным порядком были направлены в Румынію, которая к этому времени вступила в войну в качествѣ нашего союзника.

Выступленіе Румыніи против центральных держав на сторонѣ четверного согласія не принесло нам каких либо преимуществ и для нашей арміи имѣло скорѣе отрицательное значеніе, нежели положительное. Пока Румынія была нейтральна, мы имѣли наш лѣвый фланг хорошо обезпеченным; если-бы Румынія ввязалась в войну на сторонѣ наших противников, мы могли бы или оккупировать ее или, удлинив наш фронт до Чернаго моря, принять надлежащія мѣры к оборонѣ его. Получив Румынію в качествѣ союзника, мы получили необученную, мало способную армію; получили необходимость снабженія ея всѣм необходимым; наконец, получили союзника, котораго должны были защищать собственной грудью, так как сам себя он не был в состояніи защищать. Нѣт сомнѣнія в том, что успѣх на войнѣ обезпечивается не столько численностью войск, сколько их качеством, моральным воспитаніем, искусством управленія ими и, наконец, качеством их вооруженія и снабженія. Румынская армія не имѣла ни одного из этих свойств. Присоединеніе к нам Румыніи увеличило нашу живую силу, но это преимущество оказалось весьма проблематичным, так как нам сейчас же потребовалось удлинить свой фронт. Удлиненіе фронта происходило исключительно за счет русских войск, так как румынская армія оказалась совершенно неподготовленной к войнѣ. Тяжелая задача опеки над румынами была возложена на армію генерала Щербачева, который выполнял ее поскольку это было возможно, принимая во вниманіе, что благодаря полной непригодности румын в боевом отношеніи, противники наши черпали свое боевое вдохновеніе в постоянных пораженіях румын. Таким образом, слабость нашего новаго союзника легла тяжелым бременем на Россійскую Армію и без того задерганную нашими западными союзниками, требовавшими от нас активности во что бы то ни стало, с цѣлью оттяжки на себя сил австро-германцев, давящих на французов. Нечего и говорить, что такая система в корнѣ нарушала выполненіе операцій, план которых намѣчался в соотвѣтствіи с данными обстановки и возможностями нашего русскаго фронта.

В наш вѣк значеніе массовой подготовки во всѣх отраслях человѣческой дѣятельности возросло до чрезвычайности. Это особенно замѣтно в области военнаго искусства и является прямым слѣдствіем обязательности военной службы для всѣх граждан государства. Введеніе всеобщей воинской повинности постепенно замѣнило понятіе профессіональной арміи болѣе широким понятіем вооруженнаго народа. Нужно предвидѣть, что с развитіем техники в войнах будет принимать участіе не только вооруженная часть наро-

да, т. е. армія, но и весь народ в цѣлом, включая женщин, стариков и подростков, и война будет вестись не только на фронтѣ, но и в глубоких тылах противников. Поэтому, трудность войны, ея парализующее вліяніе на экономическую жизнь страны будут увеличиваться, так как все труднѣе станет снабжать армію и населеніе, занятое работой на оборону и все труднѣе будет обезопасить от вражеских налетов самые жизненные центры страны. Что касается моральной оцѣнки массовых армій, то качество их, т. е. индивидуальная цѣнность бойца и подготовка войсковых соединеній, конечно, будут понижаться пропорціонально численному росту армій и сокращенію сроков дѣйствительной службы. В этой области всѣм странам придется столкнуться с дилеммой: или повышать качество войск, в соотвѣтствіи с требованіями техники и все усложняющагося искусства воевать, или увеличивать их количество в ущерб моральной и технической цѣнности, как отдѣльнаго бойца, так и всей арміи в цѣлом. Преобладаніе качества над количеством было бы вполнѣ достижимо при возвратѣ к сравнительно небольшим, но хорошо обученным и вооруженным арміям. Однако, это осуществимо лишь при условіи перехода всѣх стран к такому порядку, т. е. предполагает наличіе какого-то международнаго соглашенія, обязательнаго для всѣх. Кромѣ того, всякая область человѣческих знаній, будь то математика или естественныя науки, в разных стадіях своего развитія, должна допускать нѣкоторыя предположенія или гипотезы, без которых прогресс невозможен. Тѣм болѣе это относится к военной наукѣ, тѣсно связанной с природой, в лицѣ ея объекта — человѣка. Военная наука, дѣлая построенія и выводы на основаніи опыта и исторіи, требует от полководца извѣстной силы воображенія для того, чтобы претворить теорію в жизнь и разработать операцію, базируясь на строго конкретных данных. Без этого послѣдняго обстоятельства его выводы будут граничить с фантазіей всегда опасной в тѣх послѣдствіях, которыя она может вызвать. Война есть слѣдствіе политики, точно также, как всегда политика является причиной войны. Эти два элемента государственной жизни націй всегда сопутствуют один другому. Выражаясь фигурально, это суть двѣ точки, замыкающія общій круг жизни человѣчества и его исторіи. От развитія одного из этих элементов зависит участь другого. Как-бы ни старался военный руководитель держаться в сторонѣ от политики, он не минует необходимости учета ея значенія на вліяніе хода кампаніи. Суть высшей науки о войнѣ, стратегіи, и предусматривает необходимость учета политической обстановки, как внутри страны, так и внѣ ея, дабы точно обосновать принципы государственной обороны, предусматривая своих вѣроятных врагов и союзников. Сказанное выше нисколько не оправдывает ходячее мнѣніе, что в наше сложное время каждый солдат должен быть политиком. Конечно, это абсурд, доведенный до крайности, который особенно ясно должен чувство-

ваться тѣми, кто пережил послѣдствія общеизвѣстнаго приказа № 1, выпущеннаго Временным Правительством чуть-ли не на второй день Государственнаго переворота. Этот приказ, ввергнув армію в водоворот политики, привел ее в весьма короткій срок, в состояніе полнаго развала и дезорганизованности. Однако, также несомнѣнно, что солдат должен быть политически грамотным, чтобы быть в состояніи противостоять разлагающей марксистско-пацифистской пропагандѣ и должен быть точным и разумным исполнителем воли своего руководителя, передаваемой через посредство поставленных на то командиров.

С усовершенствованіем средств борьбы измѣняются и результаты ея. Военачальник не должен пренебрегать никакими средствами боя, предоставленными ему современной техникой, примѣняя все, ему доступное в достиженіи поставленных себѣ цѣлей. В тоже время, не слѣдует слѣпо увлекаться механизацією в ущерб надлежащей высоты индивидуальной подготовки бойцов, памятуя, что в конечном итогѣ побѣдит та армія, в которой разумно сочетается техника и воспитаніе личнаго состава. Весьма вредное вліяніе на воспитаніе арміи оказывают фантастическія описанія будущих войн, наполненныя описаніями таких ужасов технических средств пораженія, что получается явная нелѣпость. Однако, эта нелѣпость способна внести смущеніе и робость в среду солдат и толкнуть их на путь полной потери энергіи и воли к борьбѣ против средств пораженія, существующих, в большинствѣ случаев, лишь в головѣ досужих писателей. Во всяком случаѣ, с вредным вліяніем такого рода литературы слѣдует серьезно считаться, ибо преувеличенность представленія об ужасах войны может с первых же дней ея дезорганизовать тыл и убить этим дух войск.

На войну 1914 года мы вышли с арміей достаточно подготовленной и надлежаще воспитанной. Это было наше единственное преимущество, принимая во вниманіе нашу отсталость в техническом отношеніи, и это преимущество было утрачено нами чуть-ли не в первые полгода войны вслѣдствіе вывода из строя кадров арміи, особенно офицерскаго состава ея. Первоочередныя части арміи вели бои в Польшѣ, в Пруссіи, в Галиціи без соблюденія какой либо экономіи в личном составѣ. Очевидно, в верхах нашего командованія не отдавали себѣ отчета ни в возможной продолжительности войны, ни в необходимости сохраненія резерва офицерскаго и унтерофицерскаго кадра для частей, формирующихся по мобилизаціи, а также для пополненія убыли младшаго командного состава, потери котораго в процентном отношеніи всегда значительно превышают потери рядовой массы бойцов. Эта непредусмотрительность привела нас к исходу 1916 года к полному истребленію корпуса офицеров арміи, что вынудило прибѣгнуть к созданію того суррогата офицеров, который ни по своей подготовкѣ ни по воспитанію, не подходил к предназна-

ченной ему роли. Офицеры военнаго времени, т. е. офицеры поневолѣ, естественно, не могли имѣть должнаго авторитета в глазах солдата не имѣя сколько-нибудь удовлетворительных военных знаній. Многіе из них вышли из среды революціонно-настроенной русской общественности и свою роль понимали довольно своеобразно, внѣдряя в головы подчиненной им массы освободительныя идеи революціонной догматики. Такія обстоятельства не могли не повліять на боеспособность арміи, слѣдствіем чего явились неудачи, несмотря на то, что в отношеніи техническаго оборудованія и снабженія в этот період войны, мы сравнялись, если не перегнали наших противников. Отрицательное значеніе в вопросѣ боеспособности арміи, имѣла также ея грандіозность. Призыв под ружье свыше 12 милліонов людей ослабил экономическую мощь страны, усложнил до невѣроятія вопросы снабженія и привел в хаотическое состояніе средства транспорта. В итогѣ, в этот предреволюціонный період мы имѣли многочисленную, но плохо обученную, плохо одѣтую и плохо снабженную армію и безмѣрно разросшіеся тылы; наше техническое снабженіе не уступало таковому у наших противников, но мы не могли его использовать в достаточной мѣрѣ, не имѣя достаточно подготовленнаго персонала. К концу 1916 года дезертирство из арміи приняло такіе размѣры, что наша дивизія была снята с фронта и направлена в тыл для ловли дезертиров и охраны бессарабских желѣзных дорог. Мы ловили на станціи Узловая до тысячи человѣк в сутки. Солдатскій поток с фронта был настолько значителен, что это явленіе нельзя было разсматривать иначе, как грозным признаком грядущаго развала арміи. Развалу в низах сопутствовал развал и в верхах арміи. Ходили глухіе слухи о готовящемся дворцовом переворотѣ, который связывали с именем Великаго Князя Николая Николаевича. Пускались грязныя сплетни о Царской семьѣ. Дискредитировался престиж Императора и совершенно открыто говорилось об измѣнѣ и предательствѣ в непосредственном окруженіи трона. Никаких сколько-нибудь ощутительных мѣр против этой преступной пропаганды не принималось и фронт питался слухами один невѣроятнѣе другого.

К этому слѣдует добавить увеличивающуюся с каждым днем усталость населенія от войны и разстройство продовольственнаго вопроса, как слѣдствіе разстройства транспорта на фронтѣ и в глубинѣ страны. В большой степени дѣло снабженія войск интендантским довольствіем перешло в руки органов земских и общественных организацій, агенты которых вели революціонную пропаганду в войсках и, конкурируя между собою в скупкѣ у населенія запасов хлѣба и фуража, повышали цѣны на продукты питанія, дѣлая их недоступными для войсковых частей, которыя обязаны были покупать продовольствіе по твердым цѣнам, установленным интендантством. Приходилось прибѣгать к насильственным покупкам по цѣнам ниже

рыночных, что, естественно, вызывало недовольство населенія и затрудненія в снабженіи.

Весь этот запас революціоннаго горючаго матеріала использовался соціалистами всѣх толков и наименованій в своих цѣлях и, таким образом, с вопросов желудка и кошелька загорался костер Россійской революціи.

7.

РЕВОЛЮЦІЯ.

Неожиданность переворота. Ошибки правительства. Крестьянство. Мой перевод в 3-ій Верхнеудинскій полк. Обстановка в полку. Первые шаги революціонной власти. Признаки разложенія. Революціонныя перемѣны в полку. Комитет 2-го Кавказскаго корпуса. Наказ Урмійскаго гарнизона. Мое выступленіе в комитетѣ. Оппортунизм высшаго начальства. Мое заявленіе Союзу офицеров. Дисциплина в офицерской средѣ. Тяжелое положеніе командная состава.

Революцію всѣ ждали и все-же она пришла неожиданно. Особенно в момент ея прихода мало кто предвидѣл в ней начало конца Россійскаго Государства; мало кто вѣрил в возможность развитія крайних теченій до степени полнаго забвенія интересов государства. Поэтому, вначалѣ приход революціи привѣтствовался всѣми, начиная от рабочаго и кончая Главнокомандующих фронтами. *Вздор!*

Не учли того, что малокультурность нашего народа, общая усталость от тяжелой продолжительной войны, разруха и недостатки снабженія увлекут страну в пропасть, вынеся к власти элементы русскому народу чуждые и к благополучію его равнодушные.

Надо сказать, что внутренняя политика Императорских Правительств послѣдних лѣт, дѣйствительно, подготовляла почву для недовольства в самых широких слоях населенія. Особенно многомилліонное крестьянство имѣло всѣ основанія желать радикальных перемѣн, будучи ограничено в гражданских правах и остро нуждаясь в увеличеніи своих земельных надѣлов.

Имѣя необозримыя, совершенно незаселенныя пространства Сибири и Туркестана, наше правительство на протяженіи трех послѣдних царствованій не смогло разрѣшить здоровыми мѣропріятіями вопрос об увеличеніи крестьянскаго надѣла, путем правильной организаціи заселенія свободных земельных областей. Только в послѣдніе годы перед войной переселеніе малоземельных крестьян в Сибирь и Туркестан было поставлено на очередь и получило значеніе вопроса государственной важности. Однако, эти запоздалыя мѣропріятія уже не могли измѣнить положенія и многомилліонное россійское крестьянство жило мечтой о «черном пе-

ределѣ», который долженъ былъ отдать ему въ собственность всѣ помѣщичьи, удѣльныя, государственныя и пр. земли. Поэтому, въ крестьянской средѣ, мало культурной, почти безграмотной и безземельной не могли не воспользоваться успѣхомъ обѣщанія соціалистовъ: земля — крестьянамъ.

Завоевавъ симпатіи крестьянства, соціалисты также легко привлекли къ себѣ интеллигенцію, воспитанную на антипатріотичныхъ идеяхъ космополитизма эпохи сороковыхъ-шестидесятыхъ годовъ. Утопическія мечты о всеобщемъ уравненіи, о вѣчномъ мирѣ міра и соціалистическомъ его переустройствѣ всецѣло овладѣли умами интеллигентнаго слоя населенія, развращеннаго вредными литературными трудами и политическими выступленіями руководящихъ лидеровъ интеллигенціи изъ писателей, профессоровъ, адвокатовъ и пр.

Правительство, вмѣсто того, чтобы коренными реформами рѣшительно пресѣчь недовольства, дать землю крестьянамъ и уравнять ихъ въ правахъ со всѣмъ остальнымъ населеніемъ Имперіи, металось изъ стороны въ сторону, бросаясь въ крайности и возстанавливая противъ себя рѣшительно всѣ слои населенія. Въ мирное время это не было такъ замѣтно и полицейско-охранный аппаратъ сдерживалъ страсти; затяжная, небывало-тяжелая война измѣнила обстановку, а неудачи на фронтѣ и неспособность правительства справиться съ разрухой привлекли въ лагерь недовольныхъ такіе элементы, которые, казалось бы, должны были служить оплотомъ самодержавія и трона.

Не только привилегированное дворянство, но даже и члены Императорской фамиліи примкнули къ заговору, имѣвшему цѣлью, такъ называемый, дворцовый переворотъ въ пользу наслѣдника при регентствѣ Вел. Князя Николая Николаевича, и отреченіе отъ престола Государя Императора въ февралѣ мѣсяцѣ 1917 года могло совершиться лишь подъ давленіемъ высшихъ чиновъ арміи.

В концѣ 1916 года наша дивизія была выведена изъ Румыніи и расквартирована в Бессарабіи в раіонѣ города Кишинева. Главная задача, возложенная на дивизію, заключалась в охранѣ желѣзнодорожныхъ узловъ и сооруженій, а также в поимкѣ дезертировъ с фронта, которыхъ в этотъ періодъ было особенно много. В это время наладилось оживленіе на турецкомъ фронтѣ, и ввиду того, что наши Забайкальскіе полки находились в Персіи, я возбудилъ ходатайство о своемъ переводѣ в 3-ій Верхнеудинскій полкъ, куда и прибылъ в январѣ мѣсяцѣ 1917 года.

Полкъ былъ расположенъ в мѣстечкѣ Гюльпашанъ, почти на берегу Урмійскаго озера. В Библейскій періодъ это озеро носило названіе Генисаретскаго, столь знакомое каждому школьнику по Священной исторіи.

Полкомъ в это время командовалъ полковникъ Прокопій Петровичъ Оглоблинъ, бывшій мой сослуживецъ по 1-му Нерчинскому пол-

ку, доблестный боевой офицер и георгіевскій кавалер. Нынѣ П. П. Оглоблин является войсковым атаманом Иркутскаго каз. войска и генерал-маіором, и проживает в Шанхаѣ.

3-ьй Забайкальской Отдѣльной казачьей бригадой, в состав которой входил полк, командовал мой троюродный брат, в то время генерал-маіор, Дмитрій Фролович Семенов. Его Штаб находился в гор. Урмія.

Предполагаемое в то время наступленіе на Кавказском фронтѣ, из-за котораго я перевелся на этот фронт, не развивалось, но я не сожалѣл о своем пріѣздѣ в Персію, ибо все-же лучше было нести службу на передовых позиціях, чѣм имѣя дѣло с предателями родины, заниматься уловленіем дезертиров в тылу арміи.

По прибытіи в полк, я был назначен командиром 3-ьей сотни, но вскорѣ, вслѣдствіе отъѣзда командира полка в отпуск, за отсутствіем болѣе старших офицеров, я вступил во временное командованіе полком. Это было 10-го февраля и мое командованіе полком продолжалось до 20-го марта, т. е. около полутора мѣсяцев. Итак, по стеченію обстоятельств, пришедшая революція застала меня на отвѣтственной должности командующаго полком.

Телеграфное сообщеніе об отреченіи Императора, откровенно скажу, на меня, как и на большинство окружающих, не произвело особенно глубокаго впечатлѣнія. Причиной этому, помимо моей молодости, мнѣ было в то время всего 26 лѣт, послужила также, без всякаго сомнѣнія и та работа, которую продѣлали в арміи многочисленные агитаторы не только из революціоннаго лагеря, но и со стороны вполнѣ, казалось-бы, лойяльных Правительству кругов. Нам, строевым офицерам, усиленно старались привить взгляд на необходимость отреченія Императора, добровольно, или насильственно, путем дворцоваго переворота. Ввиду того, что со стороны высшаго командованія не принималось ровно никаких мѣр для пресѣченія этих слухов, мы как-бы пріучались считать отреченіе Государя Императора и передачу им верховной власти Вел. Князю Николаю Николаевичу чуть ли не одним из обязательных условій для достиженія побѣды на фронтѣ. Поэтому, манифест Государя об отреченіи в пользу своего брата Михаила был встрѣчен спокойно; многіе считали его залогом измѣненія внутренних условій в лучшую сторону, т. к. имя Вел. Князя Михаила Александровича в арміи и в народѣ пользовалось популярностью и довѣріем.

Спокойствіе мое впервые было нарушено, когда был опубликован отказ Великаго Князя Михаила вступить на престол без яснаго выявленія на то народной воли. Этот послѣдній манифест Императора Михаила невольно наводил на размышленія и сомнѣніе в том, что отреченіе Императора Николая II-го послужит на благо Родины и укрѣпленіе ея положенія, как старались нас увѣрить в

том. Появленіе приказа № 1 и замѣна Вел. Князя Николая Николаевича на посту Верховнаго Главнокомандующаго, окончательно подорвали мою вѣру в то, что переворот обойдется без особых потрясеній.

Пока еще революція мало коснулась командуемаго мною полка. В силу давно выработанной в себѣ привычки поддерживать тѣсное общеніе с подчиненными, я имѣл возможность и послѣ революціи проводить большую часть времени среди казаков, разъясняя им происходившія событія, не опасаясь, чтобы эта моя близость с казаками могла быть кѣм нибудь истолкована, как заискиваніе перед революціонными солдатами. В результатѣ моих собесѣдованій, полк заявил мнѣ о нежеланіи подчиниться приказу № 1, упразднившему в арміи дисциплину и введшему в нее комитеты.

Между тѣм, революціонное правительство издавало одно за другим постановленія, исполненіе которых вело к полному развалу армію и настаивало на срочном проведеніи их в жизнь. Наше верховное командованіе совершенно растерялось и вмѣсто того, чтобы в корнѣ пресѣчь попытки разложенія арміи сверху, и настоять на полной охранѣ воинской дисциплины суровыми мѣрами военных законов, оно начало заигрывать и поддѣлываться под революціонную психологію масс, чѣм способствовало проявленію рѣзких выходок распоясавшихся солдат против ближайших их начальников, доходивших до звѣрских избіеній строевых офицеров и даже убійства их, которыя оставались совершенно безнаказанными. Растерянность и отсутствіе гражданскаго мужества со стороны лиц нашего высшаго командноаго состава с самаго начала революціи повело к тому, что разложеніе нашей арміи пошло ускоренным темпом — сверху через органы революціоннаго правительства, погрязшаго в партійных дрязгах и не видѣвшаго из-за них разверзающейся пропасти, и снизу через распущенныя, деморализованныя массы солдат, над разложеніем которых работали многія сотни платных агитаторов — агентов Германскаго Генеральнаго Штаба, стремившагося использовать Россійскую революцію в своих національных интересах.

Наконец, командир полка, плоковник Оглоблин, задержанный в пути революціонными событіями, вернулся из отпуска и вступил в командованіе полком. До его пріѣзда я держал полк без революціонных нововведеній, т. е., дисциплинарную власть командноаго состава сохранил в полном объемѣ устава, комитетов не вводил, отданія чести не отмѣнял и в таком видѣ представил полк его командиру.

На основаніи прямых приказов свыше, поковник Оглоблин вынужден был пріобщить полк к революціонным завоеваніям «самой свободной арміи в мірѣ». С его разрѣшенія я продолжал вести собесѣдованія с казаками, разъясняя им весь ужас происходящаго

безобразія и потому революціонизація полка проходила у нас спокойно и вполнѣ лояльно. Без излишней гордости могу сказать, что казаки вѣрили мнѣ безгранично и цли за мной без всяких колебаній. Когда наступил момент созданія Корпусного Комитета 2-го Кавказскаго корпуса, гарнизон Гюльпашана обратился ко мнѣ через особую делегацію с просьбой о согласіи на избраніе меня представителем гарнизона в Комитет, с тѣм, что в своем наказѣ мнѣ они укажут на весь вред для арміи приказа № 1 и введенных на основаніи его Комитетов, а также на недопустимость дальнѣйшаго существованія совѣтов солдатских и рабочих депутатов, развивших уже в это время интенсивную дѣятельность по дальнѣйшему углубленію революціи.

Выборы в Корпусный Комитет состоялись, и я был избран представителем от частей гарнизона Гюльпашана. Снабженный обусловленным «наказом», я отправился в Урмію, гдѣ находился Штаб Корпуса, при котором собирался Комитет. Предсѣдателем Комитета был избран нѣкій доктор Каш, о котором говорили, что он старый соціалист и активный революціонер времен первой революціи 1905-6 г. г. На меня он произвел хорошее впечатлѣніе человѣка, отдающаго себѣ ясный отчет во всем происходящем, хорошо знакомаго с психологіей солдатской массы и правильно оцѣнивающаго преступную работу большевистских агитаторов, шнырявших по всѣм участкам нашего громаднаго фронта, во много раз превосходившаго по величинѣ своей всѣ фронты наших союзников и противников, взятые вмѣстѣ.

Первое засѣданіе Корпусного Комитета было ознаменовано выступленіем одного из делегатов с проектом увеличенія жалованія солдатам. Проект предусматривал «сбереженіе» народной казны, а потому предлагал расход на увеличеніе солдатскаго жалованія отнести за счет сокращенія жалованія офицеров. Проект предварительно разсматривался в частях группы войск корпуса и поддерживался наказом от частей этой группы, куда входили и наши Забайкальскіе полки: 2-ой Аргунскій и 2-ой Читинскій. При обсужденіи проекта в Корпусном Комитетѣ, нѣкоторые делегаты не только настаивали на уравненіи жалованія офицерскаго состава и солдатской массы, но предложили потребовать от офицеров возврата «излишне полученных» за старое время денег. Это меня, в концѣ концов, взорвало и я выступил с рѣчью, в которой указал во-первых на то, что жалованіе офицера в русской арміи во много раз меньше жалованія, которое получают офицеры в любой иностранной арміи; во-вторых, на то, что говорить об урѣзкѣ офицерскаго жалованія не приходится, т. к. того, что получает наш офицер, едва хватает на жизнь при самой жестокой экономіи; наконец, указал собранію, что Корпусный Комитет не вправѣ обсуждать и создавать законы общегосударственнаго значенія и что наше дѣло лишь высказать пожe-

ланіе о томъ, что солдатское жалованіе должно быть увеличено, а правительство само изыщет средства и возможности для выполненія этого пожеланія.

На этот раз мое краснорѣчіе помогло и глупый проект был отвергнут. Вообще, надо сказать, что Персидскій фронт, как второстепенный, привлекал к себѣ вниманіе большевиков в меньшей степени, чѣм другіе фронты, поэтому там было значительно спокойнѣе; не было особенно бурных выступленій и фронт держался крѣпче, чѣм гдѣ-либо в другом мѣстѣ. Дезертирство не получило столь широкаго распространенія; вслѣдствіе дикости природы и отсутствія удобных путей сообщенія в тыл. Поэтому, на Персидском фронтѣ офицерам было сравнительно легче держать в порядкѣ свои части и вести борьбу с разлагающим вліяніем правительственных мѣропріятій, с одной стороны, и большевистской агитаціей, с другой.

Между тѣм, правительство, как-бы сознательно закрывало глаза на ту пропасть, к которой оно своими неразумными и антигосударственными мѣрами вело армію, а за ней и всю страну.

Комитеты, введенные во всѣх частях арміи, с самаго начала своего существованія, стали очагом разложенія; той ячейкой, через которую соціалистическіе и анархокоммунистическіе элементы проникали в солдатскую среду и развращали ее.

Приказ № 1, покончившій с дисциплиной и дисциплинарной властью начальников, и послѣдующая «декларація прав солдата», освободившая его от всяких обязанностей по отношенію к родинѣ, окончательно разложили армію и лишили ее послѣдней боеспособности.

К сожалѣнію, старшіе войсковые начальники, в видах собственной карьеры и установленія хороших отношеній с новым начальством весьма часто держали себя не на высотѣ и даже подыгрывались под новыя направленія в правительствѣ и странѣ. Генерал-от-кавалеріи Брусилов является классическим образцом такой приспособляемости и оппортунизма, которые лишили его всякаго уваженія со стороны порядочных людей и свели на нѣт всѣ прежнія заслуги перед родиной. Я припоминаю то отвратительное впечатлѣніе, которое произвел на всѣх нас устроенный в Урміи, по распоряженію командира 2-го Кавказскаго корпуса, праздник революціи, в котором сам Корпусный командир принял непосредственное и очень дѣятельное участіе.

Послѣ митинга и обычных демагогических выступленій на нем, всѣ части с красными флагами и прочими революціонными эмблемами, маршировали по городу. Зрѣлище было отвратительное и подобныя выступленія старших начальников в корнѣ парализовали попытки младших офицеров сохранить хоть какой-нибудь порядок в частях. Между тѣм, несомнѣнно, что если-бы весь командный

БИБЛІОТЕКА

состав арміи от высших начальников до младших офицеров послѣ революціи ближе подошел к солдатской массѣ и демонстрировал свое единство в отстаиваніи арміи от производившихся над ней экспериментов, мы удержали-бы наши части от того развала, какого онѣ достигли в то время. Мною лично было заявлено в Союзѣ офицеров о необходимости, во имя сохраненія арміи, предъявить правительству требованія подчинить армію в порядкѣ дисциплины ея командованію, или принять мѣры к насильственному удаленію Временнаго правительства. Однако, это было встрѣчено иронієй и охарактеризовано, как нарушеніе дисциплины и бунт против законной революціонной власти. Бѣда в том, что в то время, как правительство и революціонная общественность всѣми своими выступленіями и мѣропріятіями отрицали необходимость дисциплины в арміи и дискредитировали офицерскій ея состав, мы, офицеры, считали недопустимым во время войны устраивать какія бы то ни было политическія демонстраціи и всѣми силами поддерживали дисциплину в своей средѣ.

В существовавших условіях безудержной соціалистической пропаганды, это был ошибочный шаг, за который впослѣдствіи жестоко поплатились не только офицеры, но и вся страна.

8.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКІЯ ФОРМИРОВАНІЯ.

Развал арміи. Ударныя части. Первыя формированія добровольцев из айсаров. Проект формированія добровольческих частей из монгол и бурят. Возвращеніе в 1-ый Нерчинскій полк. Революціонный смотр полка и печальныя послѣдствія его. Подготовка к наступленію. Очевидная ея безнадежность. Націонализація арміи. Обращеніе к военному министру. Миссія Е. Д. Жуковскаго. Избраніе меня делегатом от полка на Войсковой Круг в Читу. Мой вызов в Петроград. Поѣздка. Первое впечатлѣніе от столицы. Полковник Муравьев. Совдеп. Мой проект переворота в столицѣ. Взгляд Муравьева на положеніе. Предложеніе Муравьева. Отъѣзд из Петрограда.

Первые же дни революціи показали невозможность для офицерскаго состава справиться с развалом в арміи, который еще усугублялся выдѣленіем из полков лучших элементов для формированія так называемых ударных частей при Штабах дивизій, корпусов и армій. В полках оставались солдаты вовсе не желавшіе воевать и постепенно расходившіеся по домам и офицерскій состав, который чувство долга заставляло оставаться на своем посту до конца. Видя полный развал охватившій армію, я вмѣстѣ с бароном Р. Ф. Унгерн-Штернбергом рѣшил испробовать добровольческія формированія из инородцев с тѣм, чтобы попытаться оказать давленіе на русских солдат, если не моральным примѣром несенія службы в боевой линіи,

то дѣйствуя на их психику наличіем боеспособных, не поддавшихся разложенію частей, которыя всегда могли быть употреблены, как мѣра воздѣйствія на части, отказывающіяся нести боевую службу в окопах.

Получив разрѣшеніе Штаба корпуса, мы принялись за осуществленіе своего проекта. Барон Унгерн взял на себя организацію добровольческой дружины из мѣстных жителей — айсаров, в то время, как я написал в Забайкалье знакомым мнѣ по мирному времени бурятам, пользующимся извѣстным вліяніем среди своего народа, предлагая им предложить бурятам создать свой національный отряд для дѣйствующей арміи и этим подчеркнуть сознаніе бурятским народом своего долга перед революціонным отечеством. Слова «революція», «революціонный» и пр. в то сумбурное время оказывали магическое дѣйствіе на публику и игнорированіе их всякое начинаніе обрекало на провал, т. к. почиталось за революціонную отсталость и приверженность к старому режиму. Правда, не исключалась возможность под флагом «революціонности» вести работу явно контр-революціонную. Среди широкой публики мало, кто в этом разбирался; важно было умѣть во всѣх случаях и во всѣх падежах склонять слово «революція» и успѣх всякаго выступленія с самыми фантастическими проектами был обезпечен.

В апрѣлѣ мѣсяцѣ 1917 года к формированію айсарских дружин было приступлено. Дружины эти, под начальством беззавѣтно храбраго войскового старшины барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга, показали себя блестяще; но для русскаго солдата, ошалѣвшаго от революціоннаго угара, примѣр инородцев, сражавшихся против общаго врага, в то время, как русскіе солдаты митинговали, оказался недостаточным и потому особаго вліянія появленіе на фронтѣ айсаров на положеніе фронта, не оказало. Фронт продолжал митинговать и разваливаться.

В это же, примѣрно, время я получил отвѣт из Забайкалья о готовности бурят добровольно вступить в армію и создать свою національную часть под моим командованіем, вслѣдствіе чего представлялась необходимость в ближайшем будущем моей поѣздки на Дальній Восток. Почти одновременно я получил приглашеніе из 1-го Нерчинскаго полка, в котором ощущался острый недостаток офицеров, вернуться в полк. Я испросил согласіе на перевод мой обратно в Уссурійскую дивизію и в скором времени выѣхал в Кишинев, в раіонѣ котораго была сосредоточена в то время дивизія.

В маѣ мѣсяцѣ я прибыл в полк и вступил в командованіе 5-ой сотней. Нѣкоторое время спустя получилось распоряженіе о подготовкѣ к предстоящему вскорѣ смотру полка военным министром. Началась подготовка, совершенно для нас, строевых офицеров, необычная. Все, чѣм должен был-бы блеснуть в своей подготовкѣ боевой полк перед военным министром, осталось без всякаго вни-

манія, зато с утра до вечера набивали казакам головы всякой революціонной ерундой, ничего общаго не имѣвшей ни с задачами, предстоящих боевых операцій, ни со строевой подготовкой или знаніями воинских уставов, необходимых казаку на каждом шагу его службы. Настал, наконец, и день смотра.

Полк был собран в пѣшем строю на станціи Раздѣльная, в нѣсколькихъ часах ѣзды от Кишинева. Ожидаемаго эффекта на казаков смотр не произвел. Нашему солдату, несмотря на революціонную обработку, перевернувшую в нем всѣ понятія о долгѣ, о правах, о знаніи все-же пришлось, видимо, не по душѣ, что называется, видѣть на смотру военное начальство в штатском. Результаты таких смотров были явно отрицательны: солдаты и казаки видѣли, что высшее начальство не интересуется их боевой подготовкой и строевой выправкой и дѣлали заключеніе, что таков, слѣдовательно, новый революціонный закон. Из этого слѣдовал вывод, что, если офицеры требуют знаній и занятій, они нарушают «революціонную свободу» солдата. Отсюда начиналась вакханалія пропаганды против офицеров, как носителей контр-революціи. В то время положеніе в арміи офицеров было безпримѣрно тяжелым, т. к. они были совершенно безправны. Революціонное правительство, несомнѣнно сознательно бросило офицерскій корпус на произвол звѣриных инстинктов охамѣвшей, развращенной толпы, подстрекаемой агитаторами на всякіе эксцессы против интеллигенціи, вообще, и офицеров — в особенности.

По окончаніи смотра, я увидѣл, что руководители русской революціи совершенно не отдают себѣ отчета в своих дѣйствіях, потому что наивно вѣрят в возможность двинуть в наступленіе армію, которую сами же усиленно разлагают. Разговоры о наступленіи и подготовка к нему велись полным темпом, но нельзя было сомнѣваться в том, что из этого ровно ничего хорошаго выйти не может. Солдаты воевать не желали и не существовало силы, которая, при существующих условіях, могла-бы заставить их идти в бой.

Поэтому я твердо рѣшил попытаться во чтобы то ни стало осуществить свой план формированія добровольческих частей из туземцев Восточной Сибири. Обдумывая пути, которыми слѣдовало идти для того, чтобы заинтересовать министерство своим проектом, я рѣшил дѣйствовать через головы своего прямого начальства, потому что положеніе было таково, что терять времени не приходилось; дѣйствовать надо было быстро и рѣшительно, а революціонно-бюрократическая волокита поглотила бы нѣсколько мѣсяцев на проведеніе проекта через ближайшіе штабы. К тому-же верховное наше командованіе в это время вынуждено было, в угоду сепаратистских стремленій малых народностей, входящих в состав Россійской Имперіи, стать на путь широкой національзаціи арміи. Был отдан приказ о выдѣленіи из частей солдат-инородцев для созданія из них національных инородческих частей. Послѣ та-

кого приказа мы рисковали не найти ни одного русскаго человѣка во всей нашей арміи, ибо всѣ стали находить в своей крови принадлежность к какой-либо народности, населявшей Великую Россію и на этом основаніи требовать отправки его в соотвѣтствующій пункт в тылу для зачисленія в свою національную часть. Дѣло дошло до того, что сами авторы приказа были напуганы возможностью остаться без русской арміи и потому увидѣли необходимость приказ о національзаціи арміи отмѣнить. Таковы были революціонные эксперименты правительства, которые стоили Россіи ея существованія. Убѣдившись, что вся наша правящая головка правит государством чисто революціонными методами, а кумир революціи и глава правительства вчерашній адвокат А. Ф. Керенскій, занят только своей популярностью и упивается властью до того, что даже спит не иначе, как на Императорских кроватях, я рѣшил в своем дѣлѣ отказаться от установленной субординаціи, а обратиться непосредственно в центр через голову своего прямого начальства, будучи в полной увѣренности, что революціонный центр не найдет ничего предосудительнаго в том, что незначительный казачій офицер обращается со своим проектом непосредственно к главѣ правительства.

Поэтому я написал доклад на имя военнаго министра А. Ф. Керенскаго, который отправил в Петроград со своим другом, войсковым старшиной Е. Д. Жуковским, нынѣ генерал-маіором. В своем докладѣ я коснулся приказа о національзаціи частей и послѣдующей его отмѣны и указал на то, что отмѣна приказа была, несомнѣнно, ошибкой. По моему мнѣнію, національзація частей не могла бы быть мѣрой опасной, если-бы к ней подойти иначе и правильнѣе осуществлять. Ошибкой в данном случаѣ явилось не желаніе создать чисто національныя части, а проведеніе этого плана в глубоком тылу фронта, а не на линіи его. В результатѣ приказ о національзаціи пробудил не столько національное чувство в молдаванах, татарах и др. инородцах, сколько желаніе уйти в тыл и возможность избавиться хотя-бы временно от жизни в окопах. В моем докладѣ я рекомендовал не отмѣнять приказ о національзаціи, а лишь дополнить его разъясненіем, что національзація частей должна производиться в прифронтовой полосѣ и даже на линіи фронта, если часть, назначенная к національзаціи находится на позиціи. Эта маленькая поправка к приказу, несомнѣнно, внесла-бы извѣстное успокоеніе в умы, жаждущіе тыла на законном основаніи и потому изыскивающіе всякую зацѣпку, чтобы объявить себя инородцем и уйти в національзацію. Помимо этого, я приложил к своему докладу план использованія кочевников Восточной Сибири для образованія из них частей «естественной» (прирожденной) иррегулярной конницы, кладя в основу формированія их принципы исторической конницы времен Чингис-Хана, внеся в них необходимые

коррективы, в соотвѣтствіи с духом усовершенствованной современной техники.

Результаты моего обращенія непосредственно в центр, как я предполагал, были благопріятны, и, главное, не заставили себя ожидать долго.

Е. Д. Жуковскій настойчивостью и рѣшительными мѣрами пробил препоны бюрократической волокиты в военном министерствѣ и соотвѣтствующе поддержал мой проект, который был передан на заключеніе комиссіи мобилизаціоннаго отдѣла Главнаго Штаба. Там мысль использовать инородцев Сибири для новых формированій, которыя могли-бы послужить образцами для реорганизаціи Русской Арміи, была встрѣчена сочувственно и я был вызван телеграммой в Петроград.

Это совпало как раз с выбором меня делегатом от полка на Войсковой Круг в Читу, куда я считал поѣхать необходимым для того, чтобы создать хоть какое нибудь противодѣйствіе попыткам соціалистов подчинить Войско полному своему вліянію. Они уже успѣли добиться от Круга проведенія резолюціи, требующей отказа от казачьих привилегій и полнаго правового сліянія с иногородним (не казачьим) населеніем. Конечно, это была дань требованію правительства по уничтоженію всяких сословных перегородок в странѣ, но мы на фронтѣ видѣли, что наших стариков в Забайкальѣ слѣдует поддержать, иначе они позволят соціалистам совершенно осѣдлать себя.

Получив от полка полномочія, или, как тогда говорили «мандат» на съѣзд, и предписаніе командира полка о выѣздѣ в Петроград в распоряженіе министерства, я 8-го іюня выѣхал в Петроград. Мое прибытіе в столицу совпало с моментом, когда первое неудачное возстаніе большевиков было только что подавлено и столица переживала нѣкоторое успокоеніе. Все-же вид города, с его загрязненными подсолнечной скорлупой, давно неметеными улицами, произвел на меня гнетущее впечатлѣніе. Особенно бросалось в глаза обиліе на улицах и в трамваях праздношатающихся неряшливо одѣтых солдат.

Еще в пути я познакомился с морским офицером, лейтенантом Ульрих и по его предложенію остановился у него в квартирѣ, на 16-ой линіи Васильевскаго острова. Петербурга я совершенно не знаю и потому не могу дать точное его описаніе, но, вѣроятно, гдѣ-нибудь за 16-й линіей находились морскія казармы, потому что ежедневно трамваи, шедшіе из этого раіона в центр города, были переполнены матросами гвардейскаго флотскаго экипажа. Я ежедневно присматривался к этой гордости нашей революціи и их распущенность ярко характеризовала, как развиваются и цвѣтут побѣги «великой безкровной» революціи.

Единственным исключеніем из всего столичнаго гарнизона

являлся женскій батальон Бочкаревой, щеголявшій подтянутостью и воинской выправкой, однако, на революціонных солдат это или не производило, в лучшем случаѣ, никакого впечатлѣнія, или вызывало град гнусных насмѣшек и ругательств по адресу патріоток женщин и дѣвушек, пошедших добровольно на тяжелыя лишенія солдатской жизни.

По прибытіи в Петроград я узнал, что Е. Д. Жуковскій выѣхал только что в полк и потому мнѣ пришлось разыскивать министерство и канцелярію, в которую я должен был явиться, самостоятельно. Помощник военнаго министра, генерал-маіор князь Туманов, направил меня на Мойку, № 20. С трудом оріентируясь в незнакомом городѣ, я, в концѣ концов, дошел до многоэтажнаго зданія на набережной рѣки Мойки, на котором красовался № 20. Войдя в зданіе, я увидѣл в вестибюлѣ его большое количество суетившихся и группами разговаривающих солдат и матросов. Я обратился к ближайшему с вопросом, что за учрежденіе находится в этом домѣ, и узнал, что здѣсь расположен всероссійскій революціонный комитет по формированію добровольческой арміи и что во главѣ формированія стоит полковник Муравьев. Мнѣ указали лѣстницу во 2-ой этаж, гдѣ я мог найти Муравьева. Там я должен был обратиться к дежурному, вѣдающему докладом о посѣтителях, который предложил мнѣ заполнить спеціальный бланк, указав причину посѣщенія. Все это было мною исполнено и дежурный ушел с докладом обо мнѣ. Вскорѣ я был приглашен в кабинет Муравьева. Послѣ необходимаго представленія Муравьев пригласил меня сѣсть и задал мнѣ вопрос, увѣрен-ли я в успѣхѣ формированія частей из туземцев Сибири. При этом он достал мой проект и заключеніе о нем комиссіи мобилизаціоннаго отдѣла Главнаго Штаба. Я детально изложил мои предположенія, значительно расширив представленный проект и указал особенно настойчиво на необходимость срочнаго его осуществленія. На мой доклад, Муравьев предложил мнѣ ежедневно являться к нему для обсужденія деталей моего предложенія и я исправно начал пріѣзжать на Мойку ежедневно в 9 час. утра и проводил долгіе часы в кабинетѣ полковника Муравьева, бесѣдуя с ним на разныя темы.

Находясь в ожиданіи того или иного рѣшенія о своем дѣлѣ, я от нечего дѣлать начал завязывать случайныя знакомства в городѣ. Столица была полна слухами о готовящемся в скором времени новом возстаніи большевиков. Власти находились в каком-то растерянном состояніи; особенно бросалась в глаза нерѣшительность и растерянность военных властей. Нѣсколько раз я посѣщал засѣданія совѣта рабочих и солдатских депутатов, которыя происходили в зданіи Таврическаго Дворца, гдѣ раньше помѣщалась Государственная Дума. Временное правительство фактически находилось под полным контролем этого совѣта, который вмѣшивался

Русская Публичная БИБЛІОТЕКА

во всѣ распоряженія правительства. Строго говоря, это был верховный революціонный орган, заполненный дезертирами с фронта и агентами германокой развѣдки, с Лениным во главѣ. Совѣт возник чисто явочным порядком в одной из комнат Таврическаго Дворца под егидой Государственной Думы, взявшей на себя руководство революціей в первые дни ея успѣха. Постепенно соціалисты, составлявшіе подавляющее большинство в совѣтѣ, почувствовав под ногами твердую почву, не ограничились положеніем какого-то придатка к Думѣ, а совершенно аннулировали ее, заняв мѣсто какого-то своеобразнаго парламента и опекуна безпомощнаго Временнаго правительства. Фракція большевиков, проповѣдуя мир хижинам и войну дворцам, тѣм не менѣе облюбовала для себя великолѣпный дворец Кшесинской на Каменноостровском проспекте и устроила в нем цитадель большевизма. Оттуда полились потоки большевистской пропаганды по всей Россіи и там была сосредоточена вся работа по разложенію арміи и предательству родины внѣшним ея врагам.

Обслѣдуя положеніе в революціонной столицѣ я пришел к выводу, что достаточно было бы одного, двух военных училищ для ареста совѣта раб. и солд. депутатов в полном составѣ и временной охраны столицы. Я рѣшил подѣлиться своими мыслями с полковником Муравьевым, разсчитывая, что с его содѣйствіем можно было-бы рискнуть на переворот, с цѣлью захватить разлагающее страну зло в его гнѣздѣ и, уничтожив его, обезглавить всю систему разложенія и предательства, организованныя прибывшими из-за границы соціалистами. Ввиду этого, я в одну из своих бесѣд с Муравьевым, предложил ему слѣдующую схему дѣйствія: ротой юнкеров занять зданіе Таврическаго Дворца, арестовать весь «совдеп» и немедленно судить всѣх его членов военно-полевым судом, как агентов вражеской страны, пользуясь матеріалом изобличающим почти всѣх поголовно дѣятелей по углубленію революціи, в изобиліи собранном слѣдственной комиссіей министерства юстиціи и Ставкой Главнокомандующаго послѣ неудачной для большевиков іюньской попытки захватить власть в свои руки. Приговор суда необходимо привести в исполненіе тут-же на мѣстѣ, чтобы не дать опомниться революціонному гарнизону столицы и поставить его перед совершившимся фактом уничтоженія совдепа. Одновременно я предлагал объявить столицу на военном положеніи, и, если потребуется, арестовать Временное правительство, послѣ чего от имени народа просить Верховнаго Главнокомандующаго генерала-от-кавалеріи Брусилова принять на себя диктатуру над страной. Мой план заинтересовал Муравьева и он рѣшил поѣхать в Ставку, чтобы испросить согласія Брусилова на совершеніе предложеннаго coup d'etat. Я горячо возражал против намѣренія Муравьева посвятить в наш план Брусилова, считая, что он должен быть по-

ставлен лицом к лицу с совершившимся фактом, и по долгу Верховнаго Главнокомандующаго или принять его, или расписаться в собственной несостоятельности. К сожалѣнію, Муравьев не согласился со мной; его возраженія сводились к тому, что, если мы, одновременно с совѣтом не арестуем и все Временное правительство, то Керенскій уничтоженія соціалистической головки нам не простит и мы будем разстрѣляны. — «Подождем лучше», — сказал Муравьев — «пока большевики не повѣсят все Временное правительство, а мы с вами потом будем вѣшать большевиков».

Через нѣсколько дней послѣ этой бесѣды, Муравьев сказал мнѣ, что им получены из министерства исчерпывающія указанія относительно моего плана формированія и моих будущих взаимоотношеній с всероссійским комитетом по формированію добровольческой революціонной арміи и поэтому, я должен был 16-го іюля, рано утром, до начала занятій явиться к нему в кабинет для детальнаго обсужденія дальнѣйших наших шагов.

Эта послѣдняя моя встрѣча один на один с Муравьевым началась с того, что он предложил мнѣ должность своего помощника по возглавленію комитета. Несмотря на всю заманчивость предложенія (я должен был пользоваться положеніем и правами помощника военнаго министра), я настаивал на своем отъѣздѣ в Сибирь, убѣждая его, что там я принесу больше пользы, чѣм оставаясь при нем в качествѣ его помощника. Тогда Муравьев согласился откомандировать меня при условіи, чтобы я принял на себя обязанности комиссара по образованію добровольческой арміи для Иркутскаго и Пріамурскаго военных округов. С этим я согласился и начал готовиться к отъѣзду из Петрограда.

Назначеніе мое было проведено приказом Верховнаго Главнокомандующаго, причем оно было формулировано, как назначеніе мое военным комиссаром Дальняго Востока. Таким образом, мои права по формированію были расширены на всю нашу Дальне-Восточную окраину, включая полосу отчужденія Китайско-Восточной жел. дор. и Иркутскій военный округ. Одновременно я был назначен командиром Монголо-бурятскаго конного полка, с отведеніем полку мѣста для формированія на ст. Березовка Забайкальской жел. дор. (около Верхнеудинска). Помимо этого, я получил также полномочіе и письменную инструкцію от петроградскаго совдепа. Этот документ в дальнѣйшем сослужил мнѣ хорошую службу.

За двухнедѣльный період ежедневных встрѣч и бесѣд с полковником Муравьевым, впослѣдствіи главнокомандующим красной арміей, я вынес о нем отличное впечатлѣніе в отношеніи его способностей и умственнаго развитія. Ему не хватало рѣшительности, чтобы сыграть роль россійскаго Бонапарта, к которой он себя безусловно готовил с самаго начала революціи. Это ясно видно из

всего его поведенія в теченіе послѣдующих событій. И если переѣход полковника Муравьева с частями красной арміи на сторону бѣлых закончился неудачей, то в этом вина не его. Отвѣтственность за провал этой послѣдней авантюры Муравьева должна быть отнесена исключительно за счет несогласованности дѣйствій чехов и различных бѣлых отрядов и организацій, которые, не будучи в то время объединены общим командованіем, не смогли оказать должную поддержку Муравьеву в его попыткѣ повернуть свой фронт против красной Москвы.

9.

ВОЙСКОВОЙ КРУГ.

Снова на Дальній Востоκ. В пути. Размышленія о совѣтских достиженіях и задачах коминтерна. Прибытіе в Иркутск. Генерал-маіор Самарин. Полковник Краковецкій. Отъѣзд в Читу. Байкал. Чита. Президіум круга. Настроеніе делегатов. Бурятскій вопрос. Уничтоженіе сословій. Мое выступленіе на кругѣ. Столкновеніе с Лумпянским. Бурятскій съѣзд в Верхнеудинскѣ.

26-го іюля с сибирским экспрессом я покинул Петроград, направляясь через Вологду, Екатеринбург и Иркутск в Забайкалье. Впервые, послѣ трехлѣтняго пребыванія на фронтѣ, я увидѣл родную Сибирь. Несмотря на войну и послѣдовавшую революцію, кругом мало, что измѣнилось. Экономическое состояніе Сибири и ея обитателей внѣшне не отражало той разрухи, которая уже наступила в странѣ. Станціи были так же, как и в довоенное время запружены лотками с жаренымі гусями, утками, поросятами и пр. предметами разнообразной деревенской кулинаріи. Все было баснословно дешево; напримѣр, стоимость цѣлаго жаренаго поросенка не превышала 50 копеек, утка стоила 30 копеек и т. д. Это наглядно свидѣтельствовало о хозяйственно-экономической мощи страны, даже по истеченіи трех лѣт тяжелаго военнаго напряженія. Поля вдоль всего желѣзнодорожнаго пути были покрыты позолотой созрѣвающих посѣвов; на лугах виднѣлись безконечные стога и копны сѣна. И все-же, это было не то, что до войны, когда милліоны рабочих рук, отнятых теперь фронтом, оставались дома. Читая теперь в совѣтских газетах о «достиженіях» в колхозном, индустріальном и пр. экономических фронтах, и сравнивая то, о чем на весь мір вѣщают большевики, с тѣм, что было до их прихода к власти, становится ясным в какую нищету и одичаніе ввергли они наш несчастный народ в результатѣ двадцатилѣтней своей власти в Россіи. Это и понятно, если вспомнить, что власть заботится не о національных интересах Россіи и русскаго народа, а исключительно о подготовкѣ всего міра к пролетарской революціи,

долженствующей расширить предѣлы совѣтскаго союза в планетарных размѣрах. Все приносится в жертву этой химерической идеѣ. Россія важна коммунистам постольку лишь, поскольку она является плацдармом для разворачиванія интернаціональной коммунистической арміи воинствующаго пролетаріата и всѣ живыя силы страны, подпавшей под власть коминтерна, употребляются на усиленіе мощи красной арміи, долженствующей на своих штыках принести міру торжество коммунистической идеи. Подготовка к этому идет уже давно. Теперь уже стало ясным, что большевики добивались признанія своего правительства, как законно существующаго в Россіи, соблазняя иностранцев открытіем неисчерпаемаго рынка для их товаров, не с цѣлью установленія нормальных взаимоотношеній между буржуазными правительствами міра и коммунистическим Кремлем, а исключительно в видах использованія возможности в случаѣ признанія включиться в международныя взаимоотношенія с тѣм, чтобы вліять на них в нужном для коминтерна направленіи. В этих же видах СССР не раз подчеркивавшій свое пренебреженіе Лигѣ Націй, вошел в состав ея и не раз представители СССР с пѣной у рта доказывали міру, что коминтерн и правительство СССР — двѣ совершенно обособленныя величины, ничего общаго друг с другом не имѣющія. Нельзя допустить, чтобы в Лигѣ Націй сидѣли люди, могущія повѣрить такой баснѣ, но факт в том, что цивилизованный мір дѣлает вид, что он, дѣйствительно, вѣрит, что коминтерн и правительство СССР друг от друга независимы. Повидимому, считается, что СССР представляет силу, которая может оказать вліяніе на теченіе міровой политики и хозяйства. Упускают из виду, что нищая, голодная страна никаким рынком быть не может; что красная армія, обезглавленная в своем командном составѣ и насыщенная шпіонами власти, послѣ мобилизаціи, когда в состав ея будут влиты запасные кадры, в видѣ разореных, озлобленных мужиков, никакой, сколько-нибудь, серьезной силы представить не может; наконец, забывают, что русскій народ — не правительство СССР и, что борьба между народом и правительством продолжается до сего времени и может окончиться лишь с паденіем власти совѣтов в Россіи. Тѣ, кто это поняли, кто не хочет закрывать глаза на дѣйствительное положеніе вещей, вышли из состава Литги Націй и нынѣ мы присутствуем при закатѣ этого ареопага, который, повидимому, постепенно уступит свою руководящую в международной политикѣ роль, союзу держав, ставших на путь моральной борьбы с коминтерном и ликвидаціи его вліянія в своих предѣлах.

**
*

1-го августа 1917 года, я прибыл в Иркутск. Первым моим шагом в этом городѣ был визит в Штаб иркутскаго военнаго округа для представленія командующему войсками округа генерал-маіору Самарину. Генерал Самарин, назначенный на эту должность уже по-

слѣ революціи, до того был начальником Штаба Уссурійской конной дивизіи и, зная его лично, я надѣялся, что генерал отнесется к моей командировкѣ болѣе или менѣе сочувственно и окажет мнѣ необходимое содѣйствіе. Впослѣдствіи я убѣдился, что не ошибся в своих ожиданіях и что в лицѣ генерала Самарина я нашел все, что мог ожидать для успѣха своего дѣла.

Помощником у Самарина был полковник Краковецкій, соціалист-революціонер, партійный стаж котораго начался с первой революціи 1904 года. Будучи молодым офицером-артиллеристом, он оказался замѣшенным в революціонном движеніи, был судим, лишен чинов и сослан в Сибирь. Послѣ переворота получил полную амнистію и даже штаб-офицерскій чин для сравненія со сверстниками. Позже состоял при Штабѣ моего отряда, как представитель организаціи «областников», получил от меня 50 тысяч на организацію Сибирскаго правительства и впослѣдствіи обнаружился в качествѣ совѣтскаго дипломата, в должности консула СССР в Мукденѣ.

Несмотря на необходимость срочно прибыть в Читу, чтобы не опоздать на открытіе Войскового круга, я все-же вынужден был задержаться на нѣсколько дней в Иркутскѣ, и выѣхал лишь послѣ того, как подготовил разрѣшеніе вопросов в связи с предстоящими монголо-бурятскими формированіями ко времени своего возвращенія послѣ закрытія Круга.

5-го августа я выѣхал в Читу. Стальная лента желѣзнодорожнаго пути окаймляет с южной стороны священный Байкал, то и дѣло ныряя в туннели, открывая живописнѣйшіе в мірѣ виды на озеро. Кругобайкальская желѣзная дорога настолько живописна, что ничего похожаго я не наблюдал ни в Крыму, ни на Кавказѣ. И только в зимнее время суровость природы оставляет преимущество за югом. Величественность Байкала безпримѣрна, особенно во время волненія, когда крутыя волны бьют о скалистые берега с такой силой, что кажется самыя скалы содрогаются с трудом сдерживая натиск волн. Неудивительна сила удара байкальской волны, когда глубина, выбрасывающая ее при внутреннем волненіи, достигает двух с половиной верст, а в нѣкоторых мѣстах и, вообще, не поддается измѣренію.

Среди прибайкальских жителей существует повѣрье, что плывя на пароходѣ через Байкал, нельзя говорить о нем, как об озерѣ, а необходимо называть «священным морем», иначе «закачает». Отсюда, очевидно, наш поэт - сибиряк Омулевскій и узаконил в своих произведеніях за Байкалом имя «священное море Байкал».

6-го августа утром, я прибыл в Читу с сибирским экспрессом. Чита особенно мила мнѣ, потому что это первый этап моей самостоятельной жизни, когда в 1906 году, я прибыл впервые туда, покинув родную станицу для того, чтобы выйти в широкое море жизни.

Чита осталась столь-же милой и такой же пыльной. Наличіе

песка и пыли нѣсколько умѣрялось сосновым бором. подходившим к самому городу, заходившим на нагорныя улицы и дарившим свѣжестью сосноваго воздуха нетребовательнаго читинца. В то время руководители городского хозяйства придумали засыпать размытыя дождями улицы конским навозом. Теперь-же, слышно, лѣс вырублен, улицы еще больше углубились в песок и засыпать их нечѣм, потому что и коней не стало у жителей. Вот одно из характерных достиженій коммунистическаго управленія страной.

Делегаты съѣзда уже были всѣ в сборѣ и съѣзд начинал свою работу, когда я пріѣхал в Читу. Пердсѣдателем был избран С. А. Таскин, член Государственной Думы от Забайкальской области, а помощником его генерал-маіор Шильников И. Ф. Настроеніе делегатов съѣзда, прибывших с фронта, и избранных от станиц, было настороженно-выжидательное, т. к. обѣ стороны не были ознакомлены со взглядами и желаніями друг друга. Судя по тому, что станицы, в большинствѣ, послали делегатами лиц, так или иначе замѣшанных в революціонных событіях 1905-6 г. г. можно было предугадать, что нам, фронтовикам, придется вести горячую борьбу в защиту казачества, от посягательств на исконныя права его, тѣм болѣе, что предстояло разрѣшить много вопросов, имѣвших жизненную важность для войска.

Одним из таких вопросов было желаніе забайкальских бурят войти в состав войска, как отдѣльный, 5-ый отдѣл его. Вопрос нѣ мог-бы возбудить особых затрудненій, так как мы уже имѣли в составѣ войска много бурят при 1-м отдѣлѣ и монголов во 2-м отдѣлѣ (по верховьям Онона), если-бы этот вопрос не был связан с чисто-принципіальным вопросом о дальнѣйшем существованіи казачества, как обособленнаго сословія. Дѣло в том, что 1-ый Войсковой круг, собравшійся послѣ революціи, под вліяніем ораторов-соціалистов, вынес резолюцію об отказѣ от казачьих привилегій и уравненіи в правах с прочими жителями страны. Нынѣ предстояло этот вопрос пересмотрѣть. На частном совѣщаніи фронтовых делегатов оба эти вопроса, т. е. о сохраненіи за казачеством его обособленности и о принятіи в войско забайкальских бурят, было поручено разработать и проводить на кругѣ мнѣ.

Задача представляла ту трудность, что казаки испокон вѣков разсматривались, как правительством, так и общественностью, как особое служилое сословіе. Временное же правительство с первых же дней своего прихода к власти объявило об упраздненіи сословій и всѣх сословных перегородок. Поэтому, разсуждая логически, слѣдовало придти к заключенію, что с уничтоженіем сословій в странѣ, казачество, как сословіе, также должно было быть упразднено. Наши противники базировали на этом выводѣ свои доводы в пользу отказа от особенностей казачьяго самоуправле-

нія, обвиняя нас, офицеров, в стремленіи сохранить усиленные надѣлы земли в станицах и потому сохраненіе казачьей обособленности выгодно только нам, но не войску, в цѣлом.

Вопрос этот, как самый важный, из-за котораго, собственно и собирался круг, должен был быть обоснован на твердом базисѣ, а потому мы рѣшили отложить его на нѣсколько дней для детальной подготовки круга к разсмотрѣнію его.

Ввиду того что разработка этого вопроса, так же, как и вытекающаго из него бурятскаго вопроса, была возложена на меня, мнѣ пришлось особенно близко и тщательно с ними ознакомиться. К сожалѣнію, было очень трудно найти какія-нибудь твердыя основанія для отстаиванія нашей позиціи. Ни исторія возникновенія казачества, ни его взаимоотношенія с царским правительством, не давали зацѣпки, за которую можно было-бы ухватиться, отстаивая справедливость наших утвержденій. Очевидно, и старое правительство было очень осторожно в отношеніи казаков, учитывая печальные опыты прошлаго, когда на попытки вмѣшательства его во внутреннюю жизнь казачества, послѣднее отвѣтило цѣлым рядом возстаній и бунтов; достаточно указать на имена Разина, Булавина, Пугачева и мн. других, чтобы убѣдиться, что дѣды наши своей кровью уплатили за то право на самоуправленіе и обособленность, от которых нас теперь хотѣли заставить отказаться. Как-бы то ни было, я не мог найти никаких матеріалов по вопросу о сущности казачества и должен был строить свою защиту его на том основаніи, что в наших военных законах существовало указаніе, согласно котораго каждый казак, дослужившійся до перваго офицерскаго чина, или произведенный в него по окончаніи военнаго училища, получает званіе и права личнаго дворянства; производство же в чин полковника давало потомственное дворянство. Базируясь на этих скудных данных, я составил доклад кругу, в котором образованіе казачества объяснил ходом историческаго отбора наиболѣе смѣлых и свободолюбивых людей, которые не желая подчиняться распространяющемуся вліянію московской государственности, бросали насиженныя мѣста и уходили в дикое поле искать свободной жизни. Тѣсня перед собой мѣстных кочевников, казаки кровью своей закрѣпляли занятыя ими мѣста и постепенно смѣшивались с мѣстными жителями, подчиняя их своему вліянію. Таким образом, казачьи земли создавались естественным путем и казаки были обязаны пріобрѣтеніем их только самим себѣ. Чувствуя кровное родство свое с русским народом и не желая отрываться от него, казаки, по мѣрѣ усвоенія ими вновь занятых земель, били челом московским царям, отдавая себя под их покровительство, но выговаривая себѣ во всѣх случаях право полнаго самоуправленія и широкаго народоправства. С теченіем времени, казаки пріобрѣли необозримыя пространства земли, слабо или совсѣм незаселенной; поэтому,

они не возражали против рѣшенія правительства частично заселить их выходцами из Россіи. Они только ревниво оберегали свою вольность и свое право на самоуправленіе и всякія попытки правительства ограничить их права в этом направленіи, неминуемо вызывали кровавыя возстанія, с трудом подавляемыя правительственными войсками. Впослѣдствіи, однако, государственная власть усилилась настолько, что казакам стало не под силу бороться с нею и россійское законодательство стало урѣзать казаков в их земельных угодьях, сведя их до нынѣшних норм пользованія.

До этого мѣста моего доклада, ложи представителей различных партій и организацій, допущенных на круг с правом совѣщательнаго голоса, хотя и волновались, но говорить мнѣ не мѣшали. Особенное волненіе поднялось в ложѣ эсэров, гдѣ возсѣдал довольно извѣстный на Дальнем Востокѣ, Пумпянскій Н. П., когда я умышленно задѣл революціонеров, сравнив их отношеніе к казачеству с отношеніем к нему стараго правительства, которое сознавало, что казачество не сословіе, но не дало точнаго опредѣленія за кого оно считало нас. В законѣ ясно указано, что казак может получить личное и потомственное дворянство за выполненіе образовательнаго или командноrо ценза. Если-бы казачество почиталось за сословіе, закон предусмотрѣл бы нелѣпость созданія в сословіи еще сословія дворян. В таком случаѣ и украинцев, напримѣр, слѣдует считать не одной из народностей, населяющих Россію, а сословіем. Важно то, что старое правительство относилось к казакам недовѣрчиво и сдержанно, без полноты искренности, а теперь представители новой власти стараются ради каких то революціонных цѣлей сдѣлать нас, казаков, не тѣм, что мы есть, хотят уничтожить существованіе самобытнаго и демократическаго изстари казачества. Гдѣ-же та революціонная справедливость, о которой соціалисты так много кричат. Если ход развитія, так называемых, революціонных мѣропріятій будет и дальше направлен против казаков, то мы должны быть готовы к тому, что вслѣд за уничтоженіем казачьих, так называемых привилегій, будет уничтожено и наше право на исконныя наши, завоеванныя нашими дѣдами, земли. Если революція разсматривается всѣм населеніем Россіи, как расширеніе существующих и завоеваніе новых гражданских прав, то почему же казаков, во имя революціи, хотят урѣзать в их правах. В силу великодушія и стремленія к братскому единенію со всѣми народами нашего отечества, предки наши дѣлились своими завоеваніями с государством, принимая выходцев из него и надѣляя их землей, права на которую неоспоримо принадлежат казакам, как кровью своей закрѣпившими ее за россійским государством. Ложно то, что казаки пользовались какими то привилегіями при старом режимѣ. Если по сравненію с крестьянами, казаки пользуются большими земельными надѣлами, то за это они поголовно служат государству и на

службу выходят в собственном обмундированіи, снаряженіи и на своем конѣ.

На этом была закончена моя рѣчь и начались выступленія оппонентов. Первым выступил Н. П. Пумпянскій, который привел красочное сравненіе казачества с опричиной и призывал круг раз навсегда снять с себя позорное пятно привилегированнаго сословія и т. д. Дебаты продолжались два или три дня. В концѣ концов, я, как единственный оппонент противному лагерю, уже не сходил со сцены Маріинскаго театра с которой произносились рѣчи, а сказав свое возраженіе, садился позади трибуны, чтобы через пять минут снова подняться на нее для возраженія, новому оппоненту. От Пумпянскаго, наиболѣе сильнаго оппонента, удалось скоро отдѣлаться, поставив его в положеніе настолько смѣшное, что он уѣхал с круга и больше на нем не появлялся. Когда Пумпянскій увлекся очередным своим возраженіем мнѣ и затянул рѣчь надолго, я взял графин с водой, налил из него в стакан и молча подал ему. Растерявшись от неожиданности, он взял стакан и недоумѣвающее уставился на меня. Тогда, воспользовавшись минутным молчаніем, я с серьезным видом предложил ему прекратить революціонную трескотню, а пыл его рѣчей залить холодной водой. Пумпянскій настолько растерялся, что принял мой совѣт всерьез, начал пить, захлебнулся, хотѣл продолжать свою рѣчь, но закашлялся и под гомерическій хохот присутствующих вынужден был сойти с трибуны и уѣхать домой.

Засѣданія круга продолжались больше мѣсяца, что сильно задержало мою работу по началу формированія Монголо-бурятскаго полка. Но еще на съѣздѣ я сговорился с бурятскими представителями о національных бурятских формированіях. Для проведенія этого вопроса в жизнь, потребовалась санкція бурятскаго національнаго съѣзда и мнѣ пришлось просить областного комиссара Зазадскаго о разрѣшеніи съѣзда. Послѣ нѣкотораго колебанія организація его была разрѣшена в Верхнеудинскѣ и вскорѣ послѣ закрытія нашего Войскового круга, закончившагося полной нашей побѣдой, я выѣхал из Читы на бурятскій съѣзд в Верхнеудинскѣ. Лидерами національнаго бурятскаго движенія были: Рынчино, Вампилон, доктор Цибиктаров, проф. Цыбиков, Цампилун и др. Съѣзд продолжался всего четыре-пять дней и вынес единогласное рѣшеніе стать в ряды русской арміи своим національным отрядом для «защиты свободы, завоеванной революціей», причем я был избран командующим монголо-бурятскими формированіями.

10.

ОКТЯБРЬСКІЙ ПЕРЕВОРОТ.

Набор добровольцев в Монголо-бурятскій полк. Первое столкновеніе на Березовкѣ. Мой выѣзд в Иркутск. Переворот в Иркутскѣ. Посѣщеніе совдепа. Приказ министерства о прекращеніи формированій. Мой отвѣт. Инцидент с есаулом Кубинцевым. Попытка задержать меня. Возвращеніе в Читу. Перенос Штаба формированій в Даурію. Полученіе денег из областного казначейства. Вербовка добровольцев. Мѣры противодѣйствія читинскому совдепу. Засѣданіе совдепа и мой визит на это засѣданіе. Выѣзд из Читы. Прибытіе в Даурію. Обстановка в Даурѣ.

В концѣ сентября я уже начал набор добровольцев. Не предвидя ничего хорошаго, начал принимать не только инородцев, т. е. бурят и монгол, но и русских, поставив единственным условіем поступленія в мой отряд — отказ от революціонных завоеваній — комитетов, отмѣны дисциплины и чинопочитанія и пр. Таким образом, контр-революціонная физіономія моей затѣи была выявлена с самаго начала и это вызвало немедленное противодѣйствіе со стороны революціонных властей, задержавших выплату ассигнованных мнѣ на формированіе денег. Довольствіе моих людей было поручено хозяйственной части ополченской дружины, охранявшей лагерь военноплѣнных на Березовкѣ. Вскорѣ послѣ большевистскаго переворота, 10-го ноября, Штаб округа потребовал от меня объясненія по поводу пріема в формируемый мною Монголо-бурятскій полк добровольцев русской національности. Отношенія с мѣстными революціонными властями и ополченцами испортились до того, что 12-го ноября у нас произошло вооруженное столкновеніе, причем я был поддержан запасной сотней нашего войска, стоявшей на ст. Березовка, т. к. у меня в полку было не больше 50 человѣк. Освѣдомившись о столкновеніи, генерал Самарин по телеграфу вызвал меня в Иркутск. Я давно собирался поѣхать туда, так как мнѣ было необходимо получить на руки приказ по округу о началѣ формированія монголо-бурятских частей, о чем я просил командующаго округом еще в первое свое посѣщеніе Иркутска.

По прибытіи в Иркутск, я немедленно явился в Штаб округа и узнал там, что приказ еще не подписан. Ввиду того, что событія полным темпом шли к окончательному торжеству большевизма, я

стал торопить с приказом, чтобы имѣть на руках твердый документ от имени Временнаго правительства прежде, чѣм власть от него перейдет к большевикам. Генерал Самарин отдал распоряженіе начальнику казачьяго отдѣла Штаба округа, есаулу Рюмкину, заготовить приказ и представить его к подписи. Прошло три дня, а приказа все еще не было и я 16-го ноября поѣхал снова в Штаб округа. Генерала Самарина я застал сильно разстроенным и по внѣшнему виду не спавшим всю ночь. Он немедленно принял меня и сразу же пояснил, что дѣло с отданіем приказа о моих формированіях теперь от него не зависит, ибо он почти арестован при Штабѣ округа, вся власть в котором перешла к предсѣдателю мѣстнаго совдепа. Генерал мнѣ сообщил, что все возможное для того, чтобы меня снабдили всѣм необходимым в интендантствѣ, им сдѣлано, но неисполнительность есаула Рюмкина, до сего времени не приготовившаго приказ, лишила его возможности подписать своевременно; теперь же он был лишен права подписывать какія-бы то ни было распоряженія. В заключеніе, он посовѣтовал мнѣ самому набросать проект приказа и попробовать обратиться за утвержденіем его к новому начальству. Мнѣ пришлось так и сдѣлать, хотя надежды на то, что приказ будет подписан, у меня почти не было. Раздумывать об этом было безполезно и я отправился в совдеп. Для того, чтобы болѣе импонировать представителям новой власти, я, будучи в военной формѣ с погонами и боевыми отличіями, одѣл на руку красную повязку с печатью петроградскаго совдепа и с надписью о том, что я являюсь комиссаром по добровольческим формированіям на Дальнем Востокѣ. Эту повязку, вмѣстѣ с письменными полномочіями и инструкціями я получил из петроградскаго совдепа перед отъѣздом своим на Дальній Востоκ.

Мое появленіе в совдепѣ в формѣ, с орденами и при оружіи и в тоже время в революціонном званіи комиссара, произвело, повидимому, впечатлѣніе, но все-же на мою просьбу подписать приказ о формированіи добровольческаго Монголо – бурятскаго полка, предсѣдатель совдепа отвѣтил, что о каких-либо формированіях сейчас не может быть и рѣчи, так как новая власть предполагает распустить всю старую армію. Я сейчас же дал ему прочесть мои полномочія от петроградскаго совдепа, кои предоставляли мнѣ права не только по формированію революціонной добровольческой арміи, но и по контролю дѣятельности мѣстных совдепов в предѣлах Иркутскаго и Пріамурскаго военных округов. На это новый командующій войсками округа заявил мнѣ, что он не оспаривает моих полномочій, но, тѣм не менѣе, все-же, должен предварительно снестись по прямому проводу с центральным совдепом и только по полученіи оттуда прямых указаній, он может дать согласіе на мои формированія или запретить их. Меня плохо устраивала такая задержка и я рѣшил использовать свой послѣдній аргумент,

именно, постановленіе бурятскаго національнаго съѣзда; я добавил, при этом, что отказ в удовлетвореніи желанія бурят, может повести к сепаратным формированіям, вызванным его нерѣшительностью, и тогда я должен буду примѣнить в отношеніи иркутскаго совдепа, вообще, и его, предсѣдателя совдепа, в частности, ту власть, которая предоставлена мнѣ петроградским совдепом, дабы не обострять отношеній бурятской демократіи к органам новой власти. Помимо этого, я замѣтил, что его согласіе подписать приказ, не может принести какой-нибудь вред, так как, если будет рѣшено подвергнуть демобилизаціи всю армію, ей подвергнутся и мои формированія на общих со всѣми прочими частями основаніях.

Эти доводы, наконец, подѣйствовали и приказ был подписан. Отданіе приказа дало мнѣ возможность получить из окружного интенданства ассигновку необходимых для формированія средств на областное читинское казначейство, но затрудненія в проведеніи дѣла этим еще не закончились.

Дѣло в том, что в дни корниловскаго выступленія, еще во время засѣданій Войскового круга, послѣдній, по моему предложенію, послал телеграмму генералу Корнилову, привѣтствуя его и выражая готовность идти всѣм войском за ним, как за вождем народа. Надо полагать, это стало извѣстно Керенскому и, когда корниловское выступленіе было ликвидировано, из военнаго министерства пришло приказаніе мнѣ о прекращеніи всяких формированій и о возвращеніи моем в полк. На это я послал телеграфный рапорт в Ставку слѣдующаго содержанія: «Престиж всероссійскаго Временнаго правительства, в силу большевистской пропаганды, весьма невысок, а отказ от начатаго дѣла формированій окончательно уронит его в глазах инородцев Сибири, поэтому настоятельно ходатайствую не прекращать порученнаго мнѣ дѣла формированія». Генерал Самарин энергично и авторитетно поддержал мое мнѣніе о настроеніях среди туземцев Сибири и в концѣ концов, мы получили благопріятный отвѣт из Ставки, который дал мнѣ возможность продолжать начатое дѣло.

И послѣ преодолѣнія всѣх этих серьезных преград, маленькій случай неосторожной и излишней словоохотливости есаула Кубинцева, у котораго я останавливался в Иркутскѣ, погубил было все дѣло. Есаул Кубинцев поспорил с писарем Штаба округа изза каких то документов. В спорѣ с революціонным писарем он «пригрозил» тѣм, что дай де нам, с есаулом Семеновым сформироваться, так мы вам тут «покажем». Это повлекло арест Кубинцева и необходимость тайного моего выѣзда из Иркутска. Уѣзжая я взял с собою пять иркутских казаков добровольцами в свои части. Подъѣзжая к Верхнеудинску, я ожидал, что будут приняты какія-нибудь мѣры к моему аресту. Так и оказалось. Комендантом станціи Верхнеудинск была получена телеграмма о задержаніи меня.

Для выполненія ея он собрал роту дружины и оцѣпил ею нашъ поѣзд при подходѣ его к дебаркадеру. Увидя неизбѣжность ареста я приказал казакам не сидѣть в вагонѣ, а выйти со мною и не отходить далеко от поѣзда, дабы вскочить в него при отходѣ. Как только мы показались из вагона, ко мнѣ подошел комендант и стал спрашивать, кто я. Я назвал какую-то фамилію, и пошел вдоль поѣзда. Чины дружины продолжали стоять, а комендант, очевидно, подозрѣвая неправду с моей стороны, обратился к одному из моих казаков с тѣм же вопросом; тот заявил, что не знает. Тогда комендант, в сопровожденіи двух конвоиров подходит ко мнѣ и требует удостовѣренія личности. Я крикнул казакам — «ко мнѣ» — тѣ быстро очутились около меня, и я нанес короткій удар в подбородок коменданту, сразу свалившій его с ног. Казаки мои, обнажив шашки атаковали дружинников, при этом двое из них были ранены уколом шашек. Рота дружинников разбѣжалась, а от дежурнаго по станціи я потребовал пустить поѣзд ранѣе времени и передать по диспатчеру на слѣдующую станцію, поѣзда не задерживать. Дежурный и сам видѣл в этом лучшій исход для того, чтобы избѣжать открытія стрѣльбы со стороны солдат.

Благополучно миновав и эти препоны, я вечером доѣхал до Читы, гдѣ жизнь шла своим чередом, не будучи связанной с Иркутском. Овладѣніе властью здѣсь большевики производили неспѣша, ибо серьезных конкурентов у них не было и передачу власти мѣстному совдепу производили путем переговоров с либерально-розовыми элементами мѣстной интеллигенціи, что дало мнѣ достаточно времени получить по ассигновкѣ деньги и даже провести нѣкоторыя репрессивныя мѣры в отношеніи мѣстнаго «совдепа».

Я рѣшил окончательно стать на путь активной борьбы с большевиками, не останавливаясь перед вооруженными с ними столкновеніями и свою дѣятельность в этом направленіи начал немедленно по возвращеніи в Читу.

В Читѣ я нашел ожидавшую меня телеграмму из Главнаго Штаба о перемѣщеніи пункта формированія на станцію Даурія, вблизи маньчжурской границы, при которой находился военный городок с хорошо оборудованными большими казармами. Эта телеграмма явилась отвѣтом на мое ходатайство о предоставленіи мнѣ казарм в Дауріи для размѣщенія добровольцев, прибытія которых я ожидал и полученное разрѣшеніе очень устраивало меня, ввиду того что с Иркутском всѣ мои дѣловыя сношенія были закончены, оставаться же в Верхнеудинскѣ и Березовкѣ, окруженным обольшевиченными солдатами с горстью добровольцев, было неразумно. Первым моим шагом по прибытіи в Читу было полученіе из областного казначейства денег на формированіе по ассигновкѣ окружного интендантства иркутскаго военнаго округа. Я опасался, что послѣ моих столкновеній с представителями новой власти кредит может быть

пріостановлен и денег мнѣ получить не удастся. К счастью, это предположеніе не оправдалось и читинское казначейство выдало мнѣ ассигнованную сумму без особенных хлопот и проволочек. Теперь оставалось лишь дожидаться прибытія из Верхнеудинска остальных чинов моего Штаба и с ними вмѣстѣ выѣхать в Даурію. Однако, предварительно, необходимо было организовать вербовку добровольцев по казачьим станицам и бурятским улусам и, поэтому, в Читѣ пришлось немного задержаться. Так как я все-же считал, что мое пребываніе в Читѣ является небезопасным, ибо Иркутск, надо полагать, примет мѣры к задержанію меня, то я дал телеграмму Муравьеву, прося его прекратить вмѣшательство мѣстных совдепов в порученное мнѣ дѣло формированія, чтобы не создавать разнобой в работѣ и не нарушать преподанных мнѣ петроградским совдепом инструкцій. Я очень скоро получил ответ, что всѣ мѣры приняты и непосредственныя указанія на мѣста даны, тѣм не менѣе я, все-же, рѣшил создать свою собственную агентуру, которая держала бы меня в курсѣ всѣх дѣйствій и намѣреній мѣстнаго совдепа.

С этой цѣлью, через состоявшаго при мнѣ мл. урядника Бурдуковскаго, я привлек к работѣ нѣкоего солдата Замкина, члена мѣстнаго совдепа, услуги котораго регулярно оплачивал, и который аккуратно снабжал меня подробными свѣдѣніями о всѣх шагах совдепа. Однажды вечером, Замкин сообщил мнѣ, что предсѣдатель мѣстнаго совдепа говорил по прямому проводу с Иркутском или Петроградом относительно необходимости принятія репрессивных мѣр против меня. С этой цѣлью, на слѣдующій день рѣшено было созвать пленарное засѣданіе совдепа и на нем обсудить мѣры обезвреженія меня.

Необходимо было предпринять какіе-то шаги для противодѣйствія намѣренію совдепа. Точно установив час засѣданія, я через своих станичников, казаков запаснаго казачьяго дивизіона, узнал, кто именно из дивизіоннаго комитета будет командирован для участія в засѣданіи совдепа и умышленно пригласил их поужинать к себѣ вечером на другой день. Уговорились послѣ ужина идти вмѣстѣ на засѣданіе совдепа, причем, я ни словом не упомянул о том, что мнѣ извѣстно, что совдеп предполагает принять какія то мѣры против меня.

Когда делегаты собрались у меня, я послал Замкина совмѣстно с Бурдуковским вызвать их откуда-нибудь к телефону и от имени совдепа сообщить, что пленарное засѣданіе, назначенное на вечер, переносится на слѣдующій день. Все было исполнено по расписанію. Один из делегатов, вызванный к телефону, вернулся к столу и с довольным видом сообщил, что из совдепа звонят о том, что пленарное засѣданіе сегодня не состоится, так что в совдеп можно не ходить. Я предложил тогда закончить вечер всѣм вмѣстѣ в каком нибудь увеселительном заведеніи и мы вышли всѣ, чтобы привести мое

предложеніе в исполненіе. Проходя мимо дома войскового атамана, в котором происходили засѣданія совдепа, я вдруг как-бы внезапно вспомнил, что мнѣ необходимо повидать Пумпянского и, что весьма возможно, что я смогу найти его в помѣщеніи совдепа. Поэтому я просил Замкина с двумя казаками идти вперед в ближайшую шашлычную, а мы, с Бурдуковским на минуту зайдем в совдеп и быстро догоним их.

Я вошел в зал атамановскаго дома и увидѣл пленарное собраніе засѣдающим. Предсѣдательствовал Пумпянскій. Быстро войдя в зал, я объявил собраніе закрытым, а всѣх участвовавших в нем арестованными. Одновременно, обратившись к Бурдуковскому, я приказал ему позвать командира сотни для принятія арестованных, но тутже, будто спохватившись, велѣл Бурдуковскому подождать и обратился к собранію, указав ему, что казаки не прислали своих делегатов в пленарное засѣданіе совдепа, будучи возмущенными его интригами против меня. Пумпянскій пытался вступить со мной в объясненія, но я оборвал его и снова обратившись к собранію предложил всѣм сидѣть на мѣстах и не пытаться оставить зал, т. к. казаки, поставленные мною у дверей, будут стрѣлять по каждому, кто выйдет из зала без моего разрѣщенія. Это произвело замѣтный эффект и я мог свободно переговорить с Пумпянским, не опасаясь каких либо неожиданностей. Путем переговоров было рѣшено, что арест членов совдепа мною снимается; засѣданіе должно быть закрыто и возобновится через два дня при моем участіи. Послѣ всего этого, сдѣлав вид, что я полностью вѣрю, что заключенное соглашеніе будет выполнено совдепом, я приказал Бурдуковскому пойти доложить командиру сотни, что сотню можно вести домой, членыже комитета должны остаться и ожидать меня. Бурдуковскій вышел и, вернувшись через минуту, доложил, что приказаніе исполнено, послѣ чего, я, попрощавшись с Пумпянским и собраніем, вышел в сопровожденіи Бурдуковскаго и присоединился к станичникам, не терявшим время в ожиданіи меня. Бурдуковскому и Замкину я приказал немедленно нанять тройку и собрать вещи с тѣм, чтобы быть готовыми выѣхать через два - три часа, разсчитывая, что до утра товарищи не смогут связаться с дивизіоном и выяснить истину, мы же успѣем за это время добраться до станціи Маковѣево и пересѣсть там в маньчжурскій экспресс. Замкин рѣшил ѣхать с нами, опасаясь того, что его двойственная роль, в концѣ концов, будет раскрыта.

Выѣзд и пересадка на поѣзд прошли благополучно и уже в Дауріи я получил свѣдѣнія о том, что в Читѣ меня хватились только через два дня. Во главѣ связи в Читѣ я оставил своего личнаго и близкаго друга сотника (нынѣ генерал - маіор) Льва Филипповича Власьевскаго. Его задача была весьма трудна и рискованна, но он блестяще с нею справился.

В Даурію я пріѣхал ночью 28-го ноября и остановился у по-

селковаго атамана Даурскаго поселка. Казаки жаловались на распущенность и безчинства солдат дружины, охранявшей лагерь военноплѣнных. Утром я отправился в казармы, гдѣ помѣщался лагерь и дружина, его охранявшая. Там я встрѣтил офицеров дружины штабс - капитанов Усикова и Опарина, от которых получил полную оріентировку в настроеніи, как солдат дружины, так и военноплѣнных. В Даурію ко мнѣ присоединились пріѣхавшіе из Березовки: войсковой старшина барон Унгерн, хорунжій Мадіевскій, подхорунжій Швалов, мл. уряд. Батаков, ст. уряд. Медвѣдев и казак Батуев. Со мной вмѣстѣ пріѣхали мл. уряд. Бурдуковскій и солдат Замкин. Часть своих людей я отправил в верховья Онона до гор. Акши, во главѣ с А. А. Погодаевым за вербовкой добровольцев и сбором лошадей, а сам собрался поѣхать в Харбин к генералу Хорвату с тѣм, чтобы предложить ему свои услуги по приведенію в порядок ополченских дружин, стоявших гарнизонами по линіи КВжд и по сформированію добровольческой пограничной стражи, которая могла-бы взять на себя охрану порядка в краѣ. Я считал, что генерал Хорват, у котораго были всѣ возможности и средства для сформированія и содержанія одной отдѣльной бригады, как комиссар Временнаго правительства, не должен подчиниться совѣтской власти, которая вступила на путь открытой борьбы с правительством и предала Россію в Брест - Литовскѣ, заключив сепаратное перемиріе с австро - германцами, и потому рѣшил отдать себя и свои силы в полное его распоряженіе.

11.

ПОДГОТОВКА БАЗЫ.

Гарнизон Даурія. Военноплѣнные. Капитан принц Элькадири. Полицейская команда. Комиссар Березовскій. Командировка поручика Жевченко. Офицеры дружины. Обстановка в Харбинѣ. Разстрѣл Аркуса. Поѣздка на ст. Маньчжурія. Прапорщик Кюнст и чиновник Куликов. Обстановка в Маньчжуріи. Мое рѣшеніе разоружить Маньчжурскій гарнизон. Приглашеніе представителей властей на совѣщаніе. Засѣданіе резолюціоннаго трибунала. Вызов из Маньчжуріи моих людей.

Гарнизон Даурія состоял из одной ополченской дружины. Обязанности его заключались в окарауливаніи лагеря военноплѣнных; но состояніе дружины, совершенно разложившейся, было таково, что не ополченцы окарауливали военноплѣнных, а скорѣе послѣдніе контролировали дружину. Гарнизонный комитет с первых дней моего появленія в Даурія пытался было вмѣшаться в мою работу и подчинить моих казаков своему контролю, но раз навсегда был поставлен мною на мѣсто и послѣ энергичнаго разгона одного

Русская Историческая БИБЛІОТЕКА

из засѣданій, на которое я явился с Бурдуковским, вооруженным ручными гранатами, настроеніе солдат стало немного приличнѣе. Пьянство и грабежи в казачьем поселкѣ были прекращены самыми строгими мѣрами воздѣйствія, для чего мнѣ пришлось сформировать нѣчто вродѣ военно - полицейской команды из военноплѣнных германцев и турок. Команда эта была поручена барону Унгерну, хорошо владѣвшему нѣмецким языком и занимавшему должность моего помощника.

Среди военноплѣнных, содержавшихся в лагерѣ в Даурiи, находился капитан турецкаго генеральнаго Штаба принц Элькадири, один из членов рода, происходящаго по прямой линiи от пророка Магомета. Капитан Элькадири был освобожден из лагеря и поступил на службу в мой Штаб, в качествѣ добровольца. Впослѣдствiй, послѣ заключенiя перемирiя на западном фронтѣ, он связался, при посредствѣ Великобританскаго ген. консульства в Харбинѣ, со своими родными в Багдадѣ и вскорѣ послѣ этого я получил письмо из Великобританскаго посольства в Пекинѣ, с просьбой не задерживать в Сибири принца Элькадири и дать ему возможность выѣхать в Пекин, откуда он будет отправлен на родину. Я предложил принцу немедленно выѣхать в Пекин, стоимость до которато будет мною оплачена, но он, как истый рыцарь долга и чести, отказался воспользоваться моим предложенiем и просил меня разрѣшить ему остаться со мной до конца борьбы с большевиками, к которой я готовился в то время, и к которой он считал себя прiобщенным с того момента, как из положенiя военноплѣннаго он был назначен в состав моего Штаба. В настоящее время принц Элькадири занимает видное положенiе на своей родинѣ, но полной связи со мной не теряет и время от времени пишет мнѣ. У меня, лично, остались самыя лучшiя воспоминанiя, как о нем самом, так и об его чисто восточной вѣрности долгу и чувству признательности.

Покончив вопрос с организацiей полицейской команды из военноплѣнных, которые отлично справлялись со своей задачей, я рѣшил обезпечить себя от всяких неожиданностей со стороны читинскаго совдепа и для этого обратил свое вниманiе на казака Березовскаго, который был командирован из Читы в качествѣ коменданта станцiи Даурiя.

Березовскаго я знал еще по мирному времени. Казачишка он был никудышный, крайне вздорный и безтолковый, но с повышенным самолюбiем, которое в условiях военной службы стараго времени привело его, в концѣ концов, к какому-то крупному нарушенiю требованiй воинской дисциплины, результатом чего явилась отдача под суд и дисциплинарный батальон. Послѣ революцiи он был амнистирован, вернулся в Войско и теперь я нашел его членом читинскаго совдепа и комендантом станцiи Даурiя. Я был увѣрен, что болѣзненное самолюбiе Березовскаго может быть подкуплено

обѣщаніем провести его в офицерское званіе и, пригласив как-то его к себѣ к чаю, я прямо предложил ему перейти ко мнѣ на службу, обѣщая, если он оправдает мое довѣріе и прекрасно выполнит тѣ заданія, которыя я дам ему, то я, как военный комиссар Временнаго правительства, условно, впредь до утвержденія правительством, произведу его в чин прапорщика. Как я и ожидал, Березовскій с готовностью согласился на мое предложеніе и я приказал ему передавать в Читу только ту информацію, которую он будет получать от моего Штаба, все-же остальное задерживать и представлять мнѣ.

Березовскій своими дѣйствіями оказал большую услугу зарождавшемуся бѣлому движенію. Пользуясь полным довѣріем читинскаго совдепа, он своей тенденціозной информаціей, спутал всѣ расчеты Читы и удержал ее от активных дѣйствій пр'отив меня в такой момент, когда мою дѣятельность можно было легко пресѣчь без особых усилій. За то он заваливал меня информаціей о Читѣ, настолько сомнительнаго, в отношеніи согласованія ея с истиной, свойства, что это обстоятельство первое время заставляло относиться к нему с извѣстной осторожностью. Послѣдствія, однако, показали, что Березовскій вполнѣ честно работал на меня, но, как склонный к увлеченіям, преувеличивал и свои свѣдѣнія и свои заслуги. Перед началом боевых операцій я произвел его условно в чин прапорщика. Впослѣдствіи Омское правительство адмирала Колчака утвердило это пр'оизводство и к началу эвакуаціи из Забайкалья, Березовскій дослужился до чина подъесаула. В эмиграціи он ударился в богоискательство; перешел к адвентистам, от имени которых миссіонерствовал по линіи б. К. В. ж. д., затѣм вернулся в лоно православія, обличал адвентистов и их пониманіе Св. Писанія и в настоящее время находится гдѣ-то в Сѣверном Китаѣ.

Сложность обстановки на мѣстѣ заставила меня временно отложить свою поѣздку в Харбин и я командировал с письмами к генералу Хорвату вновь присоединившагося ко мнѣ поручика Жевченко. Послѣднему я дал инструкціи добиться от генерала Хорвата согласія на замѣну разложившихся и дезорганизованных русских частей на линіи К. В. ж. д. вновь сформированными добровольческими частями и на отпускѣ необходимаго имущества и денежных средств для проведенія этого предложенія в жизнь. В тоже время, мнѣ пришлось оказывать дѣйствительную поддержку офицерам дружины на Даур'іи, т. к. они находились в полной неосвѣдомленности о своей судьбѣ и порядкѣ подчиненности.

Командир дружины штабс-капитан Опарин производил прекрасное впечатлѣніе дѣльнаго офицера и самоотверженно нес свои тяжелыя обязанности в обстановкѣ полнаго моральнаго разложенія ввѣренной ему части: что касается второго офицера дружины штабс-капитана Усикова, то с первых же дней моего прибытія в

Даурію он присоединился ко мнѣ; впослѣдствіи приписался к войсковому сословію Забайкальскаго казачьяго войска и в настоящее время, в чинѣ войскового старшины, находится в эмиграціи возглавляя одну из казачьих организацій в Шанхаѣ.

Между тѣм, Жевченко доносил мнѣ, что генерал Хорват не склонен принимать какія либо мѣры против большевиков, считая, что перемѣна власти в центрѣ, не может отразиться на его положеніи, в силу особых его взаимоотношеній с мѣстной китайской администраціей, тѣм болѣе, что он застраховал себя с этой стороны, обратившись к китайцам с предложеніем ввести свои войска в полосу отчужденія К. В. ж. д. для охраны порядка, к чему русскія части в это время были уже неспособны.

Однако, несмотря на это, попытка устранить Д. Л. Хорвата и замѣнить его мѣстным маньчжурским большевиком Аркусом, все-же была сдѣлана при полном безучастіи китайцев. Попытка эта не удалась исключительно благодаря моему своевременному вмѣшательству, которое повлекло за собой окончательный мой разрыв с совѣтской властью.

В первых числах декабря 1917 года, я получил телеграмму от харбинскаго полицмейстера г. фон Арнольда, в которой он просил задержать Аркуса, назначеннаго на мѣсто Хорвата и выѣхавшаго в Иркутск за инструкціями. По прибытіи в Даурію поѣзда, в котором ѣхал Аркус, я арестовал его, имѣя намѣреніе продержать его у себя недѣлю или двѣ, чтобы лишить его возможности попасть в Иркутск, о чем мною и было ему заявлено при арестѣ. Но Аркус с самаго момента ареста стал держать себя в высшей степени возмутительно. Он начал ругать непозволительными словами и меня лично и все офицерство, угрожал расправой чинам, производившим его арест, и пытался обратиться с зажигательной рѣчью к солдатской массѣ, собравшейся на вокзалѣ. Все это привело к тому, что я тут же на станціи нарядил военно-полевой суд, который приговорил Аркуса к смерти, тѣм болѣе, что в его багажѣ нами были найдены документы, свидѣтельствовавшіе о том, что Аркус принял мѣры для согласованія с китайским командованіем вопроса о замѣнѣ Хорвата и об арестѣ меня. С этими документами, которые должны были, по моему мнѣнію, открыть глаза Д. Л. Хорвату на истинное положеніе дѣла и заставить его согласиться на предложенный мною выход — формированіе добровольческих отрядов для охраны линіи дороги, я, послѣ казни Аркуса, рѣшил больше не откладывать своей поѣздки в Харбин и 18-го декабря 1917 года прибыл на станцію Маньчжурія, гдѣ обстоятельства снова заставили меня задержаться.

Прибыв в 9 час. утра в Маньчжурію, я с двумя казаками, урядниками Бурдуковским и Батуриным, пошел на паспортный пункт, помѣщавшійся тут-же на станціи, для предъявленія своих

документов. Здѣсь я познакомился с начальникомъ пункта военнымъ чиновникомъ И. И. Куликовымъ, и его помощникомъ прапорщикомъ Кюнст. Оба произвели на меня очень хорошее впечатлѣніе и будущее показало, что это впечатлѣніе не было ошибочнымъ. Какъ Куликовъ, такъ и Кюнст, оказали большія услуги мнѣ и начатому мною дѣлу, какъ истинные патріоты, не останавливающіеся передъ жертвами во имя блага своей Родины. Они дали мнѣ полную информацію обстановки въ Маньчжуріи, куда только что пришла бригада китайскихъ войскъ. Картина, нарисованная моими собесѣдниками, была поистинѣ безотрадна. Полное бездѣйствіе власти, полная демораліза̀ція 720-й ополченской дружины и желѣзнодорожной роты, составлявшихъ гарнизонъ города; полный разгулъ большевистской агитаціи, пользовавшейся успѣхомъ у населенія, которому обѣщалось все. Китайскія войска имѣли намѣреніе разоружить русскій гарнизонъ и взять охрану порядка въ городѣ въ свои руки, но начальникъ китайскаго гарнизона, генералъ-маіоръ Ганъ, считалъ, что имѣющейся въ его распоряженіи бригады для этой цѣли недостаточно и въ ожиданіи затребованнаго изъ Харбина подкрѣпленія, не предпринималъ никакихъ шаговъ противъ чинимыхъ нашими солдатами безобразій.

В результатѣ полученныхъ мною свѣдѣній, я пришелъ къ заключенію о необходимости принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ творившагося въ городѣ безобразія и рѣшилъ произвести немедленное разоруженіе солдатъ гарнизона, примѣнивъ силу психологическаго воздѣйствія на китайцевъ, на большевиковъ и на нашу общественность. Вслѣдствіе принятаго рѣшенія, я обратился къ И. И. Куликову съ просьбой взять на себя трудъ пригласить на паспортный пунктъ китайскаго бригаднаго командира, начальника дипломатическаго бюро Цицикарской провинціи съ драгоманомъ, городского голову и начальника милиціи. Пока прапорщикъ Кюнст поѣхалъ передать приглашенія названнымъ лицамъ, я обратилъ вниманіе на присутствовавшаго въ пунктѣ офицера, въ чинѣ поручика, который своимъ пришибленнымъ видомъ и разстроеннымъ лицомъ заставилъ меня поинтересоваться у И. И. Куликова, знаетъ-ли онъ этого офицера и что съ нимъ случилось. Куликовъ сообщилъ мнѣ, что поручикъ является комендантомъ станціи (фамиліи его, къ сожалѣнію, не помню) и находится подъ судомъ «революціоннаго трибунала». Разборъ его дѣла совершается какъ разъ въ этотъ моментъ въ одной изъ комнатъ 2-го этажа станціоннаго зданія. Узнавъ объ этомъ, я приказалъ урядникуу Бурдуковскому стать у двери, ведущей въ помѣщеніе паспортнаго пункта и никого черезъ нее не пропускать. Бурдуковскій былъ предан мнѣ и весьма пунктуаленъ и свирѣпъ въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей. Поэтому, когда черезъ нѣсколько минутъ въ помѣщеніе паспортнаго пункта пытались проникнуть двое изъ членовъ трибунала, командированные за подсудимымъ, онъ не только не впустилъ ихъ, но на попытку

Русская [illegible]
БИБЛ[illegible]

пройти силой, примѣнил прикладъ винтовки, какъ средство воздѣйствія на солдат. Впечатлѣніе отъ этого непривычнаго для революціонных солдат физическаго воздѣйствія было настолько сильным, что весь трибунал с криками «казаки бьют», в паникѣ разбѣжался. Успокоив затравленнаго поручика и убѣдив его, что отнынѣ никакіе безотвѣтственные суды и трибуналы ему не угрожают, я отпустил его домой, так как тѣм временем уже собрались приглашенные мною представители власти.

Куликов познакомил меня с собравшимися и я предложил произвести разоруженіе русскаго гарнизона своими силами, так как это входит в мои обязанности, как комиссара Временнаго правительства. Кромѣ того, я заявил им, что считаю необходимым, чтобы разоруженіе было произведено именно русскими, чтобы оно прошло безболѣзненно и не вызвало враждебных столкновеній между китайскими и русскими солдатами, от которых, безусловно, пострадало бы городское населеніе, охрану коего отнынѣ я беру на себя. Предложеніе мое было встрѣчено сочувственно и генерал Ган тотчас согласился предоставить мнѣ свободу дѣйствій и помощь своей бригады, в случаѣ необходимости. Поблагодарив любезнаго генерала, я отказался от содѣйствія, разсчитывая справиться собственными средствами.

Получив, таким образом, возможность дѣйствовать, я немедленно начал приводить в исполненіе свой план. Первым дѣлом я потребовал от начальника станціи предоставленія мнѣ свободнаго эшелона в тридцать оборудованных нарами и печами теплушек. Состав должен был быть немедленно отправленным в Даурію, гдѣ будет произведена погрузка моего полка, послѣ чего на разсвѣтѣ 19-го декабря полк должен быть доставлен на воинскую платформу станціи Маньчжурія.

В дѣйствительности, никакого полка, фактически, не существовало и в Дауріи за исключеніем трех казаков, занятых при лошадях, оставались свободными слѣдующія лица: войск. старш. барон Унгерн, хорунжій Мадіевскій, подхор. Швалов, старш. уряд. Фирсов и казак Батуев; двое (Бурдуковскій и Батурин) находились при мнѣ; три человѣка были отправлены с моими письмами в Баргу к правителю князю Гуй-фу и один находился в Харбинѣ в распоряженіи поручика Жевченко. Таким образом, я имѣл в своем распоряженіи 7 человѣк. Бурдуковскаго я отправил с поѣздом с приказаніем, к барону Унгерну, которому написал, чтобы он взял всѣх свободных людей и изобразил с ними настоящій эшелон, затопив в вагонах печи и освѣтив их свѣчами. Двигаясь к Маньчжуріи, помнить, что идет Монголо-бурятскій конный полк и если кто будет интересоваться эшелоном, то так и говорить.

Я разсчитывал с 7 человѣками разоружить весь гарнизон Маньчжуріи, явившись в казармы на разсвѣтѣ и захватив пирамиды

с винтовками. В успѣхѣ предпріятія я был совершенно увѣрен, полагая, что если я именем Временнаго правительства объявлю демобилизацію и отправку разоруженных солдат по домам, то никаких осложненій выйти не может и солдаты будут довольны возможности выѣхать домой.

К 4 часам утра, «полк» подошел к воинской платформѣ на ст. Маньчжурія. Я встрѣтил эшелон и приказал двум казакам дежурить у поѣзда, говоря всѣм, кто будет спрашивать, что вагоны заняты Монголо-бурятским полком. Самый состав, по моему приказанію, был поставлен на выходной путь и держался с прицѣпленным паровозом под парами для немедленной эвакуаціи солдат послѣ разоруженія.

Я сам с бароном Унгерном отправился в дипломатическое бюро Цицикарской провинціи, гдѣ нас ожидали ген.-маіор Ган и остальные представители власти. Всѣ были в полной увѣренности, что прибыл Монголо-бурятскій полк; никому не приходило в голову, что состав полка заключался в семи человѣках и что вагоны из Даурія пришли пустыми.

«Дѣйствующія силы» своего полка я распредѣлил слѣдующим образом: я с казаком Батуевым, вдвоем, должны были разоружить 720-ую дружину; барон Унгерн с одним казаком взяли на себя разоруженіе желѣзнодорожной роты и команды конскаго запаса; хорунжій Мадіевскій с двумя казаками должен был объѣхать квартиры наиболѣе замѣтных большевистских агитаторов, арестовать их и доставить на вокзал.

12.

ОБСТАНОВКА В МАНЬЧЖУРІИ.

Разоруженіе гарнизона Маньчжуріи. Отправка разоруженных солдат на запад. Высылка большевистских лидеров из Маньчжуріи. Засѣданіе Маньчжурскаго городского совѣта. Мое появленіе на засѣданіи. Три категоріи большевиков. Телеграмма генерала Хорвата. Командировка Жевченко в Шанхай. Приглашеніе адмирала Колчака. Связь нѣмцев с большевиками. Ошибочность нѣмецкой политики и ея послѣдствія. Мое рѣшеніе вести борьбу самостоятельно. Эвакуація итальянцев и полученіе от них оружія. Первыя столкновенія с большевиками.

Около 6 часов утра 19-го декабря мы приступили к выполненію поставленной себѣ задачи. Барон Унгерн взял с собой начальника милиціи гор. Маньчжурія, капитана Степанова, который должен был указать ему мѣстонахожденіе казарм. Я еще днем осмотрѣл расположеніе казарм 720-й дружины и в проводникѣ не нуждался.

Капитан Степанов был чрезвычайно удивлен, увидѣв, что баронъ Унгернъ намѣренъ произвести разоруженіе двух рот с одним только казаком и считая, повидимому, эту авантюру заранѣе обреченной на полный провал, рѣшил отстраниться от участія в ней. Поэтому, он категорически отказался вести барона Унгерна к казармам и пытался уѣхать домой, так что барону пришлось примѣнить совершенно экстраординарныя мѣры и отшлепать почтеннаго капитана ножнами шашки по мягким частям тѣла, чтобы заставить его проводить себя до мѣста.

Как я и ожидал, разоруженіе произошло быстро и легко, без всяких инцидентов, если не считать попытку одного из членов комитета дружины призвать растерявшихся товарищей к оружію. Призыв этот, однако, успѣха не имѣл, так как винтовки были уже заперты нами на цѣпочку и около них стоял мой Батуев с ружьем на изготовку и взведенным на боевой взвод курком. В то же время, вынув пистолет, я объявил во всеуслышаніе, что каждый, кто сдѣлает попытку сойти с мѣста, будет немедленно пристрѣлен.

Я обратился к солдатам с соотвѣтствующей рѣчью, объявив им именем Временнаго правительства о демобилизаціи и отправленіи их по домам, причем, дал 20 минут на сборы, объявив, что каждый опоздавшій будет арестован и предан суду.

Услышав об отправкѣ домой, солдаты повеселѣли и быстро начали свертывать свои пожитки и укладывать сундучки. Через полчаса все было готово. Я выстроил дружину во дворѣ, разсчитал по два и повел вздвоенными рядами к вокзалу, оставив Батуева окарауливать казарму. На вокзалѣ я подвел свою колонну к эшелону, уже готовому к отправленію, разсадил солдат по вагонам, назначив старших на каждую теплушку. К этому времени и барон Унгерн привел разоруженных им солдат, в количествѣ нѣсколько сот человѣк, которые также были размѣщены по теплушкам. От каждаго десятка по одному человѣку было командировано за кипятком и вскорѣ все было готово к отправленію эшелона, ждали только хорунжаго Мадіевскаго, который должен был привести арестованных им большевистских лидеров. Среди послѣдних были учителя, рабочіе и лица неопредѣленных профессій, спеціализировавшіяся на политической спекуляціи в это сумбурное время. Они были помѣщены в отдѣльную теплушку, которую я приказал запломбировать, объявив арестованным, что они должны быть горды въѣхать в Россію в запломбированном вагонѣ, подобно своему вождю Ленину.

Эшелон был готов к отправкѣ в 10 часов утра. Я объявил солдатам, что задняя теплушка занята конвоем, который имѣет распоряженіе до станціи Борзя из вагона никого не выпускать и стрѣлять в каждаго, кто попытается выйти из вагона или выглядывать из окна. Подхорунжему Швалову, в единственном числѣ конво-

ировавшему эшелон в 37 вагонов, я приказал до станціи Даурія ѣхать на тормозной площадкѣ, а при проходѣ поѣзда этой станціи уменьшенным ходом, спрыгнуть с нея. Через дежурнаго по станціи было сообщено по линіи до станціи Борзя остановки эшелону не давать и пропустить его ходом болѣе быстрым, чѣм обычно. Всѣ эти мѣры были приняты мною из опасенія, что солдаты, обнаружив отсутствіе конвоя в поѣздѣ, могут высадиться в Дауріи и соединиться там с даурским гарнизоном и тогда справиться с ними будет много труднѣе. Опасенія эти, к счастью, не оправдались и я своевременно получил из Дауріи донесеніе о благополучном слѣдованіи эшелона в Борзю.

Китайское командованіе и представители городского самоуправленія прибыли ко мнѣ с поздравленіями по случаю успѣшнаго разоруженія; почти никто не знал, что 1500 солдат были разоружены 7 человѣками, а если кто и слышал о численности новаго русскаго гарнизона Маньчжуріи, считал эти слухи вздорными и не вѣрил имъ.

Таким образом, с 19-го декабря, под моим контролем находились два гарнизона: даурскій и маньчжурскій. Однако, Маньчжурія еще не окончательно подчинилась мнѣ и через нѣсколько дней послѣ разоруженія гарнизона мнѣ пришлось такими же рѣшительными мѣрами выступать против городского самоуправленія, чтобы привести его к порядку и полному подчиненію себѣ.

Избранный по революціонным ультра-демократическим законам, Маньчжурскій городской совѣт носил явную соціалистическую окраску и потому не мог, конечно, искренне симпатизировать мнѣ. Поэтому неудивительно, что на второй или третій день послѣ разоруженія, у меня произошло первое недоразумѣніе с ним. Я был приглашен на засѣданіе городского совѣта, гдѣ мнѣ пришлось выслушать много благодарностей за освобожденіе города от разнузданных солдат и пр. Я отвѣтил, также благодарностью, но просил городской совѣт обсудить вопрос и вынести постановленіе о поддержкѣ меня и моих формированій, о чем телеграфировал генералу Хорвату, как главному начальнику края. Это мое предложеніе не было принято большинством голосов, что я объяснил наличіем скрытой оппозиціи, против которой рѣшил принять свои мѣры. Поэтому, когда в январѣ 1918 года, городской совѣт собрал в помѣщеніи Желѣзнодорожнаго собранія пленарное засѣданіе своих гласных, я, не будучи приглашен на него, все-же, в цѣлях информаціи командировал на него своего офицера, поручика Алексѣева. Поручик Алексѣев успѣшно выяснил цѣль происходящаго собранія, но с трудом выбрался из зданія, т. к. обнаружив в нем моего подчиненнаго, его пытались задержать в собраніи до окончанія засѣданія. Явившись ко мнѣ поручик Алексѣев доложил, что на повѣсткѣ собранія стоит два всего вопроса: 1) о нарушеніи революціонных

свобод есаулом Семеновым и об отношеніи к нему в связи с этим и 2) о разгонѣ Учредительнаго Собранія в Петроградѣ большевиками. Имѣя на руках повѣстку засѣданія, я с нѣсколькими офицерами, вооруженными винтовками, на извозчиках отправился в Желѣзнодорожное собраніе. Поставив у всѣх выходов вооруженных офицеров, с приказаніем никого не впускать и не выпускать из помѣщенія, я, в сопровожденіи подполковника Скипетрова, подъесаула Тирбаха и поручика Цховребашвили, быстро вошел в зал засѣданія и, поднявшись на кафедру, скомандовал: «руки вверх».

Неожиданность моего появленія и рѣшительность выступленія парализовала всякую возможность какого-либо сопротивленія не только со стороны присутствовавших в залѣ, но и со стороны многочисленной публики, находившейся в корридорах зданія. Я потребовал от всѣх подходить поочереди с поднятыми руками к столу президіума на сценѣ и складывать имѣющееся оружіе, предупредив, что всякій, кто сдѣлает попытку опустить руки или не исполнит моего требованія о сдачѣ оружія, которое будет обнаружено у него послѣ обыска, будет немедленно же разстрѣлян. Нѣкоторые обратились с заявленіем, что руки затекли и устали, но я возразил, что при данных условіях, выход только один — быстрѣе сдавать оружіе. Было сдано свыше девяноста револьверов, послѣ чего я разрѣшил опустить руки и сѣсть на мѣста. Когда это было исполнено, я обратился к присутствовавшим с рѣчью, указав им, что недопустимо было ставить такой важный вопрос, как разгон Учредительнаго Собранія на второй план и отдавать все свое вниманіе вопросу о противодѣйствіи мнѣ. Послѣ этого, подполковник Скипетров, только что перед этим прибывшій из Иркутска, начал говорить о событіях, которыя произошли там и о возстаніи юнкеров и офицеров против совдепа, жестоко подавленном большевиками.

В это время из-за кулис кѣм то была подброшена записка, в которой оказались перечисленными присутствовавшіе в залѣ большевики. Послѣ того, как подполковник Скипетров закончил свою рѣчь, я снова занял кафедру и обратился к присутствовавшим, разъясняя им свое отношеніе к большевикам. Всѣх большевиков я раздѣлил на три категоріи: 1-ая — сознательные измѣнники и предатели типа Ленина, которых я буду уничтожать безпощадно; 2-ая — не меньшіе мерзавцы, примкнувшіе к большевикам в силу личнаго благополучія и выгоды. Эти также подлежат безжалостному уничтоженію. 3-я — дураки и ослы, примкнувшіе к большевикам по глупости и неспособности разобраться в сущности большевизма. Эти могут быть прощены, если они искренне сознают свое заблужденіе. Послѣ этого я вызвал по полученной мною запискѣ семь или восемь человѣк и спросил, к какой категоріи причисляют они себя.

Конечно, всѣ завѣрили меня, что они являются большевиками

3-ей категоріи и выдали соотвѣтствующія расписки о полном своем отказѣ от большевистской идеологіи.

Этим были закончены мои недоразумѣнія с маньчжурским самоуправленіем и я почувствовал себя в Маньчжуріи болѣе или менѣе твердо. Что-же касается Городского самоуправленія, то, во избѣжаніе всяких недоразумѣній в будущем, я распорядился, чтобы никаких собраній без вѣдома коменданта города, коим я назначил поручика Алексѣева, впредь не производилось.

Сразу послѣ разоруженія гарнизона Маньчжуріи и установленія связи с генералом Ган, я отправил к генералу Хорвату телеграмму, текстуально слѣдующаго содержанія: «Харбин, генералу Хорват. Разоружил обольшевичившійся гарнизон Маньчжуріи и эвакуировал его вглубь Россіи. Несеніе гарнизонной службы возложил на ввѣренный мнѣ полк. Жду ваших распоряженій. Есаул Семенов.» Через четыре дня послѣ отправки моей телеграммы, уже послѣ изложеннаго в предыдущей главѣ выступленія моего в Городском самоуправленіи, я получил от генерала Хорвата телеграмму слѣдующаго содержанія: «Есаулу Семенову, Маньчжурія. Прошу не препятствовать населенію устраивать свою жизнь путями предвозвѣщенными Временным всероссійским правительством. Хорват.»

Получив такую телеграмму, я одновременно был освѣдомлен городским головой Маньчжуріи г. Бурмакиным о том, что в городѣ нѣкоторыми вліятельными лицами получен от полковника Колобова, начальника канцеляріи Хорвата, конфиденціальный совѣт послѣдняго не только не поддерживать меня и мои формированія, но постараться выдворить меня каким - нибудь образом из Маньчжуріи.

Ввиду всего этого, я рѣшил на поддержку генерала Хорвата не разсчитывать и послал инструкцію поручику Жевченко выѣхать в Шанхай, встрѣтиться там с адмиралом Колчаком и просить его прибыть в Маньчжурію для возглавленія начатаго мною движенія против большевиков. Не зная лично адмирала, я считался с тѣм, что имя его было извѣстно не только по всей Россіи, но и заграницей. Начатое дѣло, при возглавленіи его лицом, пользовавшимся извѣстностью, могло привлечь к нему больше сторонников. Кромѣ того, я считал, что появленіе адмирала во главѣ противобольшевистскаго движенія, при его связях с англичанами и другими иностранцами, даст возможность убѣдить наших союзников в необходимости поддержать стремленіе русских антибольшевиков возстановить противогерманскій фронт, если не в Европейской Россіи, так на Уралѣ или в Сибири для того, чтобы изолировать сотни тысяч военноплѣнных, которые по требованію центральных держав могли бы быть и впослѣдствіи, дѣйствительно, были, вооружены большевиками и использованы против союзников. При таких условіях поддержка зарождавшатося бѣлаго движенія прямо отвѣчала интересам держав Согласія. Впослѣдствіи я использовал этот довод,

Русская уличная библиотека

когда мнѣ пришлось вести переговоры с иностранными консулами в Харбинѣ и убѣждать их оказать поддержку моему отряду.

Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы указать на ошибку германскаго генеральнаго Штаба, не использовавшаго возможность полнаго контроля над совѣтским правительством, путем вооруженія свыше полумилліона австро-германцев, находившихся в Сибири в качествѣ военноплѣнных. Германскій генеральный Штаб должен был предусмотрѣть возможность интервенціи союзников с востока так же, как и возможность вооруженія военноплѣнных и вмѣшательства их в гражданскую войну в Россіи. Если-бы эти военноплѣнные были вооружены германским командованіем, которое в Брест - Литовскѣ имѣло полную возможность добиться этого, оно держало-бы Ленина в своих руках; оно дало-бы возможность ликвидировать совѣты в тот момент, когда это наиболѣе отвѣчало бы интересам Германіи; наконец, фактическая оккупація Сибири нѣмцами дала бы им крупный козырь при переговорах в Версалѣ.

Эта ошибка германскаго командованія оказалась роковой для Имперіи, потому что кооперація с большевиками выдвинула соціалистическіе элементы Германіи на авансцену политической жизни страны и стоила Императору Вильгельму его трона. Это противоестественное сближеніе Императорской Германіи с совѣтами в Брест - Литовскѣ и послѣ него, оттолкнуло національно - мыслящую Россію от Германіи и первая помощь, которая была оказана бѣлому движенію иностранцами, была обусловлена, именно, участіем германских военноплѣнных в красной арміи.

Все это Жевченко, по моим инструкціям, изложил адмиралу Колчаку, находившемуся в то время в Шанхаѣ. Однако, адмирал нашел несвоевременным свое появленіе во главѣ антибольшевистских элементов и Жевченко по его порученію донес мнѣ, что адмирал считает, что обстановка даннаго момента ещѣ, по его мнѣнію, не требует спѣшности в его активном выступленіи, но он будет готов служить дѣлу родины, как только она позовет его. Донесеніе Жевченко было подтверждено полученной мною одновременно телеграммой за подписями самого адмирала, нашего генеральнаго консула в Шанхаѣ, Путилова и графа Езерскаго. Содержаніе телеграммы заключалось в пожеланіи мнѣ успѣха в начатом дѣлѣ и в выраженіи увѣренности, что я справлюсь с поставленной себѣ задачей.

Таким образом, и вторая моя попытка втянуть извѣстных и опытных лиц в активное участіе в противобольшевистском движеніи потерпѣла также неудачу. Несмотря на всѣ, я все же рѣшил идти по начатому пути и продолжать работу по подготовкѣ базы в в Монголіи и в полосѣ отчужденія К. В. ж. д., так как я вѣрил в жизненность поставленных себѣ цѣлей и вѣрил, что не останусь одиноким в своем стремленіи организовать вооруженный отпор захват-

чикам власти. Дѣйствительность показывала, что я был прав и что наше офицерство, молодежь и всѣ, любившіе родину и желавшіе ей счастья, с большими трудностями и риском для жизни, прослышав про объявленный мною набор добровольцев против большевиков, ежедневно просачивались на станцію Маньчжурія и примыкали ко мнѣ. Я принимал всѣх желающих, не обѣщая ничего и не зная смогу-ли я прокормить своих людей.

В это-же время из Сибири проходил батальон итальянцев, сформированный еще при Императорском правительствѣ из военнопленных австрійской арміи, по національности итальянцев. Его командир, маіор Гарибальди, был встрѣчен мною на станціи. Мы познакомились и вечером я со своими офицерами угощал итальянцев ужином в Маньчжурском общественном собраніи. Это было как раз в день моего выступленія против Городского самоуправленія и общественности, о котором я говорил выше, так что я вынужден был извиниться перед своими гостями и на нѣкоторое время покинуть их, чтобы привести к покорности отцов города. Вернувшись обратно, я разсказал маіору Гарибальди комическій эпизод с тремя категоріями большевиков и ввиду того, что маіор придерживался тѣх же взглядов на большевиков, что и мы, мнѣ нетрудно было войти с ним в нѣкоторое соглашеніе и получить от него нѣсколько легких пулеметов и шасси грузовика с мотором Минерва, который впослѣдствіи был нами оборудован, как бронированный автомобиль. Эта работа была проведена тремя техниками, бельгійцами по національности, которые входили в состав батальона маіора Гарибальди и которые остались в Маньчжуріи и поступили ко мнѣ на службу.

К этому-же времени относятся первыя столкновенія моих разъѣздов с большевиками западнѣе Дауріи. В то время мы были плохо вооружены, не имѣли ни артиллеріи, ни пулеметов, так что держаться было довольно трудно.

Итак, я имѣл перед собой три враждебныя мнѣ группы:

Первая группа — маньчжурская общественность, за которой стоял генерал Хорват, почему-то с первых же дней появленія моего в Маньчжуріи, ставшій мнѣ в оппозицію. Мои отношенія с генералом Хорватом состояли из сплошных недоразумѣній, т. к. генерал, дорожившій своей дружбой с китайцами, весьма косо смотрѣл на мою работу среди монгол, вызывающую острое недовольство китайских властей.

Вторая группа, опасавшаяся меня и старавшаяся помѣшать созданію моего отряда, возглавлялась тогдашним командующим китайскими войсками в Маньчжуріи. Он повѣрил заявленію большевиков об отказѣ их от прав Россіи на К. В. ж. д. и смотрѣл на меня, как на препятствіе к полному подчиненію Маньчжуріи китайской ад-

министраціи. Отношенія с ним так и не наладились и только замѣна его другим генералом разрядила остроту обстановки. Особенно же близкими и сердечными отношенія стали послѣ назначенія в Маньчжурію генерала Чжан Хай-пын, нынѣ генерал - адъютанта Е. И. В. Императора Маньчжурской Имперіи.

Наконец, третью группу открытых моих врагов составляли большевики, в борьбу с которыми и был вложен весь смысл моих усилій.

13.

ВЗАИМООТНОШЕНІЯ С МОНГОЛАМИ.

Борьба между хараченами и баргутами. Мое мирное посредничество. Конференція и переход харачен ко мнѣ на службу. Зачисленіе баргут в Монголо - бурятскій полк и охрана ими западнаго участка К. В. ж. д. Вмѣшательство ген. Хорвата и кн. Кудашева. Соглашеніе об охранѣ дороги. Пріѣзд капитана Куроки. Мой отвѣт кн. Кудашеву. Назначеніе барона Унгерна комендантом города Хайлара. Обстановка в Хайларѣ. Недоразумѣніе с офицерами гарнизона. Разоруженіе хайларскаго гарнизона. Нервность китайских властей. Инцидент в Бухэду. Разоруженіе баргут и арест барона Унгерна. Мой первый «броневик». Мои отношенія с бароном. Личность барона и его своеобразность. Арест и разстрѣл д-ра Григорьева. Взгляд на религію.

Выше я уже указывал на то обстоятельство, что с юных лѣт у меня установились хорошія отношенія с приграничными монголами. Первые шаги своей самостоятельной жизни, послѣ производства в офицеры, я начал с активнаго участія в монгольской революціи. Тогда, волею нашего министерства иностранных дѣл, моя работа в Монголіи была быстро и рѣшительно пресѣчена и я был вынужден выѣхать из Монголіи, но кое-какія знакомства и связи с вождями монгольских племен мнѣ удалось сохранить и теперь онѣ мнѣ очень пригодились.

В 1916 году китайскій генерал Бабу - Джап поднял возстаніе против своего правительства и привлек на свою сторону монгольское племя хараченов. Возстаніе не удалось, так как Бабу - Джап был убит в одном из первых же столкновеній повстанцев с регулярными китайскими войсками. Его замѣстил князь Фу Шин-та, который, тѣснимый китайцами, повел свое племя в сѣверо-западном направленіи через Баргу, разсчитывая выйти в Халху и там найти возможность укрыться от преслѣдованія китайцев. Двигаясь через Баргу с семьями и стадами харачены по пути потѣснили жителей Барги баргут, поэтому правитель Барги, князь Гуй-фу, был вынужден вступить в вооруженную борьбу с ними. Ко времени моего пріѣзда на

Войсковой круг в Забайкалье в 1917 году с фронта, борьба монгол между собою была в полном разгарѣ. Имѣя в виду свои формированія, я тогда же рѣшил использовать этот факт, чтобы примирив враждующія племена, предложить хараченам вступить в формируемыя мною части. Для этой цѣли я связался с давнишним своим знакомым Таламой, котораго направил в лагерь харачен с цѣлью произвести предварительно обслѣдованіе положенія и выяснить возможность моего мирнаго посредничества.

По прибытіи в Маньчжурію я связался также с правителем Баргн князем Гуй - фу.

Предложеніе мое было принято обѣими враждующими сторонами и мирные переговоры пошли очень успѣшно. Была созвана конференція, на которой, по предложенію обѣих сторон, предсѣдательствовал я и, которая в теченіе трех дней выработала условія мирнаго соглашенія и подписала договор о дружбѣ. Харачены, как эмигранты, вытѣсненные китайцами из внутренней Монголіи, вступали ко мнѣ на службу в количествѣ одной бригады, которой баргуты обязались дать свободный пропуск через Баргу. Часть харачен и семьи их, при содѣйствіи популярнаго монгольскаго общественнаго дѣятеля, г. Фу-хая, получили амнистію от китайскаго правительства и разрѣшеніе вернуться на свои земли.

Монгольская бригада получила назначеніе двигаться в направленіи на Даурію, но прибытіе ея не могло осуществиться в болѣе или менѣе близком будущем, принимая во вниманіе, что ей предстояло пройти для этого свыше 800 верст.

Баргутскіе монголы, возглавляемые князем Гуй-фу и его сыном, князем Фу-шанем, выдающимся дѣятелем, отлично понявшим всю опасность распространенія большевизма в Азіи, рѣшили примкнуть ко мнѣ в начинаемой мною борьбѣ, для чего приступили к формированію собственных національных частей. Новыя части были мною зачислены в Монголо - бурятскій полк и поставлены на охрану западнаго участка К. В. ж. д. от Маньчжуріи до Хайлара включительно.

Появленіе этих частей не могло не обезпокоить китайцев, которые в то время постепенно захватывали линію К. В. ж. д. своими сильными гарнизонами, вводимыми в полосу отчужденія на основаніи соглашенія, подписаннаго, с одной стороны, россійским послом в Китаѣ, князем Кудашевым и генералом Хорватом, а с другой, представителями китайскаго правительства.

Ссылаясь на это соглашеніе, китайскія власти настойчиво требовали от меня оставленія полосы отчужденія и роспуска монгольских отрядов.

Повидимому, под давленіем китайцев, князь Кудашев и генерал Хорват также пытались воздѣйствовать на меня. Я получил от них длинную телеграмму, в которой указывалось, что привлеченіе

Монгол к формированіям воинских частей являѣтся нарушеніем суверенных прав Китая, на основаніи чего мнѣ предлагалось отказаться от всякаго сотрудничества с монголами.

Выполненіе требованій китайцев, князя Кудашева и генерала Хорвата, поставило-бы меня в полную невозможность продолжать какую бы то ни было организаціонную работу против большевиков. Поэтому я рѣшил их не выполнять, тѣм болѣе, что точка зрѣнія нашего посла в Китаѣ и генерала Хорвата не могла быть признана мною правильной, ибо Барга, в силу давняго согласія, существовавшаго между Россіей и Китаем, пользовалась автономіей и правом имѣть свои воинскія части под руководством русских инструкторов. Принимая же во вниманіе, что весь западный участок К. В. ж. д. до самаго Хингана проходит по территоріи Барги, я считал, что протест, в данном случаѣ, был направлен не столько в защиту, якобы попираемых мною прав Китая, чего фактически не было, сколько на удаленіе меня из предѣлов полосы отчужденія К. В. ж. д.

С другой стороны, я не мог согласиться и с тѣм, что новое соглашеніе о порядкѣ охраны К. В. ж. д., заключенное князем Кудашевым и генералом Хорватом от имени Временнаго правительства, уже не существовавшаго в то время, и передававшее охрану дороги в руки китайцев было законно и обязательно для меня. Поэтому, я старался уклониться от болѣе или менѣе опредѣленнаго отвѣта на требованіе китайцев оставить Маньчжурію и перенести свою базу на россійскую территорію до тѣх пор, пока в Маньчжурію не пріѣхал маіор Куроки, прикомандированный ниппонским правительством ко мнѣ в качествѣ совѣтника, с которым я быстро достиг взаимнаго пониманія и которому удалось уладить вопрос о сохраненіи моей базы в Маньчжуріи с китайскими властями.

Таким образом, с китайцами вопрос был так или иначе улажен. Что-же касается князя Кудашева и генерала Хорвата, то я написал им свои соображенія, изложенныя выше и выразил пожеланіе видѣть в них защитников интересов нашей родины, а не суверенных прав Китая, к тому-же, фактически не нарушенных. Позднѣе, по этому вопросу из Пекина был командирован в Маньчжурію совѣтник нашего посольства г. В. В. Граве, который имѣл задачей убѣдить меня в правильном пониманіи наших задач, в связи с новым соглашеніем об охранѣ дороги. Я не мог согласиться с ним. Конечно, китайскому правительству было выгодно настаивать на этом соглашеніи, мы-же, по моему мнѣнію, не имѣли права заключать его, так как оно было создано уже послѣ того, как россійское правительство, от имени котораго оно было подписано, перестало существовать; смѣнившая же его совѣтская власть, вообще, не желала признавать ни соглашеній, ни дипломатов, назначенных ея предшественниками. При таких условіях, соглашеніе, конечно, не имѣло юридической силы и потому не было обязательным для меня, тѣм болѣе, что на мою

просьбу ознакомить меня с его текстом со стороны В. В. Граве последовал отказ и я до сего времени не знаю, в чем, собственно, состоял этот любопытный дипломатическій документ.

Я считал, что китайцы так или иначе, все равно, введут свои войска в полосу отчужденія К. В. ж. д., но полагал болѣе правильным предоставить им в данном случаѣ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, коль скоро мы не имѣли силы заставить их уважать свои права и ограничиться лишь дипломатическими протестами. Таким путем, мы имѣли возможность в будущем требовать возстановленія односторонне нарушеннаго положенія. Согласіе-же наше на передачу охраны дороги в руки китайцев узаконивало их дѣйствія и лишало нас какой либо надежды на удовлетвореніе в будущем.

Все это создавало недоразумѣнія и неувязку в моих отношеніях с представителями старой, царской Россіи и давало им повод поносить мои дѣйствія, как незаконныя и этим натравлять на меня китайскія власти. В этих условіях, пріѣзд маіора Куроки явился подлинным спасеніем для меня и для моего дѣла, ибо отнынѣ я мог разсчитывать на помощь и содѣйствіе, в которых мнѣ отказали наши представители в Китаѣ, несмотря на то, что они были поставлены, именно, для охраны интересов національной Россіи на далекой восточной границѣ ея.

Послѣ соглашенія с монголами, ввиду предстоящаго формированія из них охранных частей для западнаго участка линіи КВжд, я назначил барона Унгерна комендантом города Хайлара, приказав ему привести в порядок русскія части, квартировавшія там. В Хайларѣ находились части Желѣзнодорожной бригады и конныя части корпуса Пограничной стражи. Не только солдаты этих частей, но и большинство офицеров их, были совершенно разложены большевизмом и во многих случаях, именно, офицеры являлись иниціаторами и руководителями во всѣх революціонных нововведеніях во внутренней жизни строевых частей и в их внѣшних политических выступленіях. Поэтому, назначеніе барона Унгерна комендантом города было встрѣчено упорным сопротивленіем, чуть-ли не полным бойкотом, со стороны офицерскаго состава, не желавшаго подчиниться вновь назначенному коменданту города. Небольшая часть офицеров, понимавшая обстановку и готовая помочь барону, встрѣтила противодѣйствіе со стороны старой комендатуры, подыгрывавшейся под настроенія распущенной солдатской массы. Одним из выдающихся офицеров мѣстнаго гарнизона являлся штабс - ротмистр Межак; он не только не поддался разлагающему вліянію большевизма, но сумѣл сохранить свою сотню, единственную часть в Хайларѣ, имѣвшую в то время воинскій облик. Штабс - ротмистр Межак со своей сотней добровольно подчинился барону и предоставил себя в полное его распоряженіе.

В серединѣ январѣ 1918 года я получил от барона Унгерна

донесеніе о необходимости принятія рѣшительных мѣр в отношеніи преступнаго поведенія нѣкоторых офицеров гарнизона. В связи с этим я вынужден был поѣхать в Хайлар, чтобы согласовать вопрос с монгольскими властями. Вопрос был быстро разрѣшен и ночью я рѣшил произвести разоруженіе стараго хайларскаго гарнизона, несмотря на то, что в нашем распоряженіи находился только наскоро сформированный дивизіон Монголо - бурятскаго полка, укомплектованный баргутами. Мы имѣли основаніе также разсчитывать на содѣйствіе конной сотни штабс - ротмистра Межака.

Было установлено, что в день предположеннаго разоруженія, комитет гарнизона должен был имѣть засѣданіе около 11 час. вечера. Это время мы и рѣшили использовать для разоруженія казарм. Численность гарнизона достигала 800 штыков, мы имѣли 250 конных баргут и одну сотню штабс - ротмистра Межака. Здѣсь уже наша увѣренность в успѣхѣ была полной, не то, что было 19 декабря на ст. Маньчжурія, когда мы в числѣ 7 человѣк разоружали 1500 человѣк.

Разоруженіе было произведено бароном Унгерном в теченіе не болѣе двух часов времени, настолько безболѣзненно, что гарнизонный комитет, засѣдавшій в это время, даже не подозрѣвал о случившемся. Разоруженные на утро слѣдующаго дня были эвакуированы через станцію Маньчжурія вглубь Россіи.

Хайлар мы успѣли занять раньше, чѣм туда подошли китайскія части. Онѣ концентрировались в первую очередь на границах, полагая, что в тылу их расположенія уже никто не сможет распоряжаться. Поэтому захват нами Хайлара, китайцами был воспринят крайне нервно.

Желая утвердить свое вліяніе до Хингана, я вскорѣ командировал барона Унгерна с 150 баргутами для занятія станціи Бухэду. Там уже находился китайскій гарнизон и барон Унгерн был встрѣчен китайцами внѣшне очень радушно и даже приглашен на обѣд к начальнику гарнизона. Но пока он обѣдал, его баргуты оказались разоруженными, а самого его арестовали. Находясь в Хайларѣ, я был немедленно извѣщен о случившемся. Мнѣ пришлось прежде всего, успокаивать баргутских начальников, которые факт разоруженія нашего отряда разсматривали, как начало враждебных дѣйствій между китайцами и нами, а затѣм придумывать способы для освобожденія барона Унгерна и обратнаго полученія отобраннаго у его отряда оружія. Каких либо вооруженных сил в своем распоряженіи я не имѣл; взять хотя бы небольшое количество людей из Маньчжуріи не рѣшался, так как ожидал, что китайцы воспользуются случаем и не допустят обратнаго моего возвращенія в Маньчжурію, что лишило-бы меня базы и имущества, пріобрѣтеннаго мною послѣ разоруженія 720-й дружины. Оставалось примѣнить снова хитрость и психологическое воздѣйствіе, что мнѣ удалось уже однажды в

Маньчжуріи при разоруженіи дружины. Я взял два товарных вагона и платформу. На платформу я поставил скат колес с осью от казенной обозной двуколки; положил на него длинное круглое полѣно, приблизительно, соотвѣтствующее длинѣ тѣла орудія и закрыл его брезентом. С этим «броневиком» я выдвинул команду баргут под командой моего офицера к станціи Бухэду, а начальнику гарнизона ея одновременно послал ультимативную телеграмму, в которой сообщил о посылкѣ броневика, которому приказано разгромить все Бухэду, если к его приходу мой офицер и солдаты не будут освобождены и отобранное оружіе возвращено. Спустя два часа послѣ этого я получил сообщеніе, что офицер и солдаты уже на свободѣ; оружіе им возвращено и весь инцидент вызван недоразумѣніем, о котором начальник гарнизона ст. Бухэду весьма сожалѣет. Вслѣд за тѣм и сам барон Унгерн сообщил мнѣ, что он освобожден и оружіе баргутам возвращено, но ввиду наличія сильнаго китайскаго гарнизона в Бухэду, он не считает возможным оставаться там далѣе. На другой день барон со своим отрядом и с посланным на выручку ему «броневиком» вернулся в Хайлар.

Успѣх самых фантастических наших выступленій в первые дни моей дѣятельности был возможен лишь при той взаимной вѣрѣ друг в друга и тѣсной спайкѣ в идеологическом отношеніи, которые соединяли меня с бароном Унгерном. Доблесть Романа Федоровича была из ряда вон выходящей. Легендарные разсказы об его подвигах на германском и гражданском фронтах поистинѣ неисчерпаемы. Наряду с этим, он обладал острым умом, способным проникновенно углубляться в область философских сужденій по вопросам религіи, литературы и военных наук. В то же время он был большой мистик по натурѣ; вѣрил в закон возмездія и был религіозен без ханжества. Это послѣднее в религіи он ненавидѣл, как и всякую ложь, с которой боролся всю свою жизнь.

В области своей военно - административной дѣятельности барон, зачастую, пользовался методами, которые часто осуждаются. Надо, однако, имѣть в виду, что ненормальность условій, в которых протекала наша дѣятельность, вызывала в нѣкоторых случаях неизбѣжность мѣропріятій, в нормальных условіях совершенно невозможных. К тому же, всѣ странности барона всегда имѣли в основѣ своей глубокій психологическій смысл и стремленіе к правдѣ и справедливости.

Помню такой случай: в хайларском гарнизонѣ был нѣкій доктор Григорьев, который с самаго прибытія барона в Хайлар поставил себя в рѣзко - враждебныя отношенія к нему и не останавливался перед чисто провокаціонными выступленіями с цѣлью дискредитировать барона. Мною было отдано распоряженіе о безпощадной борьбѣ с большевиками и провокаторами, на основаніи котораго, послѣ одного особенно возмутительнаго выступленія доктора Гри-

горьева, барон его арестовал, предал военно - полевому суду, сам утвердил приговор и сам распорядился о приведеніи его в исполненіе, вслѣдствіе чего Григорьев был разстрѣлян. Когда все было кончено, барон поставил меня в извѣстность о случившемся. Я потребовал, чтобы в будущем барон не допускал подобных вопіющих нарушеній судопроизводства, и без моей санкціи не производил никаких разстрѣлов, но Роман Федорович, который спеціально пріѣхал из Хайлара, чтобы выяснить этот вопрос, упорно доказывал мнѣ, что в данных условіях не всегда возможно придерживаться буквы закона; обстановка требовала рѣшительности и быстроты в дѣйствіях и в этом отношеніи, в условіях зарождавшейся гражданской войны, всякая мягкотѣлость и гуманность должны быть отброшены в интересах общаго дѣла.

Наряду с тѣм, Роман Федорович был искренне вѣрующим человѣком, хотя взгляды его на религію и на обязанности человѣка в отношеніи ея были достаточно своеобразны.

Барон был твердо убѣжден, что Бог есть источник чистаго разума, высших познаній и Начало всѣх начал. Не во враждѣ и спорах мы должны познавать Его, а в гармоніи наших стремленій к Его свѣтоносному источнику. Спор между людьми, как служителями религій, так и сторонниками того или иного культа, не имѣет ни смысла, ни оправданій, ибо велика была-бы дерзновенность тѣх, кто осмѣлился бы утверждать, что только ему открыто точное представленіе о Богѣ. Бог — внѣ доступности познаній и представленій о Нем человѣческаго разума.

Споры и столкновенія послѣдователей той или иной религіи между собой, неизбѣжно должны порождать в массах, по мнѣнію барона, сомнѣнія в самой сути существованія Бога. Божественное начало во вселенной одно, но различность представленій о Нем породила и различныя религіозныя ученія. Руководители этих ученій, во имя утвержденія вѣры в Бога, должны создавать умиротворяющее начало в сердцах вѣрующих в Бога людей на основѣ этически - корректных отношеній и взаимнаго уваженія религій.

Вѣроотступничество особенно порицалось покойным Романом Федоровичем, но не потому, однако, что с переходом в другую религію человѣк отрекается от истиннаго Бога, ибо каждая религія по своему разумѣнію служит и прославляет истиннаго Бога. Пониманіе Божественной Сути разумом человѣческим невозможно. Бога нужно чувствовать сердцем, — всегда говорил он.

14.

ВЗАИМООТНОШЕНІЯ С ХАРБИНОМ.

Поѣздка в Харбин. Свиданіе с Д. Л. Хорватом. Неопредѣленныя обѣщанія генерала Хорвата. Похищеніе двух орудій. Формированіе батареи. Требованіе ген. Чжан Хуан-сяна о сдачѣ оружія. Переговоры и мой ультиматум. Укрѣпленіе моего положенія в Маньчжуріи. Пополненіе полка. Пропаганда, агитація и разсылка вербовщиков. Содѣйствіе большевиков. Привлеченіе на службу китайских милиціонеров. Сербы. Вторичная поѣздка в Харбин. Полученіе винтовок. Организація казачьей самоохраны на мѣстах. Акшинскій и Ургинскій отряды. Снова в Харбинѣ. Столкновеніе с полицией. Переговоры с иностранными консулами. Ген. Штаба полковник Куросава. Капитан Куроки и мое сближеніе с ним.

Только в началѣ января мѣсяца я смог, наконец, попасть в Харбин. Пріѣхал я туда в сопровожденіи взвода монгол и остановился в гостиницѣ «Оріант».

Первый мой визит, по прибытіи в Харбин, был, конечно, к генералу Хорвату. Помимо выявленія наших отношеній, я надѣялся получить от него обмундированіе и кое-какое вооруженіе, принадлежавшее, в прошлом, корпусу Пограничной стражи. Генерала Хорвата до этого времени я никогда не встрѣчал и первое знакомство с ним произвело на меня очень хорошое впечатлѣніе; в разговорѣ на текущія темы мы установили общность взглядов по многим вопросам и генерал изъявил готовность по мѣрѣ сил помочь мнѣ. Когда же я начал просить его теперь же отпустить мнѣ оружіе, и, главное, артиллерійскія орудія, которых у меня не было, генерал Хорват пытался отклонить эту просьбу, поясняя, что, по договору с китайцами, он должен передать все вооруженіе Пограничной стражи вновь вводимым в полосу отчужденія К. В. ж. д. китайским войскам. Открытая передача орудій мнѣ, прежде, чѣм договор будет выполнен, вызовет много разговоров и, возможно, поведет к осложненіям, поэтому он снабдит меня кое-каким оружіем впослѣдствіи и так, чтобы это не могло отразиться на взаимоотношеніях русской администраціи дороги с китайским командованіем. Столь неопредѣленное обѣщаніе не могло, конечно, удовлетворить меня, т. к. я нуждался в артиллеріи немедленно и потому, убѣдившись в том, что генерал Хорват не был склонен идти на какія либо уступки, я рѣшил добыть орудія без его

помощи и вѣдома. Пользуясь симпатіями ко мнѣ нѣкоторых офицеров Штаба корпуса, я, проѣзжая через Хинган, с их помощью попросту забрал два полевых орудія с зарядными ящиками и комплектом снарядов, находившіяся на охранѣ туннеля, быстро погрузил их на платформу и увез в Маньчжурію, гдѣ мои сослуживцы встрѣтили меня и привезенныя мною орудія с бурным восторгом.

Этот шаг в конец испортил отношеніе ко мнѣ со стороны покойнаго генерала и только впослѣдствіи, когда Д. Л. Хорват готовился объявить себя временным правителем Россіи, он измѣнил его и даже обратился к моему содѣйствію при формированіи своего правительства.

В это время мои передовыя части занимали военный городок Даурію, ведя наблюденіе конными разъѣздами за большевистскими силами, расположенными тогда в раіонѣ станціи Борзя. На станціи Маньчжурія находилась моя база и производился пріем добровольцев, ежедневно прибывающих из Россіи по нѣсколько человѣк. По мѣрѣ их прибытія, нѣкоторые направлялись в Даурію и вступали в сторожевую линію, нѣкоторые-же получали назначеніе на должность инструкторов в монгольскія части и выѣзжали в Хайлар.

Вернувшись из Хароина, я, не останавливаясь в Маньчжуріи, прослѣдовал до ст. Даурія, гдѣ осмотрѣл сторожевые посты и размѣщеніе моих чинов в казармах и к вечеру вернулся в Маньчжурію. Здѣсь я немедленно приступил к формированію батареи и занялся подбором людей, годных для этой цѣли. Ночью, около двух часов, ко мнѣ в комнату вошел дежурный ординарец и доложил, что прибыл адъютант командующаго войсками, который просит срочно его принять. Первой моей мыслью было, не повели-ли большевики наступленіе на Маньчжурію, но я сейчас же отбросил ее, потому что в этом случаѣ я имѣл бы уже соотвѣтствующія донесенія от своих развѣдчиков. Оказалось, что генерал Чжан Хуан-сян командировал своего офицера, достаточно хорошо говорившаго по русски с тѣм, чтобы передать мнѣ его требованіе к 8 час. утра сдать оружіе и распустить своих людей. В этом случаѣ мнѣ и всѣм моим людям гарантировалась личная неприкосновенность и полная безопасность.

Чтобы оттянуть время и получить возможность предпринять кое-какія мѣры, я заявил молодому офицеру, что я прошу прибыть ко мнѣ начальника Штаба, ибо вопрос, переданный мнѣ очень важен и требует обсужденія. Через час, примѣрно, явился начальник Штаба китайских войск в сопровожденіи того же офицера. Я принял гостей радушно, поскольку позволяло мое настроеніе, послѣ передачи такого требованія и пригласил их пить чай. Был поставлен самовар, чтобы затягивалось время и за чаем мы начали вырабатывать условія, на каких должна произойти сдача мною оружія: выбиралось мѣсто, куда китайское командованіе доставит нас послѣ разоруже-

нія, а также опредѣлялась сумма денег, которую мы должны были получить за сданное имущество.

Тѣм временем, я секретно отдал распоряженіе выкатить наши два орудія на площадь против китайских казарм и сложить около них всѣ имѣющіеся снаряды.

К 8 часам мы закончили наш чай и двинулись на площадь, гдѣ стояли орудія, снятыя с передков и повернутыя фронтом на китайскія казармы. Около орудій стояла прислуга при них, в количествѣ 15 человѣк, в полном боевом снаряженіи. Когда мы подошли к орудіям, я обратился к начальнику Штаба китайских войск и предложил ему передать своему командующему нижеслѣдующій мой ультиматум: в теченіе четверти часа командующій должен быть здѣсь, около орудій и подписать приказ о дружбѣ и союзѣ со мной, срочно опубликовать его среди подчиненных ему войсковых частей и в будущем не допускать никаких дѣйствій враждебных мнѣ и моему отряду. Если-же это требованіе не будет удовлетворено, то через 15 минут я открою огонь и разгромлю казармы и все, что в них находится. Мнѣ и моим людям терять нечего. При этих словах я приказал зарядить орудія и навести их на казармы.

Начальник Штаба с адъютантом бѣгом направились в казармы, завѣрив предварительно меня, что все будет «хорошо».

Не прошло и десяти минут, как генерал со своей свитой прибыл к орудіям и выразил готовность тут-же подписать заранѣе заготовленный, немногословный, но сильный по духу и опредѣленный по содержанію приказ, в котором указывалось, что он приказывает всѣм подвѣдомственным ему чинам относиться к есаулу Семенову и его частям, как к союзным войскам и строго запрещает всякія выступленія против них.

Таким образом, мы пріобрѣли союзника в дѣлѣ борьбы с большевиками. Но суть дѣла заключалась не в этом, а в том, что наличіе приведеннаго выше приказа, развязывало мнѣ руки и давало основаніе требовать в нужные моменты содѣйствія и помощи от китайскаго командованія. Это было большим достиженіем.

Послѣ случая с неудавшимся разоруженіем, китайцы в Маньчжуріи и в Хайларѣ стали чрезвычайно вѣжливы в отношеніи русских воинских чинов, вообще, и в отношеніи меня, в особенности; никогда не упуская отдавать мнѣ установленныя воинскія почести, включая до назначенія почетных караулов в случаях посѣщенія мною китайских Штабов.

Этот случай дал мнѣ необычайную популярность среди китайскаго населенія и китайской прессы в Маньчжуріи, которая посвятила мнѣ цѣлый ряд статей, помѣщая в них поистинѣ фантастическія данныя о моем происхожденіи и біографіи. Дошло до того, что объявили меня китайцем по матери, которая якобы, была куплена одним русским купцом, женившимся на ней.

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА

Как-бы то ни было, но случай с неудавшимся разоруженіем меня в Маньчжуріи, имѣл своим послѣдствіем укрѣпленіе моего положенія. Общая обстановка потеряла свою остроту, взаимоотношенія выяснились и я получил возможность спокойно отдаться работѣ по формированію своего отряда.

Пока шли всѣ эти событія, люди постепенно собирались в Маньчжуріи и вступали в формируемый мною полк для участія в активной борьбѣ с большевиками. Пополненіе шло, однако, медленно, потому что я не имѣл возможности надлежащим образом организовать агитацію, из-за отсутствія средств. Кромѣ того, лица, прибывающія с поѣздами из Сибири, сообщали, что большевики установили тщательный контроль всѣх пассажиров на станціи Слюдянка, около Иркутска, и всѣх, кто вызывал хоть малѣйшее подозрѣніе в желаніи проѣхать в Маньчжурію, ко мнѣ, снимали с поѣздов, и арестовывали.

Нѣкоторую помощь в дѣлѣ пропаганды оказали мнѣ сами большевики, которые через свои газеты забили тревогу послѣ казни Аркуса и разоруженія большевистскаго гарнизона в Маньчжуріи. Газеты большевиков разнесли вѣсть о моем выступленіи против совѣтов по всей Сибири и Россіи, сообщая фантастическія небылицы обо мнѣ и о моих дѣйствіях. Они сами создали впечатлѣніе, что с востока надвигается грозная опасность для совѣтов; что семеновцы безпощадно вѣшают и разстрѣливают большевиков, что мы откуда-то получаем крупныя деньги и что нас поддерживают и снабжают союзники и пр. Всѣ эти свѣдѣнія, невѣрныя по существу, повели к тому, что в Маньчжурію потянулись офицеры, казаки, солдаты, юнкера, гимназисты, студенты и пр., преимущественно, молодежь.

Для усиленія полка до значительной боевой единицы, я отправил по станицам Забайкалья и бурятским улусам нѣсколько агитаторов, с воззваніями. В Амурскую область были посланы штабс-капитан Языков, подъесаул Шалыгин, прап. Плотников, прап. Малов и др., которые отправляли людей партіями и по одиночкѣ через Сахалян—Цицикар на Маньчжурію.

В результатѣ этих мѣр, полк постепенно поднимался на ноги, рос количественно и качественно, и несмотря на страшный упадок в обществѣ и всѣ препоны, которыя ставились мнѣ буквально со всѣх сторон, к 9-му января в полку числилось 51 офицер, 3 чиновника, 300 баргут, 80 монгол и 125 казаков, солдат и добровольцев. Всего, слѣдовательно, в полку числилось 556 человѣк, не считая военноплѣнных и китайцев, замѣщавших нестроевыя должности. Это была достаточно крупная сила для начала и послѣ выясненія отношеній с китайцами в Маньчжуріи, при наличіи ея, я мог чувствовать себя спокойным и увѣренным в возможности привести в исполненіе свой план борьбы с красными захватчиками власти в Россіи. Помимо-пріема русских добровольцев, прибывающих в Маньчжурію, я поручил в Хайларѣ поручику Подгорѣцкому вступить в переговоры о пе-

переходѣ ко мнѣ на службу отряда в 2.000 китайцев-милиціонеров при офицерах. Они служили на охранѣ линіи дороги, но с приходом сюда китайских регулярных войск, остались без службы и я разсчитывал использовать их для пополненія своих частей.

В половинѣ января 1918 года из Сибири через Дальній Восток проходила бригада сербов, направляясь на западный фронт. Так же, как позднѣе чехам, большевики, под вліяніем германскаго правительства, не дали согласія на отправку сербов морем, через Архангельск, почему они вынуждены были предпринять почти кругосвѣтное путешествіе.

Сербы в громадном большинствѣ своем были настроены рѣзко против большевиков и свыше трехсот человѣк из бригады, во главѣ с подполковником Драгович, остались в Маньчжуріи, добровольно вступив в состав формируемаго мною полка. Это значительно увеличило мои силы и, принимая во вниманіе, также недавнее пріобрѣтеніе нами двух орудій, 10-го января я подписал приказ о дополнительном формированіи кромѣ Монголо - бурятскаго коннаго полка, одной артиллерійской батареи, двух - орудійнаго состава и пѣшаго полка, названнаго Семеновским.

С проходом сербов в Харбин, явилась необходимость и мнѣ выѣхать вслѣд за ними, чтобы попытаться получить хотя бы частично их вооруженіе, которое они должны были оставить в Харбинѣ. Послѣ длительных переговоров с генералом Хорватом, мнѣ удалось, при содѣйствіи начальника сербской бригады, получить около двух тысяч винтовок, что в то время имѣло для меня весьма большое значеніе, т. к. войска гарнизонов Маньчжуріи и Хайлара были вооружены 3-х лин. винтовками только отчасти, главная же масса солдат имѣла однозарядныя винтовки Бердана, совершенно устарѣвшія и к современному бою не приспособленныя.

В расчетѣ на полученіе оружія от сербов, я вызвал в Харбин для пріема его взвод баргут, который своим появленіем снова вызвал массу неудовольствія в кругах китайской администраціи края. Я полагаю, что наличіе в Харбинѣ вооруженных монгол послужило к скорѣйшему разрѣшенію вопроса о снабженіи меня оружіем, т. к. китайцы настаивали на немедленном отъѣздѣ их из Харбина, я же заявил, что баргуты не уѣдут, пока я не получу оружія. Все это доставляло много хлопот генералу Хорвату, на котораго, главным образом, обращалось недовольство китайскаго командованія и, которому адресовались его протесты, в силу, надо полагать соглашенія, заключеннаго кн. Кудашевым и Хорватом с правительством Китая. Послѣ этого, мои посѣщенія Харбина стали довольно частыми, потому что полученіе всего нужнаго для моих формированій зависѣло от Харбина.

Помимо воззваній и агитацій среди населенія Забайкалья в пользу поступленія в формируемый мною отряд, я принял кое-какія

мѣры к созданію казачьей противобольшевистской самоохраны на мѣстах, выдавая оружіе и огнеприпасы наиболѣе надежным казакам, пріѣзжавшим за полученіем указаній ко мнѣ в Маньчжурію.

В результатѣ этих мѣр по всему Забайкалью образовались противобольшевистскія ячейки, державшія связь между собою и со мной; в раіонах же Акши и Троицкосавска выросли два небольших отряда, которые висѣли на правом флангѣ красноармейцев и постоянно вели малую войну с ними, портя пути сообщенія, уничтожая мелкіе отряды, перехватывая комиссаров и развѣдчиков и держа в постоянном напряженіи гарнизон Троицкосавска.

В один из очередных пріѣздов своих в Харбин, в январѣ мѣсяцѣ 1918 года, я обратил вниманіе на то, что ни в одной гостиницѣ не оказалось свободных комнат и мнѣ, с моими спутниками, буквально негдѣ было остановиться. Это обстоятельство заинтересовало меня и, заѣхав в какой то ресторан, я произвел обслѣдованіе причины столь непонятной перенаселенности харбинских отелей. Обслѣдованіе с полной убѣдительностью показало, что свободныя комнаты вездѣ имѣются, но по каким то причинам меня избѣгают, как квартиранта. Это было совершенно непонятно, тѣм болѣе, что ни с моей стороны, ни со стороны моих спутников не было допущено ничего, чтобы могло объяснить столь странное отношеніе к нам. Просидѣв много времени в ресторанѣ, мы, наконец, получили комнаты в третьеразрядных номерах, называющихся «Харбинское Подворье».

В Харбин я прибыл в сопровожденіи полковника Нацвалова, подъесаула Тирбах и сотника Савельева. Размѣстились по два в комнатѣ. Нацвалов с Савельевым заняли комнату в верхнем этажѣ гостиницы; я с Тирбахом размѣстились внизу.

Рано утром, мы с подъесаулом Тирбахом, заказали самовар и готовились пить чай; в это время в дверь постучали и вошел гимназист лѣт 15-16. Цѣль его визита заключалась в желаніи поступить ко мнѣ добровольцем. Я просил молодого человѣка подождать, пока мы напьемся чаю и он вышел в холл, гдѣ и сѣл, ожидая нас. Не прошло и десяти минут послѣ этого, как наша дверь с шумом распахнулась и в комнату ворвалось восемь человѣк вооруженных полицейских, сразу бросившихся ко мнѣ и объявивших, что я арестован. Среди них не было ни одного офицера или чина, соотвѣтствующаго этому званію. Я встал и, подойдя к ближайшему, начал наносить ему удары в лицо, чему немедленно послѣдовал и подъесаул Тирбах. Милиціонеры растерялись и на мое требованіе сдать оружіе, безпрекословно исполнили это. Разоружив их, я приказал им войти в комнату швейцара, которая, как обычно, помѣщалась под лѣстницей. Заперев там арестованных, я поставил на стражѣ к дверям комнаты все еще ожидавшаго разговора со мной гимназиста, вооружив его одним из револьверов, отобранных у арестованных, и объяснил ему как нужно дѣйствовать, в случаѣ попытки арестованных осво-

бодиться, и как стрѣлять из револьвера. Молодой человѣк был преисполнен гордостью выпавшим на его долю отвѣтственным порученіем и сообщил мнѣ, что он умѣет стрѣлять из револьвера и пристрѣлит каждаго, кто попытается подойти к запертой двери.

Закончив эту операцію и войдя к себѣ в комнату, чтобы одѣть пальто и взять фуражку, я увидѣл в окно, что зданіе гостиницы оцѣплено полиціей. Не раздумывая долго, я с подъесаулом Тирбахом одѣлись и вышли на улицу с видом совершенно независимым и никакого отношенія к происходящему не имѣвшим. У выхода из гостиницы нас задержал полицейскій офицер и заявил, что нам выходить нельзя. Не сговорившись заранѣе, мы с подъесаулом Тирбахом, тѣм не менѣе, мгновенно поняли друг друга и, сбив с ног полицейскаго, открыли стрѣльбу в воздух. Чины милиціи, окружавшіе гостиницу, обратились в бѣгство, поднялась тревога и раздались свистки. Тирбах бросился преслѣдовать убѣгавших и, увлекшись преслѣдованіем, не слышал моих криков вернуться, вскорѣ скрылся за поворотом улицы. Меня задержало то обстоятельство, что я увидѣл роту китайских солдат, приближавшуюся бѣгом к гостиницѣ, во главѣ с маіором, как выяснилось впослѣдствіи, комендантом Пристани. Чтобы отвлечь вниманіе маіора от арестованных мною полицейских, я намѣренно встрѣтил его при подходѣ его к гостиницѣ и подозвав китайченка, выполнявшаго здѣсь роль швейцара, в качествѣ переводчика, обратился к маіору с заявленіем, что на гостиницу произведено нападеніе, повидимому, русских хунхузов, переодѣтых в полицейскую форму, которые увели с собой моего друга-офицера. Маіор отдал распоряженіе командиру роты догнать бѣжавших и выручить моего друга, а сам, по моему приглашенію, прошел в мою комнату, гдѣ я угостил его пивом. Позвав сотника Савельева, я приказал ему принять мѣры к розыску подъесаула Тирбаха.

В это время Тирбах, увлекшись преслѣдованіем бѣжавших полицейских, ворвался вслѣд за ними в помѣщеніе полицейскаго участка и здѣсь был арестован. Его связали и начали избіеніе, которое было прекращено появленіем сотника Савельева с китайскими солдатами. У Тирбаха оказалась глубоко разсѣчена шашкой голова и нѣсколько ран на лицѣ.

Факт разгрома нами мѣстной полиціи, или, как она называлась тогда, милиціи, быстро стал извѣстен харбинским властям и ко мнѣ в гостиницу, был командирован один из чинов управленія милиціи для выясненія инцидента, с которым я и вступил в переговоры. Переговоры выяснили любопытную вещь. Оказалось, что приказ о моем арестѣ был подписан прокурором Окружного Суда г. Сѣчкиным.

Несомнѣнно было, что приказ об арестѣ имѣл какое-то отношеніе к генералу Хорвату. Я соединился по телефону с генералом и сообщив ему о происшедшем, потребовал наказанія виновных,

Русская П

угрожая, в противном случаѣ, что я вызываю из Маньчжуріи свой отряд и сдѣлаю переворот в Харбинѣ. Рѣшительность моих требованій возымѣла свое дѣйствіе и Д. Л. Хорват завѣрил меня, что он совершенно неосвѣдомлен о случившемся и не допускает мысли, чтобы приказ о моем арестѣ исходил от Сѣчкина. Для выясненія всего дѣла он посылает ко мнѣ помощника Сѣчкина, товарища прокурора г. Крылова.

Крылов произвел на меня прекрасное впечатлѣніе. Он обѣщал мнѣ добиться наказанія виновных и просил отпустить арестованных мною полицейских.

На слѣдующій день я был приглашен на обѣд к генералу Хорвату. Он встрѣтил меня радушно и продолжал отрицать какую-либо причастность властей к попыткѣ меня арестовать.

Впослѣдствіи я выяснил всѣ подробности происшедшаго столкновенія и убѣдился, что генерал Хорват не был со мной вполнѣ искренен. Попытка моего ареста исходила именно от него и преслѣдовала цѣль моего удаленія из Маньчжуріи. Основаніем для ареста послужило обвиненіе меня в нарушеніи закона Временнаго правительства об отмѣнѣ смертной казни. Временным правительством смертная казнь, дѣйствительно, была отмѣнена, но это не мѣшало большевикам и распропагандированным солдатам, матросам и рабочим по всей Россіи подвергать мучительной смерти тысячи русских патріотов без всякой вины с их стороны и без всякаго суда и слѣдствія. Смѣшно было при таких условіях говорить об отмѣнѣ смертной казни; всероссійскій бунт, поднятый Лениным, требовал рѣшительных мѣр для своего усмиренія и безпощадное уничтоженіе предателей и большевиков являлось единственным средством воздѣйствія на потерявшій голову, опьянѣвшій от революціи, народ. Я убѣжден, что покойный Д. Л. Хорват отлично понимал это сам, но к сожалѣнію, как-бы то ни было, остается фактом, что главная трудность начала борьбы с большевиками в первый ея період на Дальнем Востокѣ, создавалась не красными, а представителями нашей старой бюрократіи.

В этот свой пріѣзд в Харбин, я нанес визиты иностранным консулам, которым детально изложил цѣль и смысл моих начинаній. В первую очередь мною были посѣщены ниппонскій генеральный консул г. Сато и генеральный консул Великобританіи г. Портер.

Идея созданія в Сибири противогерманскаго фронта в принципѣ встрѣтила одобреніе и мнѣ была обѣщана поддержка, как оружіем, так и деньгами. Первая финансовая помощь была оказана Великобританіей, что объясняется энергичным содѣйствіем г. Портера и вице-консула г. Хилл. Вскорѣ, из Пекина прибыл маіор Денни, который был назначен состоять при Штабѣ моего отряда. Слѣдом за Великобританіей послѣдовала помощь и от Франціи, посоль-

ством коей был командирован в Штаб моего отряда капитан Пеллье, извѣстный своими научными изслѣдованіями по Китаю.

По рекомендаціи ниппонскаго генеральнаго консула я познакомился с Генеральнаго Штаба полковником Куросава, впослѣдствіи бывшим начальником Военной миссіи в Читѣ и позднѣе генералквартирмейстером Главнаго Штаба в Токіо, нынѣ покойным. У меня осталось о нем лучшее воспоминаніе, как об умном, образованном офицерѣ и нарѣдкость порядочном человѣкѣ. По его представленію, ниппонское правительство командировало ко мнѣ спеціальную миссію во главѣ с капитаном Куроки, до конца своей жизни оставшимся искренним и преданным моим другом. Чувства моей братской привязанности и глубокой дружбы к капитану, впослѣдствіи маіору Куроки, навсегда останутся неизмѣнными в моем сердцѣ. Мы весьма близко сошлись с покойным маіором. Наши взгляды на развитіе политических событій в восточной Азіи, на неизбѣжность развитія коммунистическаго движенія в Китаѣ и Монголіи и на необходимость большой работы на пути объединенія народов востока, и созданія Великой Азіи, оказались совершенно тождественными. Эта наша духовная близость была замѣчена и надлежащим образом зафиксирована в наших дипломатических представительствах в Пекинѣ и Ургѣ, а затѣм использована и большевиками, которые получили в свое распоряженіе весь дипломатическій архив. Гос. Сов. Издательство выпустило объемистый труд, озаглавленный «АТАМАН СЕМЕНОВ и МОНГОЛІЯ», в котором удѣлило много мѣста покойному маіору Куроки, хотя и приписало ему совсѣм не то, что было в дѣйствительности.

Неудивительно, что большевики, составляя исторію гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востокѣ, использовали факты так, как им было выгодно и не ограничиваясь этим не остановились даже перед явными подлогами и передержками. Это сродни большевистской натурѣ и не может почитаться чѣм либо из ряда вон выходящим.

Гораздо удивительнѣе, что нѣкоторые эмигрантскіе дѣятели в своей слѣпой и непонятной ненависти ко мнѣ, даже теперь, на исходѣ двадцатилѣтней давности событій, не останавливаются перед тѣм, чтобы использовать большевистскіе методы и матеріалы в своих попытках тѣм или иным путем дискредитировать меня.

Не так давно в эмиграцію кѣм то были пущены анонимныя листовки, в которых фигурировал фотографическій снимок с якобы подписаннаго мною соглашенія с совѣтскими властями о совмѣстной с ними работѣ в Монголіи. Клише этого явно подложнаго документа, помѣщено в указанном выше совѣтском изданіи «Атаман Семенов и Монголія» и снимок был извлечен оттуда, повидимому, в цѣлях политической борьбы со мной. Нечего и говорить, что подобные мало чистоплотные пріемы не могут достичь

своей цѣли, потому что даже поверхностная экспертиза установила явную апокрифичность приведеннаго документа, но они с достаточной красочностью характеризуют моих противников, их неразборчивость в средствах и всю глубину их ненависти ко мнѣ.

15.

ПОДГОТОВКА К ВЫСТУПЛЕНІЮ.

Отношеніе к нам населенія. Вооруженіе красной гвардіи и рабочих. Экспедиція на станцію Оловянная. Совмѣстныя дѣйствія с 1-ым Читинским полком. Занятіе Оловянной и Адріановки. Народный совѣт в Читѣ. Наступленіе большевиков и мой отход в Маньчжурію. Состав моего отряда. Боевыя качества его. Національныя части отряда. Китайскія и монгольскія части. Их организація и особенности.

Обстановка и настроеніе населенія не благопріятствовало организаціи антибольшевистскаго движенія в то время. Силы большевиков росли быстро и повсемѣстно, так как народ, утомленный войной и развращенный Временным правительством, легко поддавался гипнозу всеобѣщающих лозунгов коммунизма и вдохновлялся ими на дикій разгул и преступленія ради наживы, мести и пр. Грабеж и бессудныя убійства интеллигенціи, офицерства и всѣх инакомыслящих стали обычным явленіем и почитались чуть-ли не идейным долгом каждаго большевика. Казалось, самый воздух нашей родины был насыщен гарью и кровью в это проклятое время. Агитаторы большевиков натравливали молодежь на старшее поколѣніе, солдат на офицеров, рабочих на городскую интеллигенцію, облекая всякое хулиганство и преступленіе в тогу геройства и революціонной доблести. Понятія о долгѣ, морали и чести потеряли всякое значеніе и были отметены, как контр-революціонные предразсудки. Вихрь разнузданности кружил головы людей и бросал их в бездну полнаго нравственнаго паденія. Звѣрь из бездны со всеобъемлющей алчностью торжествовал на Руси.

Попытки немногих людей, рѣшившихся в эти сумбурные дни выступить с призывом к отрезвленію и прекращенію творившагося безобразія; терялись в общем буйном разгулѣ черни и разбѣжавшихся с фронта солдат и звучали скорѣе иронически. И в этих условіях, силы формируемаго мною полка, как я упоминал выше все-же, росли; медленно и постепенно полк пополнялся за счет отдѣльных бойцов, просачивающихся сквозь большевистскія рогатки к границам Маньчжуріи. Монгольская бригада находилась еще в пути. Союзные представители при моем Штабѣ ожидали со дня на день прибытія оружія. В Маньчжуріи наскоро сбивались части войск и проходили первоначальное обученіе, осваивая военную

технику. Время шло. Приближалась весна. Большевики стягивали части из Европейской России на «Семеновскій», как они называли, фронт. Особое вниманіе большевиков на этот фронт было привлечено фактом разоруженія обольшевиченных солдат в Хайларѣ, Маньчжуріи и Дауріи. Будучи эвакуированными в Читу и дальше на запад, эти солдаты разнесли с собой фантастическія свѣдѣнія о моих силах и моих возможностях.

В началѣ января большевики усиленно начали вооружать красную гвардію и рабочих Забайкальской желѣзной дороги. Вообще, оружіе свободно раздавалось всѣм, кто стоял за совѣтскую власть.

Необходимо было устранить грозившую опасность и в то же время показать населенію и союзникам силу отряда. По этим соображеніям, барону Унгерн - Штернбергу приказано было 11-го января сдѣлать набѣг на ст. Оловянная для разоруженія красногвардейцев; в распоряженіе барона были даны прапорщики Сотников и Березовскій и 23 человѣка команды.

Отряд обезоружил желѣзнодорожное депо и исполнительный комитет совѣта р. и с. д. Отобрано было 175 винтовок и 4 ящика патронов. 13-го числа отряд благополучно вернулся в Маньчжурію.

Этот налет, разумѣется, не остановил большевистских вооруженій.

Начиная с 12-го января, в Штаб отряда стали поступать весьма тревожныя свѣдѣнія из Читы, Карымской и ст. Оловянной.

Во всѣх этих пунктах рабочіе вооружались и образовывали красную гвардію. Из Иркутска в Читу подходили большевистскія подкрѣпленія с пулеметами и орудіями. 13-го и 14-го января обнаружилось передвиженіе эшелонов большевиков из Читы на ст. Оловянная, с цѣлью нападенія на отряд.

14-го января была получена телеграмма от офицера со ст. Даурія, что Оловянная занята большевиками с тремя орудіями и что они на ст. Карымской пытались разоружить небольшой отряд нерчинских казаков.

Наконец, 15-го числа выяснилось продвиженіе эшелонов большевиков от ст. Оловянная к востоку, что ставило в угрожающее положеніе часть отряда, находившуюся на ст. Даурія.

Одновременно получены были свѣдѣнія, что к Читѣ движется 1-ый Читинскій казачій полк с явно выраженным антибольшевистским настроеніем. Всю дорогу, начиная от позицій, полк выдерживал натиск большевизма, пуская иногда в оборот оружіе, напр., в Черемховѣ; и только двѣ сотни из полка были разоружены большевиками.

Читинскіе большевики рѣшили силой оружія заставить полк признать совѣтскую власть.

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, я рѣшил двинуть спеціальный боевой дивизіон для занятія г. Читы и соединенія

с 1-м Читинским казачьим полком, а также для устраненія читинских большевиков, готовившихся к агрессивным дѣйствіям против отряда и 1-го Читинскаго полка.

Кромѣ того, экспедиція должна была показать нашим союзникам, что отряд окрѣп, способен к активным выступленіям, что красные не устоят перед ним и что, наконец, отряд пользуется сочувствіем казачества и широких кругов населенія.

Командиром дивизіона был назначен сотник Савельев.

Погрузка эшелона произведена была в 12 час. ночи на 16-ое января. Ночная таинственность необходима была для того, чтобы скрыть дѣйствительное число людей эшелона; с тою же цѣлью, под эшелон дали 26 вагонов, тогда как вся команда, в числѣ 102 человѣк, могла помѣститься в каких нибудь 4-5 вагонах.

Перед отправленіем эшелона из Маньчжуріи в Читу мною были посланы внушительныя телеграммы: «приказываю разоружить красную гвардію и очистить Читу от большевиков; для поддержки требованій высылаю нѣсколько эшелонов».

Поѣзд слѣдовал со всѣми военными предосторожностями. На паровозѣ находился офицер-наблюдатель, пр. Березовскій, который был соединен телефоном с вагоном командира эшелона.

Перед мостом через Онон поѣзд был остановлен, эшелон выгрузился и, разсыпавшись в боевую цѣпь, пошел на ст. Оловянную. Красные не приняли удара и бѣжали в Читу.

16-го числа была занята Оловянная, гдѣ, кромѣ провіанта, ничего не оказалось; часть оставшихся красногвардейцев была разоружена, отобрано 78 винтовок и 12 шашек.

В Оловянной командир эшелона, сотник Савельев, получил приказ двигаться в Карымскую, так как «вся линія должна быть очищена от большевиков».

Для обезпеченія успѣха этого предпріятія, я обратился за содѣйствіем к командирам 1-го Читинскаго и Нерчинскаго казачьих полков.

«Наш отряд на-днях будет двигаться в направленіи ст. Карымская. Прошу, в предупрежденіе всяких эксцессов и возможности оповѣщенія о движеніи отряда большевиков немедленно, по полученіи сего, преданными нам частями занять телеграф правительственный и желѣзнодорожный; установить контроль на этих телеграфах. Кромѣ того, прошу оказать поддержку высылкой отряда в 50 человѣк с оружіем и патронами на ст. Карымская. Отправку казаков произвести немедленно, по полученіи условной депеши со ст. Оловянная на имя командира полка, без подписи в одно слово: «жду».

Командиру Нерчинскаго полка, кромѣ того, было сдѣлано опредѣленное заданіе: «шестнадцатаго вечером, займите прочно Карымскую и закрѣпите за собою».

16-го же числа, в 9 час. 30 мин. вечера, дивизіон занял Адріановку и тоже без сопротивленія. Дальше двигаться не удалось.

На другой день в Адріановку явилась депутація от Читинскаго Народнаго совѣта, в составѣ городского головы Лопатина, члена войскового правленія сотника Токмакова и др., с предложеніем, во избѣжаніе кровопролитія, эшелону вернуться в Маньчжурію, так как 1-й Читинскій полк вошел в город, обезоружил красную гвардію, у которой отобрал 12 орудій и водворил порядок, а власть перешла в надежныя руки, в лицѣ Народнаго совѣта, в котором большевики находятся в незначительном числѣ, в количествѣ 15 человѣк.

В то же время войсковой атаман полковник Зимин вызвал меня к прямому проводу для переговоров, но за моим отсутствіем явился начальник Штаба полковник Скипетров. Зимин просил «во избѣжаніе кровопролитія и междуусобій в Читѣ» вернуть эшелон обратно.

Депутаты снеслись со Штабом отряда, послѣ чего сотн. Савельеву приказано было вернуться в Маньчжурію; с эшелоном поѣхали и депутаты.

В Маньжуріи отряд и депутаты составили акт, в котором Чита обязывалась не допускать большевистской власти, а отряд обѣщал помочь укрѣпленію Народнаго совѣта.

Народный совѣт недолго просуществовал в Читѣ, всего до 28-го января, затѣм власть перешла к совдепу.

Экспедиція сотника Савельева не на шутку встревожила большевиков, которые рѣшили во чтобы то ни стало или уничтожить меня, или, в крайнем случаѣ, изгнать за-границу.

С середины января в Иркутскѣ шла лихорадочная работа по подготовкѣ красной арміи на «Семеновскій» фронт. Командующим назначили иркутскаго коменданта Лазо, как наиболѣе даровитаго. В отряд завлечены были казаки 1-го Аргунскаго полка, под командой есаула Метелицы, и 2-го Читинскаго. Даны были пушки и пулеметы.

Приготовленія эти напугали Читу, которая просила помощи у отряда. В Читѣ в это время, к тому же, существовали противобольшевистскія организаціи: офицерская, бѣлая гвардія, и Титовская станица. По циркулировавшим в городѣ слухам, красная гвардія предполагала «снять» своих противников в ночь на 2-ое февраля. Для предупрежденія, или, в случаѣ столкновенія, для поддержки Народнаго совѣта, я рѣшил 31-го января выслать к Читѣ одну роту сербов и сотню сотника Савельева.

Впрочем, экспедиція не состоялась, вслѣдствіе того, что были получены точныя свѣдѣнія о превосходных силах противника с хорошим вооруженіем.

В началѣ февраля большевистскіе эшелоны, перевалили уже Читу. Утром 14-го числа была занята ими Борзя, 16-го Даурія, 20-го — Шарасун, 21 — Маціевская.

Не будучи в состояніи противостоять хорошо вооруженным большевикам, я оттянул свои части в Маньчжурію, выставив сторожевое охраненіе на линіи ближайшаго к Маньчжуріи разъѣзда № 86. Большевики дошли до станціи Шарасун, гдѣ и остановились.

Прошедшія событія показали боеспособность частей отряда и их готовность вести борьбу; но почти полное отсутствіе артиллеріи, пулеметов, патронов, теплой одежды и средств, дѣлали эту борьбу безнадежной и заставили меня настойчиво просить союзников поторопиться с доставкой оружія и отпуском обѣщанных мнѣ средств, потому что дѣйствительность требовала немедленнаго начала серьезной и активной вооруженной борьбы с большевиками, прочно захватившими власть в странѣ.

До 7-го апрѣля 1918 года части отряда имѣли постоянныя столкновенія с большевиками на плацдармѣ от границ Маньчжуріи и до рѣки Онона. Столкновенія носили характер мелких стычек конных разъѣздов О. М. О., которые служили единственной завѣсой, прикрывающей формированія на станціи Маньчжурія и вели развѣдку противника. Красные, благодаря численному превосходству своих сил, часто тѣснили наши разъѣзды до самой границы, и в таких случаях приходилось давать им отпор выдвиженіем сильных частей с артиллеріей. Наскоро сбитыя роты и сотни сразу-же подвергались боевому испытанію и, надо отдать справедливость, всегда выходили с честью из численно-неравных боевых столкновеній. Количественный перевѣс всегда был на сторонѣ нашего противника.

Однообразнаго вооруженія в отрядѣ все еще не было. Нѣкоторые были вооружены австрійскими винтовками Манлихера, у нѣкоторых — русскія трехлинейныя винтовки, а часть имѣла уже устарѣлыя берданки. Патроны имѣлись в крайне ограниченном количествѣ, так что в случаях столкновеній с противником, наши части вынуждены были открывать огонь только с разстоянія прямого выстрѣла, чтобы не тратить патронов зря.

К апрѣлю мѣсяцу 1918 года мы еще далеко не были готовы к большому наступленію, как в отношеніи численнаго состава частей, так и в смыслѣ их вооруженія. Несмотря на это я рѣшил с первыми теплыми днями открыть кампанію, так как красные спѣшно формировали части из демобилизованных солдат, рабочих и военноплѣнных; кромѣ того, были получены свѣдѣнія о прибытіи в Читу матросов с Балтійскаго моря. Все указывало на то, что красные готовятся к каким то активным шагам на нашем фронтѣ и мнѣ важно было предупредить их.

Конница О. М. О. состояла из Монголо-бурятскаго коннаго полка, укомплектованнаго, несмотря на названіе, из казаков и офицеров-добровольцев, с небольшой примѣсью бурят, и двух полков монгол-харачен. Всѣ конные полки имѣли четырехсотенный состав.

Пѣхота состояла из двух полков: 1-го Семеновскаго и 2-го Маньчжурскаго, пѣших.

Двѣ офицерскія роты служили запасными кадрами для пополненія убыли в командном составѣ отряда.

Двѣ роты сербов первоначально составляли 3-ій батальон 1-го Семеновскаго пѣшаго полка, впослѣдствіи же, с развитіем операцій, были выдѣлены из него и реорганизованы в отдѣльный конный дивизіон под командой подполковника Драгович.

Артиллерія состояла из двухъорудійной тяжелой батареи Арисака, двух полевых батарей четырехъорудійнаго состава Арисака и 4-хъорудійной батареи горных французских пушек.

Кромѣ того, имѣлись четыре бронепоѣзда, вооруженные пулеметами и орудіями. На одном была установлена тяжелая англійская мортира; на другом крѣпостная пушка Кане, на двух остальных русскія трехдюймовыя орудія.

Численность О. М. О. в сравненіи с количеством противника была незначительна и уступала силам красных в четыре-пять раз. Командовавшій Восточным фронтом большевиков, Лазо имѣл в своем распоряженіи свыше тридцати тысяч войск; большим преимуществом на сторонѣ красных было также то обстоятельство, что они снабжались на мѣстѣ населеніем всѣм необходимым. Нам населеніе, в главной массѣ своей, сочувствовало мало, ожидая от большевиков, не скупившихся на обѣщанія, установленія чуть-ли не рая на землѣ. Угар увлеченія большевизмом у большинства прошел очень быстро и населеніе быстро поняло сущность коммунизма, но время было уже упущено и красные легко захватили власть на всей территоріи государства, поддержанные крестьянством, рабочими и даже интеллигенціей.

Производя оцѣнку боевых качеств моего небольшого отряда, я должен сказать, что командный состав его, за небольшим исключеніем, был на высотѣ положенія и лучшаго желать было нечего. Немногія неудачныя назначенія первых дней, вызванныя полным незнакомством с внутренними качествами кандидатов, были весьма быстро исправлены, и, если командный состав отряда был различен по стажу своего служебнаго и боевого опыта, то в смыслѣ боевой доблести всегда соблюдалось равненіе по лучшим, внѣ зависимости от их возраста, ценза или занимаемаго служебнаго положенія.

Количество пѣхотных офицеров, прибывавших в отряд, особенно послѣ иркутских событій, значительно превысило в количественном отношеніи число офицеров других родов оружія, а потому усиленіе рядов О. М. О. шло преимущественно за их счет.

Особенно много пришлось работать офицерам пѣхоты, полки которой были укоплектованы китайцами, и офицерам конных монгольских частей.

В період развертыванія Монголо-бурятскаго полка и дальнѣй-

шаго формированія частей отряда, я до конца придерживался принципа національзаціи частей своей арміи и всегда находил, и нахожу теперь, что это наиболѣе правильное рѣшеніе, принимая во вниманіе разноплеменность состава бойцов; их различное воспитаніе и пониманіе дисциплины, вытекающія из того обстоятельства, что они принадлежали к разным народам и даже государствам. Я считал, что к такой разноплеменной арміи совершенно невозможно подходить с общей мѣркой психологической и политической оцѣнки частей, ея составляющих и послѣдующія событія доказали полную мою правоту. В обстановкѣ гражданской войны, однородныя по племенному составу воинскія части имѣли болѣе крѣпкую внутреннюю спайку; крупныя-же войсковыя соединенія из частей разных національностей, давали гарантію безопасности от политическаго развала одновременно всѣх вооруженных сил.

Такая организація давала возможность использовать національный антагонизм, существовавшій издавна между монголами и китайцами; также соревнованіе между казаками - добровольцами, с одной стороны, и кадетами и гимназистами, с другой; в то же время соревнованіе между русскими и татарами и пр. Кто имѣл опыт командованія воинскими частями во время гражданской войны, тот знает, насколько сложной и трудной является роль начальника. В О. М. О. же, в состав котораго входили добровольцы не менѣе десяти національностей, роль начальника усложнялась отсутствіем единаго языка.

Солдаты - китайцы понимали только по-китайски, монголы по-монгольски, сербы и ниппонцы имѣли своих доблестных офицеров и с ними вопрос управленія был легок. Также легко разрѣшен был вопрос и с корейцами, которые составляли рабочую роту под командой своего офицера. Другое дѣло было с китайцами и монголами, у которых не было своих офицеров, в подлинном значеніи этого слова. Поставить же русских офицеров было невозможно из-за отсутствія общаго языка. Из этого положенія я вышел путем назначенія двойного командnаго состава. Этим сохранялся авторитет китайских офицеров и получалась гарантія боеспособности части. При двойном командном составѣ монгольских и китайских частей, пришлось особо регламентировать права и обязанности такого командnаго состава; русскіе офицеры были начальниками только в бою; в казармѣ же их роль сводилась к положенію инструкторов по строевой и тактической подготовкѣ частей. Мѣстный же командный состав этих инородческих частей вѣдал внутренним порядком в обстановкѣ казарменно-бизачной жизни, но под инструктажем русских офицеров. На практикѣ подобная комбинація дала прекрасные результаты.

Под командой русских офицеров, китайскія части в бою были неузнаваемы: доблесть их временами поражала очевидцев;

но при своем національном командном составѣ, китайцы были плохими бойцами — причины крылись в отсутствіи довѣрія к боевым качествам своих родичей-руководителей.

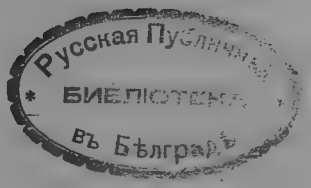
Имѣвшіе мѣсто боевые эпизоды дали полное основаніе китайским частям именоваться «доблестными». Напримѣр, атака станціи Борзя батальоном 1-го пѣшаго Семеновскаго полка, может служить примѣром для любой отличной части какой угодно націи. Правда, атака эта была вдохновлена выдвиженіем лично мною впереди цѣпей двух французских горных пушек, которыя открыли огонь по противнику на дистанціи не болѣе 1000 шагов. Увидя результаты огня, китайцы пришли в состояніе крайняго воодушевленія и, как один, с винтовками на перевѣс, без единаго выстрѣла, пошли в штыки, выбили красных из окопов, куда укрылись их наступавшія цѣпи и обратили их в бѣгство. Большевики в этом бою оставили на позиціи два орудія и на путях два эшелона с боевыми припасами и интендантским имуществом, имѣя свободныя пути отхода и паровозы под парами во главѣ эшелонов. Численность большевиков, против которых был направлен китайскій батальон, равнялась, как опредѣленно установлено, трем батальонам.

Что касается монгол, то боевыя качества их имѣют своеобразныя свойства. Порыв их должен быть всегда использован немедленно; пассивность приводит к дезорганизаціи и к параличу на долгое время их боевого воодушевленія.

КОНЕЦ 1-ОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ II-я

Гражданская война.



1.

ТАКТИКА И ИДЕОЛОГІЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Организація О. М. О. Функціи Штаба и управленіе тылом. План вторженія в Забайкалье. Мобилизація. Временное правительство. Забайкальской области. Своеобразность тактическихъ пріемов на дальневосточном театрѣ гражданской войны. Роль конницы. Подвижность и внезапность. Личный элемент. Пропаганда. Роль военноплѣнныхъ в Сибири. Идеологія противобольшевистскаго движенія. Причины интервенціи. Судьба ея послѣ заключенія перемирія на Западном фронтѣ.

С паденіем Временнаго правительства и захватом его функцій партіей большевиков уже не было законной власти, не было никакого руководства государственным аппаратом на пространствѣ всей территоріи Россіи. Всюду царил лишь большевистскій террор.

Начиная борьбу с большевиками, необходимо было считаться с требованіями жизни и имѣть хотя-бы в зародышѣ аппарат государственной власти. Поэтому, Штаб Особаго Маньчжурскаго Отряда, или О. М. О., как его сокращенно называли, помимо чисто оперативных функцій должен был выполнять обязанности органов верховной и исполнительной власти. Как командовавшій самостоятельным фронтом против большевиков, я пользовался правами командующаго отдѣльной арміей, предусмотрѣнными соотвѣтствующими статьями положенія о полевом управленіи войск. В тѣх-же случаях, когда по обстоятельствам чрезвычайной обстановки мнѣ приходилось брать на себя функціи верховной власти, всѣ мои распоряженія носили условный характер и формулировались: «Условно, впредь до утвержденія законной Всероссійской властью». Это было строго проводимо мною во всѣх без исключенія случаях, отчасти в силу охраны престижа будущаго Всероссійскаго правительства, главным-же образом, чтобы избавить себя и свой Штаб от излишних нареканій в захватѣ непринадлежащих нам функцій и в желаніи узурпировать верховную власть на занятой частями отряда территоріи.

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ

Исходя из изложенных соображеній, схема организаціи О. М. О. была приноровлена к требованіям жизни. Помимо чисто военных отдѣлов управленія, состоявших из Штаба отряда, с подраздѣленіями: оперативным, инспекторским, интендантским, отряд имѣл совершенно самостоятельные отдѣлы: Судебно-Административный, Финансовый, Желѣзнодорожный, Политическій и Мобилизаціонный. Хотя отрасли дѣятельности управленія отрядом были весьма многогранны, касаясь буквально всѣх сторон жизни, численность занятых этой работой людей, была весьма ограничена. Со всѣми дѣлами справлялось не болѣе десяти человѣк, состоявших при моем Штабѣ, которые вели отвѣтственную работу и в распоряженіи которых находился необходимый штат сотрудников. Правда, в то время и дѣл было сравнительно не так много, ибо территорія, занимавшаяся нами, была весьма незначительна, но, тѣм не менѣе, необходимость в таком аппаратѣ ощущалась с достаточной ясностью; в дальнѣйшем-же, по мѣрѣ продвиженія отряда вглубь территоріи Забайкалья, явилась необходимость созданія временнаго правительства Забайкальской области, каковое и составилось из меня, как предсѣдателя и руководителя по военным вопросам; генералмаіора И. Ф. Шильникова, возглавлявшаго военно-административную и мобилизаціонную часть, и С. А. Таскина, взявшаго на себя гражданское управленіе освобожденной территоріи.

План вторженія в предѣлы Забайкалья базировался на быстром распространеніи нашего вліянія на возможно большую часть территоріи Забайкальскаго казачьяго войска, чтобы имѣть возможность мобилизовать занятыя станицы и получить таким путем необходимое отряду пополненіе. Впослѣдствіи расчет этот удался вполнѣ и территорія 2-го Военнаго отдѣла Войска была занята весьма быстро. Объявленная мобилизація дала возможность усилить отряд бригадой конницы трехполкового состава и приступить к дополнительному оборудованію броневых поѣздов, на которые была возложена охрана желѣзнодорожной линіи в тылу отряда, помимо содѣйствія передовым частям его в их продвиженіи вперед.

Перед началом наступленія, генерал-лейтенант Никонов, мой помощник по военной части, обратил вниманіе на чисто формальную ненормальность в области существовавшей в отрядѣ іерархіи. Будучи в чинѣ есаула, я имѣл в своем подчиненіи генералов и штабофицеров, в отношеніи которых являлся их непосредственным или прямым начальником. Чтобы обойти неловкость подчиненія мнѣ старших в чинѣ, высшій командный состав отряда обратился ко мнѣ с просьбой принять на себя званіе Атамана О. М. О. Мое согласіе сгладило всѣ неловкости, так как, если я имѣл незначительный чин, будучи, в сущности еще молодым офицером, то мой престиж, как начальника отряда и иниціатора борьбы с большевиками, принимался в отрядѣ всѣми без исключенія и без какого-либо ограниченія.

Отсюда произошло наименованіе меня атаман Семенов. Впослѣдствіи это званіе было узаконено за мной избраніем меня Походным Атаманом Уссурійскаго, Амурскаго и Забайкальскаго войск. Послѣ ликвидаціи Омскаго правительства и гибели атамана Дутова, войсковые представительства казачьих войск Урала и Сибири, также избрали меня своим Походным Атаманом.

В отрядѣ не было ни одного офицера Генеральнаго Штаба, поэтому приходилось дѣйствовать по обстановкѣ, не разрабатывая предварительных оперативных соображеній, тѣм болѣе, что гражданская война для всѣх нас была вновѣ и только послѣдующій опыт научил нас давать правильную оцѣнку своеобразных пріемов и элементов такого рода войны. Во главѣ Штаба отряда стоял полковник Нацвалов, под руководством котораго работали в оперативном отдѣленіи: сотник Сергѣев, — обер-квартирмейстер Штаба отряда и подъесаул Мунгалов, в качествѣ его помощника. Военно-административная часть отряда была сосредоточена в инспекторском отдѣленіи, во главѣ котораго стояли дежурный штабъ-офицер, войсковой старшина Вериго, со своим помощником, подпоручиком Понтович. Весь тыл отряда находился в твердых руках полковника Оглоблина, которому приходилось помимо своей прямой задачи устройства тыла и снабженія отряда всѣм необходимым, зорко слѣдить за дѣйствіями китайских властей, находившихся в тѣсных и оживленных сношеніях с красным командованіем.

7-го апрѣля 1918 года я отдал приказ о наступленіи вдоль линіи Забайкальской желѣзной дороги. Начатое наступленіе встрѣтило сильное сопротивленіе красных. Большевистское командованіе согнало против нас всѣ силы, какія было возможно собрать не только в Восточной, но и в Западной Сибири. Задача большевиков заключалась в полной изоляціи отряда от его базы в Маньчжуріи, что казалось легко достижимым при незначительной численности его, для того, чтобы совершенно уничтожить «Маньчжурскую пробку». Для осуществленія этого плана ими был создан так называемый «Восточный» или «Семеновскій» фронт, которым командовал Лазо, бывшій прапорщик, офицер штаба Уссурійской казачьей дивизіи. Начальником штаба у него был Генеральнаго Штаба, генерал-маіор барон Таубе, бывшій завѣдывающій передвиженіем войск Штаба Иркутскаго Военнаго Округа.

Несмотря на подавляющее превосходство в силах противника, мнѣ удалось в короткій срок углубиться болѣе, чѣм на двѣсти верст на территорію Забайкалья. Красные были отброшены за рѣку Онон. Ононскій желѣзнодорожный мост у станціи Оловянная большевики взорвали. Онон широко разлился, вскрывшись ото льда, что затрудняло нашу коммуникацію, вытянутую на сотни верст и не имѣвшую рѣшительно никакой защиты против внезапнаго нападенія конницы противника на наш тыл. Единственным выходом из

могущаго в этом случаѣ создаться критическаго положенія былобы рѣшеніе оторваться от желѣзнодорожной линіи, бросив все, находившееся в вагонах и, повернув на юг, уйти через Кулусутай в Монголію на Керулен, откуда через Ганчжур снова выйти на линію К. В. ж. д. Отсюда вытекала необходимость усилить обезпеченіе нашего лѣваго фланга, чтобы не быть отброшенным от пути на Монголію.

Овладѣніе нами рубежом рѣки Онона и дальнѣйшее продвиженіе вглубь Забайкалья, сильно взволновало красных, спѣшно приступивших к формированію конницы из военноплѣнных мадьяр, с цѣлью отрѣзать меня от Маньчжуріи и бросить ее на путях нашего отхода в Монголію. Увѣренность большевиков в вынужденном моем отходѣ на Монголію базировалась на заключенном ими с китайцами соглашеніи разоружить мой отряд и интернировать его в случаѣ новаго моего появленія в Маньчжуріи. Предвидя все это, я все-же вынужден был с боем отходить на нашу Маньчжурскую базу по линіи желѣзной дороги именно потому, что это направленіе должно было считаться противником наименѣе вѣроятным путем нашего отхода. Отступая под напором красных, мы каждый шаг родной земли отдавали с боя, имѣя ежедневныя столкновенія с противником на протяженіи времени с 7-го апрѣля по 21-ое іюля включительно. Эти три мѣсяца непрерывных тяжелых боев измотали совершенно даже лучшія части отряда, не говоря уже о пѣхотѣ, укомплектованной китайцами. Участились безпорядки в полках и попытки уйти с оружіем за границу настолько, что понадобилась организація спеціальной военно-полицейской команды для задержанія дезертировавших китайцев и отобранія от них оружія. По мѣрѣ приближенія к границѣ Маньчжуріи, мы вынуждены были сокращать длину фронта, потому что ряды отряда рѣдѣли с прогрессирующей быстротой. Никакія мѣры не могли остановить убыли в отрядѣ, потому что каких либо пополненій ожидать было невозможно и неоткуда. Формированіе генералом Хорватом отрядов в Харбинѣ, при условіи мирнаго существованія этих отрядов в большом городѣ, оттянуло в тыл весь мало активный элемент, предпочитавшій Харбин опасностям и неудобствам походной боевой жизни в отрядѣ.

Я не знаю, как протекала борьба с большевиками на остальных фронтах гражданской войны, но у нас на Дальнем Востокѣ и, в частности, в частях О. М. О. примѣнялись такіе тактическіе пріемы, которые с точки зрѣнія теоріи военнаго дѣла и практики в нормальных внѣшних войнах, едва-ли могли имѣть мѣсто. Начать с того, что наша пѣхота, укомплектованная китайцами, никак не мирилась с тѣм, чтобы сторожевыя заставы были без артиллеріи, или, в крайнем случаѣ, без пулеметов. Никакими силами нельзя было заставить сторожевое охраненіе оставаться на своих мѣстах и

не спать по ночам. Линія фронта, в том смыслѣ, как ее принято понимать, не существовала вовсе — фронт был узкой лентой желѣзнодорожнаго пути и имѣл только одно измѣреніе — в глубину. Позднѣе, когда мы обзавелись аэропланами, к этому измѣренію прибавилась еще высота. Позицій не было; если и встрѣчались укрѣпленные боевые участки, то они были настолько короткими, что не давали и малѣйшаго представленія об опредѣленном участкѣ фронта. Скорѣе, это были укрѣпленныя гнѣзда, служившія точкой-осью дѣйствовавшаго отряда, который опираясь на них, выполнял самостоятельную задачу, или обезпечивал операцію всѣх сил О. М. О.

Весьма часто бывали положенія, когда фронт представлял собою точку, лежавшую на желѣзнодорожном пути, простираясь только в глубину. В этом случаѣ, части, вытянутыя по линіи желѣзной дороги, обезпечивались усиленной развѣдкой конных частей, служивших заслонами от внезапнаго нападенія противника. Объектом операцій частей отряда служили населенные пункты. Угроза занятія их нами была достаточной гарантіей того, что мѣстные жители будут сидѣть дома и удержат молодежь от участія в гражданской войнѣ на сторонѣ наших противников, во избѣжаніе всякаго рода репрессій в случаѣ занятія нами этих пунктов. С другой стороны, то же опасеніе репрессій со стороны красных удерживало молодежь и от вступленія в ряды О. М. О. Такого рода задачи требовали от войск максимальной подвижности. Поэтому, наиболѣе цѣнным родом оружія в этой войнѣ являлась конница. Конница есть, и всегда была, душой маневра. Если она не обладает подвижностью моторизованных частей, то ея крупным преимуществом является возможность дѣйствовать в любой мѣстности, в любую погоду и в любое время суток. Гражданская война вообще и в Забайкальи, в частности, дала хорошій экзамен конницѣ, в отношеніи сочетанія ея дѣйствій на конѣ и пѣшком, и это испытаніе было блестяще выдержано ею. Большое неравенство в количественном отношеніи сил наших и красных, в значительной степени возмѣщалось нашей маневренной гибкостью. Бывали случаи, когда конныя части О. М. О. перебрасывались в теченіе ночи на восемьдесят и больше верст, пользуясь заводными конями, запас которых имѣлся весьма значительный. Неожиданность появленія в теченіе каких-нибудь 10-12 часов однѣх и тѣх-же частей в пунктах различных направленій, отстоящих один от другого почти на сотню верст, сбивала с толку большевистское командованіе, заставляя его значительно преувеличивать наши силы и считать однѣ и тѣ-же части за много численныя подкрѣпленія, подходящія к отряду. Блестящими примѣрами дѣйствій конных частей О. М. О., являлись наскоки в фланги и тыл противника генерал-маіора Маціевскаго и сотника Стрѣльникова. Дѣйствія генерала Маціевскаго весной 1918 года

являются образцом тонкаго расчета времени движенія его обходной колонны в два полка с артиллеріей. Сочетаніе его боевых операцій с главными силами О. М. О., наступавшими под моим командованіем вдоль линіи желѣзной дороги в направленіи Борзя, Быркa, Оловянная, может служить классическим примѣром правильно организованнаго кавалерійскаго рейда.

При современном развитіи технических средств боя, при большой насыщенности ведущих его частей огневыми средствами, группировка кавалеріи для дѣйствій в конном строю крупными силами, требует от начальника исключительнаго умѣнія во время оцѣнить обстановку и надлежащим образом использовать ее. На основаніи личнаго опыта, я считаю, что в данных обстоятельствах наиболѣе удачным является примѣненіе комбинированнаго боя, т. е. огневой бой в пѣшем строю, с обязательным завершеніем его конной атакой, доведенной до конца, т. е. до примѣненія холоднаго оружія.

Задачи конницы остались прежними; измѣнились лишь способы дѣйствій. Роль и значеніе конницы в гражданской войнѣ, гдѣ позиціонная борьба едва ли будет имѣть мѣсто, останутся неизмѣнными и тактика ея дѣйствій будет зависѣть лишь от топографіи мѣстности даннаго плацдарма. При этом не слѣдует упускать из виду, что для успѣха операціи в гражданской войнѣ рѣшающее значеніе имѣет элемент внезапности, что повышает цѣнность конницы и дѣлает ее незамѣнимым родом оружія, ибо только конница обладает подвижностью, не зависящей ни от условій мѣстности, ни от состоянія погоды.

Вообще в войнѣ, а в гражданской, в особенности, рѣшающую роль всегда будет имѣть людской элемент. Причины политическаго характера, организація пропаганды и идеологическія цѣли гражданской войны являются важнѣйшими факторами успѣха вербовки людей и пополненія матеріальными средствами, ибо они разсчитывают на привлеченіе симпатій населенія и его жертвенность. Большое значеніе пропаганда имѣет и для успѣха внѣшней войны, когда, распространяясь путем прессы во всѣх воюющих и нейтральных странах, она создает общественное мнѣніе и дает моральный успѣх, который является залогом побѣды на фронтѣ. В обстановкѣ-же гражданской войны, правильно организованная пропаганда пріобрѣтает превалирующее значеніе для успѣха.

Тот, кто был свидѣтелем развала россійскаго фронта послѣ февральской революціи, не мог не видѣть, что большевистское движеніе в Россіи дѣйствовало и развивалось исключительно силой пропаганды.

Имѣя нѣкоторый опыт в веденіи противобольшевистской агитаціи на фронтѣ, я был убѣжден, что в стремленіи своем утвердиться в Россіи, большевики неизбѣжно должны будут использо-

вать сотни тысяч военноплѣнных, как силу, опираясь на которую, они смогут утвердить свою власть и получить возможность вліять на политическое положеніе в Австро-Венгріи и Германіи. Это послужило основаніем для моего обращенія к представителям Антанты, через консулов в Харбинѣ, с предложеніем принятія необходимых мѣр против использованія большевиками по директивам германскаго Генеральнаго Штаба австро-германских военноплѣнных. Основная идея моего предложенія заключалась в возстановленіи с помощью союзников противогерманскаго фронта в Сибири, с цѣлью предотвратить оккупацію ея германцами при помощи военноплѣнных, в очень большом числѣ разселенных по концентраціонным лагерям по всей Сибири. Послѣ того, как подтвердилось наличіе военноплѣнных в частях красной арміи, дѣйствовавших на забайкальском фронтѣ против О. М. О., временное правительство Забайкальской области, в составѣ меня, генерала Шильникова и г. Таскина, сложило с себя полномочія, мотивировав этот акт нижеслѣдующими соображеніями:

«Званіе правительства мы приняли на себя для родного нам Забайкалья на время борьбы с большевиками, которые съумѣв разорить и опозорить Россію, не смогли противостоять нашему маленькому отряду и призвали на помощь себѣ наших врагов нѣмцев, мадьяр и австрійцев. Борьба с большевиками послѣ этого перестала быть нашим внутренним русским дѣлом и приняла характер международный, вылившись в борьбу с Австріей и Германіей. Этот факт породил необходимость возобновленія нашего участія в противогерманской коалиціи и начатая атаманом Семеновым борьба нынѣ превращается в борьбу народов. Посему, с 10-го августа 1918 года временное правительство Забайкалья слагает с себя свои полномочія и предоставляет себя и всѣ свои рессурсы в распоряженіе Верховнаго командованія противогерманских союзных сил.»

В результатѣ факта участія военноплѣнных в красной арміи, явилось рѣшеніе союзников послать экспедиціонный корпус в Сибирь. Интервенція эта не имѣла должнаго успѣха сначала вслѣдствіе треній между представителями союзническаго командованія в Сибири, а затѣм ввиду капитуляціи центральных держав и прекращенія войны.

С момента заключенія перемирія, согласованныя дѣйствія держав в отношеніи большевиков прекратились и французское правительство немедленно вступило в секретные переговоры с большевиками о признаніи их «де-юре», взамѣн согласія с их стороны на созданіе лимитрофов вдоль западной границы Россіи. Переговоры эти велись в строго секретном порядкѣ и фактическая перемѣна фронта правительством Франціи была доказана лишь недостойными и предательскими дѣйствіями генерала Жанена в Сибири, выдавшаго красным Верховнаго Правителя адмирала Колчака, и не менѣе

предательским отношеніем французскаго правительства к генералу барону Врангелю, послѣ того, как миновала надобность в его содѣйствіи борьбѣ поляков против большевиков. Эти два исторических предательства служат лучшим показателем той закулисной игры по разложенію русскаго противокоммунистическаго фронта, которую вела Франція в угоду большевикам.

Идеологія нашей борьбы с большевизмом имѣла два дополняющих друг друга обоснованія: а) борьба за спасеніе нашей государственности от моральнаго разложенія большевиками, и б) противодѣйствіе международному шпіону Ленину и его кликѣ в их стремленіи использовать заблужденія нашего народа во вред Россіи.

2.

ОТХОД О. М. О. В МАНЬЧЖУРІЮ.

Оборонительныя дѣйствія О. М. О. Необходимость отдыха. Ниппонский добровольческій батальон. Встрѣча с адмиралом Колчаком. Его взгляды на нашу политику. Полное расхожденіе в ориентаціи. Обстановка на фронтѣ отряда. Переговоры китайцев с красными. Условія пропуска отряда через границу. Предательство Шелковаго. Подвиг маіора Такеда. Печальная роль Харбина. Мой план отхода в раіон Хайлара. Комбинированный маневр. Соглашеніе с китайцами. Связь с антибольшевистскими организаціями в Сибири.

Отряд постепенно отходил по линіи дороги к границѣ, отвѣчая контр-атаками на каждую атаку противника. Наличіе в отрядѣ конницы, дѣйствовавшей на тыл и фланги противника и оттягивавшей этим на себя главныя силы его, позволяло нашей ослабленной пѣхотѣ еще держаться на фронтѣ. Самым длительным періодом сопротивленія отряда явилась борьба за удержаніе позицій, занятых О. М. О. приблизительно в десяти верстах от станціи Маньчжурія, на линіи «Атамановская» сопка — станція Маціевская и идущая от нея в юго-западном направленіи цѣпь гор. Защита этой линіи, удобной для обороны, ввиду командующаго положенія Атамановской сопки над всей окружающей мѣстностью, дала возможность заблаговременно подготовить пути отхода в полосу отчужденія К. В. ж. д., что рано или поздно необходимо было сдѣлать для предоставленія хотя-бы непродолжительнаго отдыха совершенно измотанным частям отряда, несмотря на то, что китайцы категорически заявили, что они не пропустят через границу отряд, если он предварительно не сдаст оружія.

С трех сторон нас тѣснили красные, силы которых больше, чѣм в десять раз превышали численность отряда. Наш тыл упирался

в границу, охранявшуюся со стороны Маньчжуріи китайскими войсками. Настроеніе этих войск было явно враждебным нам в силу какого-то соглашенія, которое существовало между китайским командованіем и Лазо. Оборона нашего лѣваго фланга, находившагося на желѣзнодорожной линіи, была возложена на дивизіон броневых поѣздов, под командой капитана Шелковаго. Штаб отряда помѣщался в вагонах сзади броневиков на разъѣздѣ «Атамановском» (нынѣ «Отпор»). При Штабѣ находился батальон ниппонских добровольцев, в количествѣ до 600 человѣк, который представлял собою подвижной резерв и бросался обычно на атакованный участок фронта, замѣняя пѣхоту из добровольцев - китайцев, доблесть которых послѣ трехмѣсячных непрерывных боев, оставляла желать много лучшаго.

Ниппонскій батальон был создан по иниціативѣ капитана Куроки, который командировал сотрудников своей миссіи, г. г. Анжіо и Сео Эйтаро в южную Маньчжурію для привлеченія добровольцев из числа резервистов. Они успѣшно справились с поставленной им задачей, завербовав на службу в отряд нѣсколько сот человѣк только что окончивших службу солдат. Батальоном командовал доблестный офицер, капитан Окумура. Ниппонскій батальон в короткое время заслужил репутацію самой крѣпкой и самой устойчивой части в отрядѣ, и люди, составлявшіе его, пріучили нас, русских офицеров, солдат и казаков, смотрѣть на ниппонцев, как на вѣрных и искренних друзей національной Россіи, которые вѣрность своим обязательствам ставят выше всего на свѣтѣ, выше даже собственной жизни. Таким образом, в степях сурового Забайкалья зародилась дружба и братство русских и ниппонских солдат, которые были закрѣплены тяжелыми потерями, понесенными отрядом в этот період непрерывных боев с превосходными силами противника.

К этому также періоду относится пріѣзд адмирала Колчака в Харбин и назначеніе его на пост командующаго русскими войсками в полосѣ отчужденія К. В. ж. д. Отъинспектировав различные отряды, формировавшіеся в Харбинѣ, адмирал выѣхал в Маньчжурію для осмотра Особаго Маньчжурскаго Отряда, о чем я был извѣщен из Харбина. Занятый постоянными боями, я рѣшил не выѣзжать в Маньчжурію для встрѣчи новаго командующаго, полагая, что если он желает видѣть отряд, он пріѣдет сам к нам на позицію. В один прекрасный день мнѣ передали по телефону из Маньчжуріи, что адмирал Колчак прибыл и желает видѣть меня. Я поѣхал в Маньчжурію и явился адмиралу. Повидимому, настроенный соотвѣтствующим образом в Харбинѣ, адмирал встрѣтил меня упреками в нежеланіи подчиняться Харбину, вызывающем поведеніи относительно китайцев и слишком большом довѣріи к моим ниппонским совѣтникам, вліянію которых я, якобы, полностью подчинялся. Покойный адмирал являлся в то время ярым противником так называемой ниппонской оріентаціи и считал, что только Англія и Франція готовы ока-

зать безкорыстную и исчерпывающую помощь національной Россіи, возстановленіе которой находится в их интересах. Что касается Ниппон и С. Ш. С. А., то, по мнѣнію адмирала, они стремились использовать наше затруднительное положеніе в своих собственных интересах, которые настойчиво диктовали возможно бо́льшее ослабленіе Россіи на Дальнем Востокѣ. Оріентацію на Ниппон адмирал считал чуть-ли не преступленіем с моей стороны и настойчиво требовал от меня полнаго отказа от самостоятельной политики в этом вопросѣ и подчиненія Харбину. В свою очередь, я напомнил адмиралу, что приступая к формированію отряда, я предлагал возглавленіе его и ему самому, и генералу Хорвату. Если-бы кто-нибудь из них своевременно принял мое предложеніе, я безоговорочно подчинился-бы сам и со всѣми своими людьми и никакіе разговоры о моей самостоятельной политикѣ и сношеніях с иностранными консулами не могли имѣть мѣста. В настоящее-же время, когда я с ноября мѣсяца прошлаго года оказался предоставленным самому себѣ, я считаю вмѣшательство в дѣла отряда с какой-бы то ни было стороны совершенно недопустимым, и в своих дѣйствіях, так же, как и в своей сріентаціи буду давать отчет только законному и общепризнанному Всероссійскому правительству.

Свиданіе наше вышло очень бурным и мы разстались явно недовольными друг другом. Адмирал отказался от посѣщенія частей отряда и немедленно вернулся в Харбин. От этой встрѣчи с адмиралом у меня осталось впечатлѣніе о нем, как о человѣкѣ крайне нервном, вспыльчивом и мало ознакомленным с особенностями обстановки на Дальнем Востокѣ. Его непріязнь и недовѣріе к ниппонскому сотрудничеству в дѣлѣ борьбы с красными, его увѣренность в стремленіи Ниппон к использованію нашей гражданской войны для территоріальных пріобрѣтеній за счет русскаго Дальняго Востока, я считал основанными только на личных его антипатіях и потому не мог согласиться с ним. Эта первая и послѣдняя моя непосредственная встрѣча с покойным адмиралом выяснила всю разность наших взглядов на ближайшія задачи внѣшней политики національнаго нашего движенія и на наши взаимоотношенія с союзниками. В то время, как адмирал, подозрѣвая ниппонское правительство в агрессивных замыслах против Россіи, строил всѣ свои расчеты на широком использованіи наших западных союзников, я никогда не вѣрил в то, чтобы помощь с их стороны могла быть сколько нибудь существенной. Со стороны-же Ниппон я не видѣл никаких ползновеній на ущемленіе наших интересов на востокѣ и оказываемая ниппонским правительством мнѣ помощь никогда не обуславливалась какими-либо обязательствами с моей стороны, которые могли-бы быть истолкованы, как стремленіе использовать наше тяжелое положеніе в собственных интересах.

Эта единственная моя встрѣча с адмиралом послужила впо-

слѣдствіи одним из основаній для моего протеста против передачи ему всей полноты государственной власти и вызвала извѣстный мой конфликт с Омском. И только послѣдовавшее вскорѣ полное разочарованіе адмирала в его англо-французских симпатіях, повело к мужественному признанію им моей правоты и установило то полное взаимопониманіе между нами, которое дало основаніе покойному Верховному Правителю назначить именно меня своим правопреемником на нашей Восточной Окраинѣ, вопреки всѣм интригам и противодѣйствію его ближайшаго окруженія.

Вскорѣ послѣ отъѣзда адмирала из Маньчжуріи, слѣдствіем котораго явилось еще большее охлажденіе отношеній между Харбином и мною, разыгрался инцидент, могшій имѣть весьма чреватыя послѣдствія и благополучно ликвидированный исключительно благодаря высокой доблести ниппонских добровольцев отряда.

В результатѣ непрерывных тяжелых боев, обстановка становилась поистинѣ критической; держаться дольше против насѣдавших красных мы не могли. Предстояло или сложить оружіе и отдаться под покровительство китайцев, с риском быть выданными красным, или попытаться выйти с честью из положенія путем какого нибудь исключительнаго по гибкости маневра. Успѣх послѣдняго обуславливался наличіем бронепоѣздов, к которым китайцы относились с большим почтеніем и нескрываемой боязнью.

В один день особенно тяжелаго боя, усталыя части были выведены с позицій и сосредоточены вблизи границы. Китайским властям я объявил, что в ближайшіе дни намѣрен сдать им оружіе и выйти с людьми из боя, отдавшись под их покровительство. Зная навѣрное, что это мое намѣреніе немедленно будет сообщено красным, я разсчитывал, что освѣдомившись от китайцев о моем рѣшеніи уйти за границу, большевики потребуют от китайцев выдачи меня и моих людей и что послѣдніе вступят в переговоры по этому вопросу, что даст мнѣ возможность ввести в заблужденіе как тѣх, так и других и уйти в полосу отчужденія К. В. ж. д., сохранив оружіе и боеспособность отряда. Расчет мой оказался совершенно правильным. В тот-же день ко мнѣ прибыл из Маньчжуріи маіор Лю, который просил пропустить его через линію фронта в штаб Лазо. Цѣлью своей поѣздки маіор Лю выставил желаніе вступить в переговоры с красным командованіем о прекращеніи обстрѣла наших позицій дальнобойными орудіями, ввиду того, что выпускаемые ими снаряды, проетрѣливая наше расположеніе, поражали раіон расположенія выдвинутых на границу китайских войск. Я дал свое согласіе на пропуск маіора Лю через наши цѣпи, но прежде просил его сообщить нку китайских войск на ст. Маньчжурія, что я желалбы встрѣтиться с ним для совмѣстной выработки условій сдачи оружія и подписанія соглашенія о пунктѣ эвакуаціи моих частей

Русская Публичная БИБЛІОТЕКА

послѣ разоруженія их. Этим ходом я разсчитывал убѣдить китайцев в подлинности моего рѣшенія прекратить сопротивленіе большевикам и уйти за границу, сдав оружіе.

В результатѣ поѣздки маіора Лю в штаб Лазо, китайское командованіе официально предложило мнѣ сдать оружіе на русской территорія большевистским пріемщикам, но при китайских посредниках, т. к. в противном случаѣ, китайцы будут вынуждены допустить красных в Маньчжурію для пріема сданнаго мною оружія. Я обѣщал обсудить этот вопрос, ни минуты не предполагая вообще сдавать оружіе и желая только выиграть время и отвлечь от себя вниманіе противника.

Пока велись эти переговоры между китайцами и красными, с одной стороны, и между китайцами и мною, с другой, я получил донесеніе от капитана Кострова, батарея котораго была расположена на позиціи на нашем лѣвом флангѣ, под прикрытіем броневиков, что капитан Шелковый, командир дивизіона броневых поѣздов, внезапно снялся с позицій и ушел в тыл со всѣми броневиками, не предупредив никого из начальствующих лиц ближайших боевых участков. Мною срочно были приняты мѣры к выясненію причины внезапнаго ухода броневиков с позицій. Оказалось, что Шелковый бѣжал со всѣми броневиками в Харбин, совершенно обнажив лѣвый фланг нашего расположенія. Я немедленно телеграфировал моему другу, генералу Чжан Куй-у в Цицикар, прося его задержать броневики и вернуть их обратно, так как потеря броневиков в момент, когда фактически рѣшалась судьба отряда и всего Бѣлаго движенія на Дальнем Востокѣ, ставила меня в совершенно безвыходное положеніе и лишала главнаго козыря в задуманном мною маневрѣ. К моему удивленію, генерал Чжан Куй-у увѣдомил меня, что он получил распоряженіе из Харбина о пропускѣ броневиков на востоκ и потому не мог их задержать. В Харбинѣ броневики были встрѣчены с почетом и Шелковый получил благодарность от ген. Плѣшкова за привод броневиков. Однако, команды броневиков, узнав, что Шелковый обманным образом увел их с фронта, бросив отряд и предав его в самый критическій момент его борьбы, немедленно оставили Харбин и в полном составѣ, по собственному желанію вернулись в отряд.

Я до сих пор не могу понять отношенія ко мнѣ и к моему отряду харбинской общественности и стоявших во главѣ ея старых генералов. Начиная по собственной инициативѣ дѣло вооруженной борьбы с коммунизмом, я обращался как к той, так и к другим с просьбой оказать мнѣ помощь своими авторитетными для меня указаніями и совѣтами и указать лицо, которое могло-бы быть приглашено для возглавленія начатаго дѣла. Тѣ и другіе в свое время отказались принимать какое-либо участіе в начавшемся движеніи,

но, не помогая нисколько мнѣ, и тѣ и другіе начали критиковать, иногда очень злостно, мои дѣйствія. От словесной критики неоднократно переходили к дѣйствіям, явно направленным против меня и не остановились даже перед торжественным пріемом предателя — Шелковаго, бросившаго позицію в самый тяжелый момент жизни отряда и уведшаго с собой его главную силу — броневые поѣзда.

Я не допускаю мысли, чтобы все это дѣлалось с цѣлью намѣренно провалить дѣло борьбы за освобожденіе родины от красной власти, захватившей ее. Повидимому все было направлено лично против меня, что также не совсѣм понятно, потому что я не претендовал ни на какую важную роль, желая лишь вести активную борьбу с красными поработителями моей родины.

Немедленно послѣ увода Шелковым броневиков, ниппонскіе добровольцы заняли позицію на нашем лѣвом флангѣ и, когда красные обнаружив исчезновеніе броневиков, повели энергичное наступленіе на наш фронт и захватили командующую Атамановскую сопку, сбив с нея наши китайскія части. Генеральнаго Штаба маіор Такеда, замѣщавшій выѣхавшаго в Ниппон капитана Куроки, лично принял командованіе и повел свой батальон против наступающих красных. Батальон, понеся крупныя потери, все-же занял обратно сопку и захватил плѣнных и пулеметы, возстановив, таким образом, положеніе и дав возможность частям отряда продержаться на занятых ими позиціях до обратнаго прихода броневиков, которые через нѣсколько дней, по настояніям иностранных консулов, были возвращены в отряд. По постановленію Георгіевской Думы, состоявшей из старших офицеров — георгіевских кавалеров, маіор Такеда за свой подвиг был награжден орденом св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-ой степени, образца, установленнаго для чинов О. М. О.

С возвращеніем броневиков на фронт, я вновь получил увѣренность в успѣхѣ своего плана выхода из большевистско-китайскаго окруженія в полосу отчужденія К. В. ж. д., сохранив свою организацію и оружіе для пополненія отряда и необходимаго отдыха частям его.

В тѣ дни мнѣ было всего 27 лѣт и я еще не знал, что открытая сила во многих случаях с успѣхом замѣняется дипломатіей, построенной на умѣлой и тонкой лжи. Но еще со школьной скамьи я твердо усвоил, что в военном дѣлѣ важно отвлечь вниманіе противника от намѣченной цѣли и что успѣх маневра в очень большой степени зависит от того, насколько тонко противник будет введен в заблужденіе относительно истинной цѣли предпринятой операціи.

Переговоры китайцев с большевиками все еще не были закончены. Пользуясь тѣм, что вниманіе обѣих сторон было от меня отвлечено, я отдал секретное распоряженіе коменданту станціи

Маньчжурія постепенно перегнать весь порожняк из Маньчжуріи на ближайшую от нея станцію на восток, Чжалайнор. Комендант станціи получил также указанія, в случаѣ разспросов китайских властей, объяснить перегонку составов в Чжалайнор полученными свѣдѣніями о намѣреніи большевиков занять Маньчжурію и захватить составы, в которых они ощущали острый недостаток. В теченіе двух дней потребное количество вагонов и паровозов было сосредоточено в Чжалайнорѣ, не возбудив никаких сомнѣній.

Когда тыл был подготовлен для отхода, нужно было снять и отвести назад с занимаемых позицій части таким образом, чтобы ни китайцы, ни большевики этого не замѣтили. Я рѣшил осуществить это ближайшей-же ночью и предварительно сообщил китайцам, что вслѣдствіе недостатка продовольствія, я рѣшил на разсвѣтѣ отвести свои части на границу и сложить оружіе. Я был освѣдомлен о том, что китайцы еще не закончили свои переговоры с красными и потому мое рѣшеніе сдать оружіе именно теперь, застанет их неподготовленными. Согласно секретной диспозиціи, части отряда должны были ночным маршем покрыть разстояніе в 50 верст и, обойдя Маньчжурію, выйти на станцію Чжалайнор, ночью-же погрузиться в приготовленные эшелоны и двигаться в направленіи на Хайлар. Броневики оставались со мной на позиціях до окончанія погрузки послѣдней части. Настало утро 28-го іюля, когда начальник Штаба китайских войск, в сопровожденіи большой свиты прибыл в мой Штаб. В это время уже всѣ части, кромѣ двух бронепоѣздов уже были сняты с позицій. Пѣхота грузилась в вагоны в Чжалайнорѣ; конница и артиллерія походным порядком шли в обход Маньчжуріи на станціи Цаган и Хорхонтэ. Я со Штабом находился в броневикѣ. Встрѣтив гостей, я пригласил их в вагон и предложил ѣхать в Маньчжурію для встрѣчи с командующим китайскими войсками. Арьергардные бронепоѣзда слѣдовали в небольшом разстояніи за нами.

Мое появленіе в Маньчжуріи вызвало сильное волненіе у китайцев, которые не закончив еще своих переговоров с большевиками, не ожидали меня в Маньчжуріи. Когда бронепоѣзд остановился на перронѣ станціи, я заявил сидящему у меня в вагонѣ начальнику Штаба китайских войск, что мои части с фронта уже сняты и красные каждую минуту могут войти в Маньчжурію, как только обнаружат мой отход. Это было громом среди яснаго неба. С этого момента роли перемѣнились и под удар красных попадали уже китайцы, а не мы.

Начальник китайских войск в Маньчжуріи, не будучи увѣренным в том, что большевики не сдѣлают попытки овладѣть Маньчжуріей, обратился ко мнѣ с предложеніем принять участіе в защитѣ города, и ввиду моего согласія, нами совмѣстно была выработана диспози-

ція на случай наступленія красных, причем наши офицеры были назначены инструкторами в китайскую артиллерію.

Узнав об отходѣ моем в полосу отчужденія К. В. ж. д. и о предположенной совмѣстной оборонѣ Маньчжуріи в случаѣ наступленія красных, большевики обвинили китайцев в двуличіи. Отношенія между ними испортились и я получил возможность дать своим частям спокойный и заслуженный ими отдых.

Ведя силами О. М. О. вооруженную борьбу с большевиками, я одновременно поддерживал через подполковника Краковецкаго оживленную связь с противобольшевистскими организаціями в Иркутскѣ и далѣе на запад. Благодаря матеріальной поддержкѣ, которую я мог оказать им из средств, отпускаемых мнѣ союзниками, эти организаціи крѣпли морально и матеріально, но я старался удержать их от активных выступленій, чтобы не рисковать созданной организаціей, не имѣя твердой увѣренности в успѣхѣ. Тѣм не менѣе, большевики были освѣдомлены о той скрытой работѣ, которая велась против них в восточной Сибири. Поэтому, опасаясь возстанія, они стягивали к Иркутску крупныя силы, совершенно обнажив западную Сибирь.

Маневренная гибкость частей О. М .О., благодаря двойному комплекту конскаго состава, вводила в заблужденіе противника и заставляла его сильно преувеличивать силы отряда.

Многія лица, мобилизованныя красными и служившія на их восточном фронтѣ, впослѣдствіи-же, послѣ ликвидаціи большевиков, продолжавшія службу в частях Дальневосточной арміи, свидѣтельствовали, что ликвидація О. М О. в это время отодвигала на второй план всѣ другія серьезныя задачи большевиков и в силу именно этого обстоятельства, большевики прозѣвали чехов и вызванное их выступленіем возстаніе в западной Сибири и на Волгѣ.

3.

ПЕРЕВОРОТ В СИБИРИ.

Выступленіе чехов. Письмо полковника Ушакова. Новое наступленіе О. М. О. Встрѣча с чехами. Первыя недоразумѣнія с ними. Приказ генерала Гайды и мой протест. Поѣздка генерала Хорвата в Штаб Гайды. Сибирское правительство. Мое подчиненіе ему. Свиданіе с генералом Пепеляевым и генералом Гайдой. Выступленіе генерала Хорвата. Интервенція, ея цѣли и задачи. Совмѣстныя дѣйствія с иппонскими частями. Роль американцев. Совѣтско-германскія отношенія. Несогласованность союзников. Оцѣнка интервенціи с русской точки зрѣнія. Занятіе Читы. Эвакуація соціалистов в Иркутск. Роль Дуника-Яковлева. Возникновеніе амурскаго фронта.

Около 20-го августа ко мнѣ пріѣхал из Иркутска посланец от полковника Ушакова, находившагося в рядах чехословацких

войск. В своем письмѣ полковник Ушаков просил меня немедленным движеніем на Читу отвлечь на себя силы красных, чтобы облегчить чехам проход по Сибирской желѣзной дорогѣ на восток.

Австрійскіе военноплѣнные славянских національностей, массами сдававшіеся русским войскам во время войны, были организованы в войсковыя части и вооружены еще при старом правительствѣ. Их предполагали использовать на фронтѣ, как солдат союзных нам держав — Италіи, Сербіи и вновь возрожденных к самостоятельной государственной жизни Польши и Чехословакіи. Послѣ октябрьской революціи и фактическаго прекращенія большевиками войны с германской коалиціей, положеніе этих бывших военноплѣнных, на которых германское командованіе, естественно, смотрѣло, как на государственных преступников, сдѣлалось совершенно невыносимым и они стремились во чтобы то ни стало выбраться из Россіи, чтобы принять участіе в продолжающейся еще войнѣ против германцев на западном фронтѣ. Под вліяніем нѣмцев, большевики начали чинить всякія препятствія стремленію чехов и прочих славян выбраться из Россіи и даже пытались разоружить их, слѣдствіем чего явилось вооруженное столкновеніе между обѣими сторонами. Часть чехов пробивалась на сѣвер, часть пошла на восток. По пути к ним примыкали мѣстныя офицерскія антибольшевистскія организаціи, которыя с помощью чехов вездѣ свергали совѣтскую власть. На мѣстѣ большевиков сейчас-же становились правительства из мѣстных общественных дѣятелей, зачастую совершенно несходных политическихъ взглядов и не связанныя между собою. Подходя к Иркутску, чехи наткнулись на сильное сопротивленіе со стороны большевистских войск, которыя были сняты с восточнаго фронта, полѣ отхода О. М. О. в Маньчжурію и, за исключеніем двух бригад, оставленных на границѣ, цѣликом брошены против чехов. В этих обстоятельствах, полковник Ушаков и послал мнѣ свое письмо с цѣлью установленія связи и координаціи дѣйствій частей чехов и О. М. О.

На другой же день послѣ полученія письма от полковника Ушакова, конныя части отряда из Хайлара были двинуты на Забайкалье походным порядком; пѣхота и техническія части двинулись по желѣзной дорогѣ. Быстрым рейдом конница О. М. О. заняла станцію Оловянная, захватив врасплох Штаб Лазо и разогнав его. Молніеносный разгром Штаба краснаго командованія внес полную растерянность в ряды войск, дѣйствовавших против чехов и дал послѣдним возможность легко преодолѣть сопротивленіе большевиков и занять Иркутск и Кругобайкальскую желѣзную дорогу.

Первая встрѣча с чехами произошла на станціи Оловянная, которая была занята конными частями О. М. О. под командой генерал-маіора Маціевскаго. Придя туда чехи потребовали от генерала Маціевскаго очистить станцію, о чем было немедленно донесено мнѣ. Я приказал своим частям оставаться на мѣстѣ и ожидать даль-

нѣйщих моих указаній. В это-же время, к своему удивленію, получаю донесеніе, что нѣсколько чешских солдат, слѣдуя пассажирским поѣздом на восток, распространяют прокламаціи, в которых был отпечатан приказ генерала Гайды о том, что генерал Хорват и я должны немедленно явиться в Штаб Гайды. Неисполненіе этого должно было повлечь за собою преданіе нас военно-полевому суду. Я немедленно послал телеграмму Гайдѣ с требованіем отмѣны опубликованнаго приказа и извиненія перед генералом Хорватом и мною и получил от него отвѣт, что никакого приказа о язкѣ генерала Хорвата или моей им не отдавалось и что им назначено разслѣдованіе этого случая. Солдаты-чехи были по моему приказанію задержаны и подвергнуты допросу. Они утверждали, что листовки с приказом ими были получены из Штаба генерала Гайды с приказаніем широко их распространять. Произведенное по моему приказанію разслѣдованіе установило, что солдаты на допросѣ показали правду, так как, помимо листовок, распространяемых ими, подобный приказ генерала Гайды из Оловянной, гдѣ он со своим Штабом находился, был передан по телеграфу в Маньчжурію и в Харбин. Таким образом, или генерал Гайда сознательно лгал, отрицая свою причастность к приказу, или он не был освѣдомлен о том, что дѣлалось у него в Штабѣ и приказ был выпущен без его вѣдома. Удостовѣрившись в том, что оскорбительный для русскаго командованія приказ, так или иначе, был дѣйствительно выпущен, я телеграфировал в Омск вновь образовавшемуся Сибирскому правительству, настаивая на отозваніи генерала Гайды и о назначеніи на его мѣсто русскаго генерала. Предсѣдатель правительства Вологодскій, сообщил мнѣ, что Гайда будет отозван, а на его мѣсто выѣзжает генерал Пепеляев.

Пока шли эти переговоры с генералом Гайдой и Сибирским правительством, на станцію Борзя, гдѣ я находился, вдруг совершенно для меня неожиданно, прибыл поѣзд генерала Хорвата. Как только я был освѣдомлен о прибытіи генерала, я пошел к нему в вагон. Из разговора я выяснил, что генерал Хорват направляется в Оловянную по телеграммѣ генерала Гайды. Я ознакомил Д. Л. Хорвата с тѣми переговорами, которые велись мною с Сибирским правительством по поводу совершенно неприличнаго приказа генерала Гайды и убѣждал генерала Хорвата воздержаться от поѣздки в Оловянную, тѣм болѣе, что Гайда должен был быть со дня на день замѣнен генералом Пепеляевым. Убѣдить генерала Хорвата мнѣ не удалось и он проѣхал в Оловянную для встрѣчи с Гайдой, послѣ чего я рѣшил прекратить всякую связь с Д. Л. Хорватом. Незадолго до этого, он объявил себя временным правителем Россіи и поѣздка его в Штаб Гайды, на мой взгляд, являлась совершенно недопустимой, так как выполняя слишком покорно требованія генерала Гайды, выраженныя к тому-же в столь неприличной формѣ, Хорват ронял свой престиж не только в качествѣ управляющаго К. В. ж. д. и комиссара

Русская Публичная БИБЛІОТЕКА въ Бѣлградѣ

Временнаго правительства, но и в качествѣ лица, претендующаго на власть во всероссійском масштабѣ.

В это время через станцію Борзя проѣзжал командированный Сибирским правительством эмиссар, г. Завадскій, который имѣл своим заданіем обслѣдованіе положенія на Дальнем Востокѣ и переговоры с генералом Хорватом и Дербером, претендовавшими на роль правительств, первый в Хабинѣ, а второй во Владивостокѣ и стремившимися к возглавленію всей освободившейся от совѣтской власти территоріи. Переговорив с Завадским, я рѣшил поѣхать в Оловянную для встрѣчи с генералом Пепеляевым, уже прибывшим туда и замѣнившим генерала Гайду. Предварительно я получил запрос Вологодскаго о признаніи мною возглавляемаго им Сибирскаго правительства в Омскѣ. Я телеграфировал, что если правительство намѣрено продолжать борьбу с большевиками до полнаго их уничтоженія, то не может быть никаких прѣпятствіи на пути моего полнаго подчиненія ему. Если-же оно рѣшит искать каких-нибудь компромиссных соглашеній с красными, то я вынужден буду оставить за собой свободу дѣйствій. В тот-же день я получил телеграмму от Вологодскаго, что правительство непреклонно рѣшило освободить страну от тираніи большевиков и что на этом пути оно не допускает никаких компромиссов, послѣ чего я офиціально заявил о полном своем подчиненіи правительству. Генерал Хорват был очень недоволен таким моим рѣшеніем, находя, что оно ослабило его позиціи в переговорах с Омском, но я считаю, что своей поѣздкой на поклон к Гайдѣ, генерал Хорват сдѣлал свою кандидатуру на пост правителя совершенно непріемлемой.

Оформив свои взаимоотношенія с правительством, я выѣхал в Оловянную и попросил свиданія с генералом Пепеляевым. Бесѣда наша продолжалась почти час, когда генерал поразил меня вопросом, сможет-ли он увидѣться с атаманом Семеновым и когда именно? Оказалось, что разговаривая со мною, он все время считал меня одним из офицеров, командированных атаманом, не подозрѣвая, что говорил именно со мною. Когда недоразумѣніе разъяснилось, генерал Пепеляев от имени правительства предложил мнѣ пост командующаго V отдѣльным Пріамурским корпусом, с мѣстонахожденіем моей главной квартиры в Читѣ. Ввиду выраженнаго мною согласія, немедленно была послана в Омск телеграмма о моем назначеніи.

Обсуждая сообща вопросы формированія національной арміи, я особенно просил генерала Пепеляева указать правительству на нежелательность какой-либо мобилизаціи, особенно на Дальнем Востокѣ. Я указывал правительству на опасность этого шага, при отсутствіи точнаго плана мобилизаціи, неорганизованности призывных пунктов, гдѣ должны были собираться мобилизованные, а также при полной недостачѣ вооруженія, обмундированія и снаря-

женія. Генерал Пепеляев согласился с моими доводами и обѣщал соотвѣтствующим образом обрисовать этот вопрос перед правительством, но, к сожалѣнію, мобилизація, без всякой предварительной подготовки к ней, была все-же объявлена и результаты получились в достаточной степени печальные. Собранные люди, разбитые на полки, не получая ни обмундированія, ни достаточнаго продовольствія, частью разошлись по домам, частью пополнили собою ряды разогнанных и притаившихся до времени большевиков. Мобилизація, на Дальнем Востокѣ, по крайней мѣрѣ, проведенная неумѣло и несвоевременно, была большой ошибкой со стороны правительства, возстановив против него наиболѣе молодой и энергичный слой населенія.

Во время моего собесѣдованія с генералом Пепеляевым, в вагон послѣдняго явился полковник чешских войск Гусарек, который передал нам приглашеніе от имени генерала Гайды к нему на обѣд. Пепеляев, в свою очередь, просил меня не отказываться от приглашенія и потому мы, всѣ трое, отправились к составу генерала Гайды.

Выйдя на перрон вокзала, я услышал чешскую команду и увидѣл салютовавшаго офицера, направлявшагося ко мнѣ. Не ожидая совершенно никакой встрѣчи, я указал офицеру на генерала Пепеляева, как на старшаго, но послѣдній пояснил мнѣ, что генерал Гайда приказал привѣтствовать почетным караулом именно меня. Тогда, приняв рапорт офицера, я обратился с нѣсколькими слозами к солдатам, составлявшим почетный караул и просил их понять общность наших цѣлей в борьбѣ с большевиками. Пропустив караул, который составляла рота, мимо себя церемоніальным маршем (она прошла, надо отдать справедливость, великолѣпно), мы всѣ вошли в вагон генерала Гайды, котораго я встрѣтил впервые.

Гайда оказался очень общительным человѣком и интереснымсобесѣдником. Он подѣлился своим удивленіем, что генерал Хорват поспѣшил явиться к нему, даже не выяснив подлинность пресловутаго приказа, который, как оказалось, явился какой-то непонятной провокаціей, направленной, очевидно, на то, чтобы испортить отношенія между русским и чешским командованіем. Впечатлѣніе и от обѣда, и от его хозяина, у меня осталось очень хорошее и, когда через два дня генерал Гайда прибыл с отвѣтным визитом ко мнѣ на Борзю, я встрѣтил его с подобающим почетом и вниманіем, приличествующим ему, как генералу союзной с нами арміи.

Тѣм временем, карьера генерала Хорвата в роли Всероссійскаго Правителя, закончилась так же незамѣтно, как она и началась.

В іюлѣ 1918 года, когда борьба с большевиками как в Забайкальи, так и в Приморьи, гдѣ дѣйствовал отряд есаула Калмыкова, подчинявшійся мнѣ, была в полном разгарѣ, генерал Хорват рѣшил, наконец, вступить на путь активной политики против большевиков и запросил моего мнѣнія по этому вопросу. Я обѣщал ему

свою поддержку и командировал в распоряженіе его С. А. Таскина и А. В. Волгина как опытных администраторов для замѣщенія министерских должностей в правительствѣ, которое будет возглавляться генералом Хорватом. Послѣ этого я неоднократно настаивал на срочности образованія правительства, непремѣнно на россійской территоріи. Генерал все колебался и дотянул до того, что в Приморьи его опередило своим появленіем правительство Дербера. Послѣ этого только генерал Хорват рѣшился выѣхать в Гродеково и позднѣе во Владивосток, гдѣ он снова долго не рѣшался чѣм-нибудь проявить себя, пока не образовалось Омское правительство. Только послѣ этого генерал Хорват ликвидировал свой кабинет и спокойно вернулся в Харбин, заняв снова свое положеніе Главноначальствующаго в полосѣ отчужденія К. В. ж. д.

Таким образом, на линіи рѣки Онона, моей родной рѣки, я закончил свои самостоятельныя операціи против большевиков, встрѣтившись в Оловянной с частями только что образовавшагося Сибирскаго правительства и чехов. Истекло десять мѣсяцев борьбы с красным интернаціоналом, когда образовалась національная власть в Омскѣ и когда союзныя державы приняли рѣшеніе активно вмѣшаться в русскія дѣла, предприняв интервенцію в Сибирь. Я затрудняюсь сказать, какія именно цѣли преслѣдовали державы, посылая свои войска в Сибирь. Несомнѣнно, какая-то общая, хотя бы и неглубокая, договоренность должна была существовать, хотя в отношеніях представителей различных держав к русским націоналистам и красным, с одной стороны, и между собой, с другой, в теченіе всего времени интервенціи, приходилось наблюдать полный разнобой.

Впервые мы встрѣтились с союзниками в самом началѣ октября 1918 года, когда 7-ая дивизія Императорской Ниппонской арміи, под командой генерал-лейтенанта Фудзій, прибыла в Забайкалье. Конныя части О. М. О., совмѣстно с ниппонскими кавалерійскими частями, под общим руководством Генеральнаго Штаба капитана Андо, форсировали переправы через широко разлившійся Онон, мост через который был взорван красными. Там снова было закрѣплено то братство по оружію, которое является залогом грядущаго братскаго союза двух великих націй и там мы, русскіе націоналисты, хорошо узнали ниппонцев и научились цѣнить и уважать их. Представители ниппонскаго командованія всегда стремились поддерживать порядок в предѣлах занятой ими зоны и строго слѣдили за тѣм, чтобы никакія антинаціональныя группировки не смогли организоваться и проявлять себя за их спиной.

В то же время, американцы, своим безобразным поведеніем всегда вносили безпорядок, вызывая глубокое недовольство населенія. За исключеніем нѣкоторых отдѣльных лиц, как напримѣр, маіора Боррос, который отлично понимал наши задачи и гибельность комму-

низма, и душою был с нами, большинство американцев, во главѣ с генерал - маіором Грэвсом, открыто поддерживали большевиков, включительно до посылки одиночных людей и группами с информаціей и разнаго рода порученіями к красным. Их незнакомство с существовавшим в Россіи положеніем было настолько разительно, что они совершенно искренне изумлялись, почему русскіе так упорно сопротивляются власти «самой передовой и прогрессивной партіи», предпочитая ужасы царской деспотіи просвѣщенному правленію коммунистическаго интернаціонала. Я полагаю, что причиной этому был весьма низкій моральный уровень американских солдат, посланных в Сибирь и недостаточная дисциплина в американской арміи. В большинствѣ своем, солдаты американских частей, осуществлявших интервенцію, являлись дезертирами Великой войны, набранными в концентраціонных лагерях на Филиппинах и представляли собою почти исключительно выходцев из Россіи, бѣжавших или от преслѣдованія закона, или от воинской повинности. Из Россіи они не вынесли ничего, кромѣ ненависти к бывшему своему отечеству и государственному устройству его, поэтому понятно, что всѣ их симпатіи были на сторонѣ красных. Нас-же, русских націоналистов, они считали сторонниками стараго режима и потому относились к нам с такой-же ненавистью, с какой они относились и к національной Россіи. Я не знаю, кто такой был генерал-маіор Грэвс, но образ его дѣйствій, несомнѣнно своевольных, потому что трудно допустить, чтобы правительство инструктировало Грэвса открыто и постоянно во всем противодѣйствовать русским націоналистам, указывает на то, что по своему моральному уровню он недалеко ушел от своих солдат. Несомнѣнно одно, что та непріязнь, которая осталась у нас, русских, в отношеніи американцев, должна быть отнесена нами не за счет американскаго народа, но за личный счет генерал-маіора Грэвса, преступный образ дѣйствій котораго возстановил против американцев весь національно - мыслящій элемент Сибири.

Надо полагать, что истинная причина интервенціи держав в Сибирь заключалась в необходимости: 1) создать препятствія на пути полнаго сближенія Германіи с совѣтами, которое считалось вѣроятным в результатѣ Брест-Литовскаго мирнаго договора и 2) дать возможность нѣскольким десяткам тысяч чехов, которых большевики, по настоянію германскаго Генеральнаго Штаба не хотѣли выпускать из Россіи, пробиться к Владивостоку и Архангельску для дальнѣйшаго направленія их на западный фронт.

Союзники, несомнѣнно, учитывали, что послѣ полной капитуляціи совѣтов в Брест-Литовскѣ, Германія может получить в свое распоряженіе неисчерпаемые запасы россійскаго сырья, что даст ей возможность благополучно довести до конца затянувшуюся войну. Но союзники, как и германцы, не понимали сущности большевизма и строили свои расчеты на неправильной предпосылкѣ возможности

мирнаго сотрудничества буржуазнаго правительства Германіи с коммунистическим интернаціоналом, в лицѣ совѣта народных комиссаров, который стремился лишь к созданію повсюду рѣзких противорѣчій между народами и классами населенія в интересах исключительно міровой пролетарской революціи. Несмотря на всѣ мѣры профилактики, принятыя нѣмцами с присущими им аккуратностью и педантизмом, Германія очень скоро убѣдилась, что создав и финансировав большевизм в Россіи, она сама не избѣгла заразы и что идеи большевиков о том, что война нужна лишь помѣщикам и офицерам, нѣмецкіе солдаты воспринимали не менѣе охотно, чѣм их русскіе собратья. Брест-Литовскій мир, сблизившій совѣты с Германіей, чрезвычайно усилил германскую соціал-демократію и дал ей превалирующее вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю политику страны. В результатѣ, твердость германских позиціій была поколеблена, сила сопротивляемости страны, под вліяніем соціалистической пропаганды, понизилась и правительство Императора Вильгельма пало жертвой той силы, которую оно само вызвало и которая, сдѣлав свое гнусное дѣло в Россіи, обратилась против породившей ее Германіи. Как только неувязка во взаимоотношеніях Германіи и совѣтов была полностью выявлена, послѣдніе признаки согласованности политики союзников в отношеніи Россіи исчезли. Каждая нація проводила свою программу и интервенція не только не принесла пользы національной Россіи, но оказала ей непоправимый вред, усилив большевиков и внеся развал в дѣло снабженія и желѣзнодорожнаго транспорта в тылу національных армій.

Для русских націоналистов вмѣшательство союзников и интервенція, предпринятая ими, имѣли-бы смысл, если-бы союзники подкрѣпили ими свои требованія к агентам германскаго Генеральнаго Штаба, засѣвшим в Кремлѣ, о немедленной передачѣ власти національным русским элементам и оставленіи территоріи Россіи, как страны, находившейся в извѣстных договорных обязательствах к противогерманской коалиціи. Это было-бы вполнѣ честно в отношеніи національной Россіи, которая была вправѣ разсчитывать на лойяльность союзников, взиду колоссальных жертв, принесенных ею на пользу общаго дѣла, и вполнѣ оправдало-бы интервенцію в глазах національно - мыслящей Россіи.

Если бы наши союзники вели опредѣленно четкій курс своей политики в отношеніи Россіи, то послѣвоенный кризис во всѣх странах был бы давно изжит, ибо продолжающаяся фактически и понынѣ изоляція Россіи из мірового экономическаго общенія, является безусловной и основной причиной міровой депрессіи послѣдних десятилѣтій. Пора, наконец, понять, что большевики органически не могут стать на путь свободнаго экономическаго сотрудничества с другими странами, ибо это положит конец их вла-

сти в Россіи и заставит отказаться от утопической идеи мировой революціи, которая в нашу эпоху, при всѣх обстоятельствах, возродиться не может. Поскольку интервенція была-бы обоснована в достиженіи изложенных цѣлей, она получила-бы совершенно другое значеніе и послѣдствія. Совершенно иная судьба постигла-бы и національныя группировки, возникшія на протяженіи всей территоріи Сибири и преждевременно вызванныя к жизни вооруженным конфликтом, возникшим между чехами и совѣтской властью.

В началѣ октября 1918 года конныя части 7-ой Ниппонской дивизіи О. М. О. заняли Читу и немедленно выдвинули заслоны на линію Амурской желѣзной дороги, куда бросились красные, вынужденные очистить желѣзнодорожную магистраль и прилегающую к ней мѣстность.

С занятіем нами Читы, я увидѣл, что за короткое властвованіе там большевиков, населеніе было обобрано реквизиціями и налогами, которые собирались не только деньгами, но и натурой. Потребовалось принять мѣры к подвозу продовольствія и всего необходимаго для населенія с первых-же дней освобожденія Читы от красных. Послѣдствіем занятія мною Читы явилась спѣшная эвакуація из нея всѣх соціалистических организацій в Иркутск. Вначалѣ это явленіе казалось совершенно необъяснимым, так как до сего времени я не отказывался от сотрудничества с соціалистами и один из лидеров партіи с.-р., Краковецкій являлся моим сотрудником по связи с антибольшевистскими организаціями Иркутска. Узнав о бѣгствѣ соціалистов, я принял к выясненію причин этого явленія кое-какія мѣры, кои привели к совершенно неожиданным доказательствам двойственной политики соціалистов, желавших застраховать себя с обѣих сторон. Было совершенно неопровержимо установлено, что иркутскій губернатор Дунин-Яковлев, назначенный на этот пост Сибирским правительством, сотрудник Авксентьева и старый работник партіи соціалистов-революціонеров, с перваго дня своего назначенія завязал сношенія с большевиками, ушедшими на Амурскую дорогу, и начал снабжать их продовольствіем и оружіем через Тунку, направляя туда-же одиночных людей и мелкія партіи разсѣянных большевиков.

При таком положеніи, Амурскій фронт в скором времени пріобрѣл важное значеніе и привлек к себѣ значительныя части наших воинских сил, в частности, весь 1-й Казачій корпус, а затѣм и пѣхоту. В восточной части Амурской области доблестные амурскіе казаки под руководством своего войского атамана Гамова успѣшно вели дѣло борьбы с большевиками но силы их были далеко недостаточны. Атаман Калмыков, во главѣ славных уссурійцев, очистил от красных Приморье и прилегающую часть Пріамурья и вел организаціонную работу по усиленію своего отряда в Хабаровскѣ.

В Забайкальѣ положеніе, в общем, было твердое, но в 1-м

военном отдѣлѣ, генерал-маіор Шильников и генерал-маіор Комаровскій приняли рѣшеніе не подчиняться мнѣ и увели из Троицкосавска квартировавшую там бригаду в Иркутск. Этим они дали возможность красным обосноваться в Чикоѣ и в притраничном раіонѣ Монголіи.

К сожалѣнію, здѣсь повторилось то, с чѣм мнѣ приходилось уже сталкиваться в первый період борьбы с красными: вся суть наших неудач зависѣла от противодѣйствія своих единомышленников в большей степени, чѣм от достигаемых большевиками успѣхов.

4.

КОНФЛИКТ С ОМСКОМ.

Поѣздка генерала Нокса и адмирала Колчака в Омск. Мой разговор с Ноксом. Переворот в Омскѣ. Преданіе суду руководителей переворота. Мое мнѣніе об адмиралѣ. Возникновеніе конфликта. Приказ № 61. Мое рѣшеніе. Переговоры с генералом Волковым. Делегація Омска в Читѣ. Комиссія по разслѣдованію моей дѣятельности. Неожиданные результаты разслѣдованія. Отмѣна приказа № 61. Переговоры с адмиралом. Мой план дальнѣйшей борьбы на фронтѣ. Неудачное операціонное направленіе Сибирской арміи. Ошибки внѣшней политики. Разстройство тыла.

Правительственный центр, образовавшійся в Омскѣ, привлек к себѣ вниманіе всего міра и много иностранцев, офиціальных представителей, военных и дипломатов, журналистов, купцов и просто любопытных, ежедневно проѣзжало Читу, направляясь в Омск. Все это было вновѣ и разсматривалось большинством как рѣшеніе союзников помочь русской національной власти стабилизировать нормальное положеніе в странѣ.

В началѣ октября мѣсяца, совершенно для меня неожиданно, пришел ко мнѣ пѣшком с вокзала англійскій генерал Нокс. Он сообщил мнѣ, что направляется в Омск, и в разговорѣ изложил свой взгляд на нашу борьбу с большевиками. К концу разговора Нокс задал мнѣ вопрос о моих отношеніях с адмиралом Колчаком. Я знал, что факт моего столкновенія с адмиралом в бытность послѣдняго командующим русскими войсками в полосѣ отчужденія К. В. ж. д., а также и причины, вызвавшія это столкновеніе, были отлично извѣстны генералу Ноксу, поэтому я не счел нужным скрывать перед ним что-либо в этом вопросѣ и совершенно откровенно изложил ему всю исторію моих взаимоотношеній с Харбином, не скрывая и собственных ошибок. Генерал Нокс внимательно выслушал меня и под конец спросил, как я смотрю на возможное назначеніе адмирала военным министром Омскаго правительства. Я отвѣтил, что это будет встрѣчено с полным удовлетвореніем как мною,

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

АДМИРАЛ КОЛЧАК.

тах и подчиненными мнѣ частями, ибо военно-административный опыт адмирала и его рѣшительность и энергія в дѣлѣ возстановленія русскаго флота послѣ Русско-Ниппонской войны находятся внѣ всякаго сомнѣнія. В должности военнаго министра адмирал будет на мѣстѣ, но назначеніе его на роли верховнаго руководства политикой страны, или ея арміей, было-бы весьма неудачным, вслѣдствіе многих причин, из коих, главнѣйшими, пожалуй, были личныя качества адмирала: его прямолинейность, нетерпимость к другим мнѣніям, малая гибкость в вопросах внѣшней политики, в которых личныя симпатіи обычно переплетаются с интересами страны, а также его податливость посторонним вліяніям. Генерал Нокс сообщил мнѣ, что адмирал ѣхал на запад совмѣстно с ним в спеціальном поѣздѣ, но пожелал сохранить инкогнито и потому просил о своем проѣздѣ мнѣ не говорить. В силу этих причин, я не имѣл возможности посѣтить его, чтобы не нарушить довѣрія, оказаннаго мнѣ генералом Ноксом.

На слѣдующій день поѣзд ушел на запад, а нѣкоторое время спустя, причем очень короткое время, стало извѣстно о назначеніи адмирала Колчака военным министром, что было встрѣчено с полным удовлетвореніем всѣми военными кругами у нас.

Прошло около мѣсяца, когда была получена неожиданная телеграмма о переворотѣ, происшедшем в Омскѣ, об арестѣ Директоріи и провозглашеніи адмирала Колчака Верховным Правителем. Никакой предварительной информаціи, освѣщающей обстановку и поясняющей причины происшедшаго переворота и основанія для врученія всей полноты верховной власти именно адмиралу, получено не было и извѣстіе о происшедшем явилось для нас совершенно неожиданно. Вслѣд за извѣщеніем о переворотѣ, мною была получена вторая телеграмма о преданіи военному суду Катанаева, Красильникова и Волкова за арест Директоріи и убійство одного из членов ея. Зная, что всѣ перечисленные офицеры, принадлежавшіе к Сибирскому казачьему войску, являлись одними из иниціаторов и первых участников вооруженной борьбы с красными, я рѣшил вмѣшаться в их судьбу и постараться избавить от суда за поступок, носившій высоко патріотическій характер.

Мое мнѣніе об адмиралѣ Колчакѣ было вполнѣ опредѣленно и я его уже высказал генералу Ноксу. Считая его весьма способным администратором, что он и доказал, проведя коренную ломку в нашем морском вѣдомствѣ послѣ Русско-Ниппонской войны; признавая его горячую любовь к родинѣ и готовность на всякія жертвы во имя ея, я тѣм не менѣе не был увѣрен, что адмиралу удастся справиться с ролью Всероссійскаго диктатора в той сложной обстановкѣ столкновенія самых противоположных интересов и стремленій, которая создалась в Омскѣ. Вопреки ходячему мнѣнію о несокрушимой волѣ адмирала и его желѣзном характерѣ, я считал его

человѣком весьма мягким, податливым вліянію окружающей обстановки и лиц и потому, учитывая его рѣзко выраженныя англо-французскія симпатіи, не сомнѣвался, что адмирал всецѣло подпадет под вліяніе наших западных союзников, интерес которых к судьбам національной Россіи должен был погаснуть вмѣстѣ с окончаніем Великой войны и ликвидаціей военнаго сотрудничества членов противогерманской коалиціи.

Поэтому выражая полную свою солидарность с произведенным в Омскѣ переворотом, я счел своим долгом выразить сомнѣніе в цѣлесообразности назначенія адмирала Колчака Верховным Правителем, вслѣдствіе несоотвѣтствія его характера и личных качеств тѣм требованіям, которыя должны предъявляться к столь отвѣтственному назначенію. Я высказал пожеланіе видѣть во главѣ правительства генерала Деникина, генерала Хорвата или, наконец, атамана Дутова. Одновременно я просил о командированіи всѣх трех офицеров, арестованных в связи с произведенным переворотом, в мое распоряженіе, ручаясь за то, что в борьбѣ с общим врагом, они искупят свою вину и принесут большую пользу родинѣ и бѣлому дѣлу.

В отвѣт на эту телеграмму я получил короткій отвѣт, подписанный генералом Лебедевым: «Не ваше дѣло вмѣшиваться в дѣла Верховнаго Правителя.» Я был в то время командиром отдѣльнаго корпуса и потому подобное содержаніе отвѣта, отправленнаго к тому же без всякаго шифра, невозможно было истолковать какнибудь иначе, как умышленным подрывом моего авторитета в глазах арміи и населенія. Послѣ такого шага Ставки, я счел необходимым болѣе настойчиво ходатайствовать об освобожденіи от суда трех офицеров-сибиряков. Текст посланной мною в Омск телеграммы был немного менѣе рѣзок, чѣм полученный мною, но я находил оправданіе в стремленіи спасти жизнь трех казаков, патріотическое выступленіе которых, совершенно не касаясь личности адмирала, высоко оцѣнивалось мною и всѣми національно мыслящими кругами Сибири. Вмѣстѣ с тѣм, я обратился на имя адмирала Колчака с жалобой на недопустимый тон переписки, который принял без всякаго повода с моей стороны его начальник Штаба, генерал Лебедев. Вмѣсто всякаго отвѣта на эти обращенія, я был вызван Лебедевым к прямому проводу. Не давая мнѣ никаких объясненій, ни поясненій случившагося, не информируя меня нисколько об обстановкѣ, генерал Лебедев задал мнѣ категорическій вопрос о признаніи моем адмирала Колчака Верховным Правителем и на мое замѣчаніе, что прежде я должен получить исчерпывающую информацію и быть ознакомлен хотя-бы в общих чертах с намѣреніями и линіей поведенія новаго правительства, генерал Лебедев прервал разговор и отошел от аппарата. Через два дня послѣ этого я получил текст приказа № 61, которым я объявлялся измѣнником, отрѣшался от

всѣх занимаемых должностей и предавался военному суду. Мнѣ инкриминировали разрыв связи между чехами, находившимися в западной Сибири и во Владивостокѣ, задержку боевого снаряженія и вооруженія, идущаго с востока на сибирскій фронт и, наконец, бунт противъ существовавшаго в странѣ государственнаго строя.

Из всѣх предъявленных мнѣ обвиненій, только первое имѣло нѣкоторыя основанія, так как я, дѣйствительно, запретил чехам сноситься шифром и пользоваться прямым проводом, вслѣдствіе того, что они передавали своим шифром депеши для большевиков их представителю в Пекинѣ Виленскому и для командованія красным амурским фронтом через Харбин.

Что касается задержки военных грузов для Омска, то таковой не только никогда не было, но, наоборот, я бронепоѣздами проталкивал их из Харбина до станціи Мысовой, Кругобайкальской желѣзной дороги.

Не чувствуя за собой никакой вины, я считал крайне несправедливым такое незаслуженное оскорбленіе и моим первым рѣшеніем было уйти в Монголію, в Ургу, оставив за себя замѣстителя в Читѣ и взяв с собою только кадровыя части своего Особо Маньчжурскаго Отряда. В качествѣ временнаго, до послѣдующаго назначенія Омском, своего замѣстителя, я рѣшил оставить генерал-лейтенанта Д. Ф. Семенова, как старшаго по службѣ военачальника в частях моих войск. О своем рѣшеніи я донес в Омск, прося распоряженій генералу Семенову. На слѣдующій-же день послѣ того, как о принятом мною рѣшеніи были освѣдомлены командиры частей, я получил ходатайства почти от всѣх офицеров корпуса о зачисленіи их в состав О. М. О., мотивированныя тѣм обстоятельством, что в отношеніи приказа № 61, они считали себя вполнѣ солидарными со мной. Тогда-же я получил достовѣрныя свѣдѣнія, что IV-ый Сибирскій корпус в Иркутскѣ, под командой генерал-маіора Волкова, должен начать карательную экспедицію противъ меня. По наведенным справкам, это был тот самый Волков, который принял участіе в переворотѣ и за котораго я так рѣшительно заступился перед Верховным Правителем, спасая его и его компаньонов от военнаго суда. Как оказалось, весь вопрос с преданіем суду виновников переворота, явился простой инсценировкой, о чем я не был своевременно поставлен в извѣстность, благодаря неудовлетворительной службѣ связи в Штабѣ Верховнаго Правителя, или вслѣдствіе того, что высшіе чины Ставки мнѣ не довѣряли и потому не сочли нужным поставить меня в извѣстность о намѣченном переворотѣ и послѣдующих мѣрах.

Трудно сказать, чѣм, в данном случаѣ, руководствовалась Ставка, тѣм болѣе, что моя политическая благонадежность, как будто, была внѣ всяких сомнѣній. В результатѣ получился рѣзкій конфликт между Читой и Омском, в котором я не мог признать себя

ни в какой степени виновным, так как я совершенно не был в курсѣ омских настроеній и политической обстановки. Генерал Лебедев, вмѣсто того, чтобы правильно освѣтить мнѣ происшедшій переворот и причины, вызвавшія врученіе власти именно адмиралу Колчаку, чего я вправѣ был ожидать от него, явился главным иниціатором конфликта и наиболѣе активным моим противником в Омскѣ. Я никогда раньше не встрѣчался с генералом Лебедевым и потому мнѣ было совершенно непонятно стремленіе его поссорить меня с Верховным Правителем. С его стороны было сдѣлано все, чтобы держать меня в полном невѣдѣніи о причинах, вызвавших переворот в Омскѣ, и мое мнѣніе, что адмиралу, при его данных, трудно будет справиться с предстоящей ему задачей, было им истолковано, как акт государственной измѣны и бунт против существовавшей в странѣ власти, власти, которая сама только что народилась путем бунта группы молодых офицеров против Директоріи.

Узнав, что части IV-го корпуса уже получили приказ о погрузкѣ, я рѣшил вызвать к прямому проводу генерала Волкова и путем непосредственных переговоров с ним выяснить создавшуюся обстановку. Волков подтвердил, что он, дѣйствительно, имѣет приказ о движеніи на восток и, как солдат, намѣрен безпрекословно исполнить волю Верховнаго Правителя. На это я заявил Волкову, что мною отдано категорическое приказаніе своим частям ни при каких обстоятельствах не вступать в бой с частями IV-го корпуса и не препятствовать их продвиженію в Забайкалье. Я также освѣдомил генерала Волкова, что намѣрен ожидать его прибытія в Читѣ и предупредил его, что лучшим выходом из положенія будет, если он возбудит перед Верховным Правителем ходатайство о пріостановкѣ движенія частей IV-го корпуса, ввиду того, что я не собираюсь не подчиняться власти и готов уйти в Монголію, если являюсь неугодным ей. Кромѣ того, я указал генералу Волкову, что имѣю основаніе полагать: 1) что союзники ни в коем случаѣ не допустят каких-либо столкновеній на линіи желѣзной дороги и, 2) что части IV-го корпуса не исполнят приказа о выступленіи против меня, так как из Иркутска в Читу ежедневно прибывает большое количество офицеров, которые просят о назначеніи их в части моего Особаго Маньчжурскаго отряда. Я предупредил Волкова, что в концѣ концов дѣло может кончиться полной дискредитаціей власти, что мы оба обязаны предотвратить в столь отвѣтственный момент хотя-бы в интересах сохраненія дисциплины в рядах возрождаемой національной арміи.

Волков мнѣ отвѣтил, что он ничего не будет докладывать Верховному Правителю, находя, что не его дѣло вмѣшиваться в область политики, а лишь исполнит имѣющійся у него приказ. Меня возмутило столь глубокое непониманіе обстановки и я рѣзко отвѣтил Волкову, что считал его болѣе умным человѣком, чѣм он

оказался. На этом переговоры, конечно, были прерваны.

Как я и предполагал из карательной экспедиціи не вышло ровно ничего. Помимо того, что я был освѣдомлен о представленіи, которое на этот счет было сдѣлано представителями союзнаго командованія в Омскѣ, на погрузку в назначенное время явилась одна учебная команда какого-то полка, весь же корпус, в цѣлом, отказался идти драться с моими частями, ссылаясь на негодность частей к походу и отсутствіе офицерскаго состава. В это время, полковник Тирбах, вступившій послѣ меня в командованіе О. М. О. формировал при Штабѣ отряда уже 2-ую офицерскую роту, ввиду переизбытка офицеров и невозможности всѣм им предоставить командныя должности, соотвѣтственно их чинов и опыта.

В результатѣ, благодаря тупому, до преступности, отношенію к дѣлу генерала Волкова, получился, как я и предвидѣл, большой конфуз для Омска и ввиду провала вооруженной экспедиціи Штабом IV-го корпуса в Читу была командирована делегація в составѣ войскового старшины Красильникова, есаула Катанаева и Ген. Штаба капитана Бурова. Делегація была принята мною тотчас по ея прибытіи в Читу и я ознакомил членов ея с истинным положеніем дѣла. Они были весьма односторонне информированы Ставкой Верховнаго Правителя и искренне считали меня виновным во всѣх тѣх обвиненіях, какія возводил на меня приказ № 61. Красильников и Катанаев являлись главными участниками Омскаго переворота и они посвятили меня в ту обстановку, которая предшествовала перевороту и которая вынесла адмирала Колчака на роль вождя и руководителя Бѣлаго движенія во всероссійском масштабѣ. Как и можно было предполагать англо-французскія симпатіи и связи адмирала сыграли в этом рѣшающую роль и мои собесѣдники были очень разочарованы, когда я высказал им свое мнѣніе о наших союзниках и о той оріентаціи, которой слѣдовало придерживаться в интересах нашей страны и ея освобожденія от большевиков.

Послѣ приказа № 61, я, естественно, не мог оставаться на моем посту, ибо оцѣнка моей дѣятельности, как перваго, поднявшаго знамя борьбы с коминтерном, была квалифицирована, как измѣна и мнѣ было поставлено в вину, что я рѣшительно возстал против своеволія чехов на русских желѣзных дорогах, запретив им безконтрольно пользоваться телеграфными проводами и имуществом, на которое они привыкли смотрѣть, как на свою собственность. Своим преслѣдованіем безобразій, творимых чехами, я возстановил против себя соціалистов-революціонеров, тѣсно связанных с чешским центром в Сибири и ту часть омскаго генералитета, которая старательно заискивала перед иностранным командованіем и чехами. С другой стороны, я не мог немедленно привести в исполненіе свое рѣшеніе об уходѣ в Монголію, так как ниппонское командованіе рѣшительно воспротивилось этому моему намѣренію, находя, что

осуществленіе его поставило бы всю Забайкальскую область и линію желѣзной дороги под удар со стороны Амурской области. В результатѣ всего этого я был вынужден временно оставаться в Читѣ, ожидая прибытія спеціальной слѣдственной комиссіи, о назначеніи которой я просил Омск немедленно послѣ того, как конфликт разразился.

Комиссія под предсѣдательством генерал-леитенанта Катанаева и в составѣ пяти членов военных и гражданских юристов, в числѣ коих был и военный юрист генерал-маіор Нотабеков, прибыла в Читу и немедленно приступила к работѣ. Ей была предоставлена полная возможность знакомиться со всѣми дѣлами всѣх, без исключенія, учрежденій и частей. Послѣ тщательнаго разслѣдованія, комиссія установила, что военные грузы не только никогда не задерживались мною, но экстренными мѣрами, внѣ всякой очереди проталкивались по Забайкальской жел. дорогѣ до станціи Мысовой. Нѣкоторая задержка происходила вслѣдствіе того, что на К. В. ж. д. нехватало вагонов и агенты заготовительных органов Омска допускали злоупотребленія, уступая предоставляемые им вагоны, за соотвѣтствующее вознагражденіе частным предпринимателям, которые везли в Сибирь самые разнообразные товары с чисто спекулятивными цѣлями. В Омскѣ ряд высших чинов Управленія Военных Сообщеній был предан суду за спекуляцію вагонами и суд вынес обвиняемым очень суровый приговор, смягченный адмиралом. Комиссія генерал-лейтенанта Катанаева открыла также, что распоряженіем иркутскаго губернатора Дунина-Яковлева, который, как я указал выше, будучи соціалистом-революціонером, находился в непримиримой оппозиціи правительству и втихомолку сотрудничал с красными партизанами, часть вооруженія и снаряженія снималась на станціи Иннокентьевская, якобы для нужд мѣстнаго иркутскаго гарнизона. Для меня, однако, не было секретом, что все задержанное имущество направлялось не в Иркутск, а в партизанскіе отряды Щетинкина, Калашникова и др. Почти все вооруженіе и обмундированіе, шедшее из Америки, не без вѣдома генерала Грэвса, яраго противника Омскаго правительства, передавалось из Иркутска красным партизанам. Дѣло являлось настолько безобразным с точки зрѣнія морали и элементарной порядочности американских представителей в Сибири, что министр иностранных дѣл Омскаго правительства Сукин, являясь большим американофилом, с трудом смог замять начавшійся было разгораться скандал.

Комиссія, в результатѣ тщательнаго изслѣдованія всего слѣдственнаго матеріала, пришла к заключенію, что всѣ обвиненія, предъявленныя мнѣ, не имѣли под собой никаких основаній и приказ № 61, в лучшем случаѣ, являлся печальной ошибкой, введеннаго в заблужденіе Верховнаго Правителя.

В это время лѣвыми соціалистами-революціонерами было произведено покушеніе на меня и я был довольно тяжело ранен. Верховный Правитель, освѣдомившись о моем раненіи и о результатах слѣдствія, не только отмѣнил приказ № 61 и возстановил меня во всѣх правах, но вскорѣ-же произвел меня в чин генерал-маіора и назначил командующим войсками Читинскаго военнаго округа. В октябрѣ мѣсяцѣ 1919 года послѣдовало назначеніе меня военным губернатором Забайкальской области и помощником Главнокомандующаго вооруженными силами Дальняго Востока и Иркутскаго военнаго округа, каковым являлся генерал Розанов, имѣвшій свою главную квартиру во Владивостокѣ.

О том, что конфликт мой с Омском был вызван недоразумѣніем и, главным образом, интригами ген. Лебедева, говорит и сам адмирал в показаніях своих, данных им чрезвычайной слѣдственной комиссіи в Иркутскѣ. Привожу выдержки из этих показаній в той их части, которыя касаются меня. (Центроархив. Допрос Колчака. Стенографическая запись. Государственное издательство. Ленинград. 1925 г. Допрос 6-го февраля 1920 г., стр. 194, 195, 196.).

«...Вслѣд за тѣм вечером, в то время, когда мы потребовали прямой провод во Владивосток для переговоров с Номсом, мнѣ доложили, что прямого провода нѣт, что Чита прервала сообщеніе. Я предложил начальнику Штаба выяснить этот вопрос. На это мнѣ отвѣтили СОВЕРШЕННО НЕОПРЕДѢЛЕННО, ГОВОРИЛИ, ЧТО НИКАКОГО ПЕРЕРЫВА НѢТ, А ВСЕ-ТАКИ МЫ НЕ МОЖЕМ ПОЛУЧИТЬ ВЛАДИВОСТОК; было ясно (?), что перерыв находится в Читѣ.»

«..Затѣм я получил извѣстіе, которое ПОТОМ ОКАЗАЛОСЬ НЕДОРАЗУМѢНІЕМ, но тогда на меня произвело впечатлѣніе чрезвычайно серьезное: это была первая угроза транспорту с оружіем, обувью и т. д., задержанному гдѣ-то на Заб. ж. д. Впослѣдствіи оказалось, что это было не предумышленной задержкой, а задержкой благодаря непорядкам на линіи; мнѣ же доложили это так, что я поставил это в связь с перерывом сообщенія и рѣшил, что дѣло становится очень серьезным, что Семенов уже задерживает не только связь, но задерживает доставку запасов.»

На вопрос одного из членов чрезвычайной слѣдственной комиссіи (Алексѣевскаго) — А вашего приказа о лишеніи Семенова должности вы не отмѣняли? — Адмирал Колчак отвѣтил: «Нѣт, не отмѣнял; я отмѣнил его послѣ слѣдственной комиссіи, когда Катаиев вернулся и, произведя разслѣдованіе, сказал, что ФАКТА И НАМѢРЕНІЯ со стороны Семенова прервать связь и ничего не доставлять на фронт НЕ БЫЛО, и что все это было помимо него.»

Послѣ ознакомленія с результатами работы слѣдственной комиссіи и моими докладами о положеніи на Дальнем Востокѣ,

Русская Публичная Библіотека

адмирал окончательно убѣдился в полной вздорности всѣх возводимых на меня обвиненій в нарушеніи связи, нежеланіи подчиняться и в стремленіи к полной изоляціи Дальняго Востока от Омска. Он понял, что всѣ эти обвиненія — результат интриг честолюбцев, считавших себя болѣе достойными тѣх постов, кои занимались мною. Поэтому, послѣ ликвидаціи конфликта, адмирал довольно часто вызывал меня к прямому проводу и спрашивал моего мнѣнія по поводу тѣх или иных намѣченных им мѣропріятій. Первый вызов послѣдовал в началѣ іюня 1919 года, когда мнѣ было предложено высказать свое мнѣніе по цѣлому ряду вопросов, в связи с движеніем на Пермь генерала Гайды. Позднѣе адмирал просил меня воздѣйствовать на братьев Пепеляевых, вставших на путь сибирскаго сепаратизма послѣ того, как армія генерала Пепеляева была отведена в тыл и расположена в раіонѣ Томска и ст. Тайга. По этому случаю мною были посланы телеграммы премьер-министру Пепеляеву и его брату, генерал-лейтенанту Пепеляеву о необходимости тѣснѣйшаго объединенія всѣх противобольшевистских сил вокруг Верховнаго Правителя и сохраненія в интересах родины единаго идеологическаго фронта. Вскорѣ-же по порученію Верховнаго Правителя, мною был представлен ему план дальнѣйшей борьбы с большевиками.

В основу этого плана мною были положены, главным образом, соображенія и данныя о настроеніях народных масс и их отношеніе к нам и преслѣдуемым нами цѣлям. Результаты данных, представленных Верховному Правителю, были весьма неутѣшительны для нас: народ слѣпо вѣрил обѣщаніям большевиков и стремился к миру во чтобы то ни стало. Безотвѣтственная агитація соціалистов и их обѣщанія переустройства міра, вызывали раздраженіе против бѣлых, которых считали единственным препятствіем на путях ко всеобщему умиротворенію и работѣ по проведенію необходимых и благодѣтельных реформ. Мы, не желая обманывать народ, не могли обѣщать ему тѣх благ, на которыя не скупились наши противники и народ вѣрил не нам, а им, и потому нас не поддерживал и считал за смутьянов, преслѣдовавших свои эгоистическія цѣли.

Кромѣ того, я считал, что план наступленія сибирской арміи своим правым флангом на соединеніе с англичанами на сѣверѣ, был неудачен, вслѣдствіе дикости и малой населенности театра предстоящих военных дѣйствій. Слабо развитые пути сообщенія не могли способствовать установленію связи и правильному снабженію частей этого фронта. Рѣдкость населенія не давала возможности разсчитывать на полученіе сколько-нибудь значительнаго контингента пополненія и на возможность питанія арміи хотя-бы отчасти мѣстными средствами. С другой стороны, имѣло-бы полное оправданіе с точки зрѣнія стратегіи и политики продвиженіе сибирской арміи в Поволжьи. Продвигаясь в этом направленіи, она достигла-бы соединенія

с юго-западной арміей генерала Денікина, отбрасывая красных на сѣвер, к фабрично-заводскому раіону и лишая их возможности использованія хлѣбных запасов южной Россіи. Таким образом, мы пріобрѣтали большія возможности, особенно в том случаѣ, если бы одновременно с наступленіем соединенных сибирской и добровольческой армій, с сѣвера повели-бы согласованное наступленіе на Петроград—Москву войска сѣвернаго фронта генерала Юденича и англичане из Архангельска. Правда, при осуществленіи этого плана, противник имѣл болѣе короткія операціонныя линіи и находился в непосредственной близости от своих баз, что давало ему возможность дѣйствовать короткими ударами по всѣм направленіям, но, с другой стороны, я не сомнѣвался в том, что моральное значеніе того стратегическаго окруженія большевиков, которое достигалось при реализаціи моего плана, должно было в сильной степени повліять на красных и заставить их или стремиться к прорыву в Туркестан, или готовиться к капитуляціи в Москвѣ.

Я не скрыл также перед Верховным Правителем, что считаю крупной ошибкой политики его правительства уклончивое отношеніе его к вопросу о признаніи вновь образовавшихся вдоль западной границы Россіи буферных государств. Я считал, что признаніе независимости Польши, Финляндіи, Литвы, Эстоніи и Латвіи и заключеніе с ними направленных против большевиков соглашеній должно было быть первой задачей Омскаго правительства в области иностранных дѣл, но к сожалѣнію, в то время я не пользовался настолько сильным вліяніем, чтобы убѣдить адмирала в правотѣ своих взглядов. Тѣм не менѣе я высказал свое мнѣніе по этому вопросу Верховному Правителю.

Мой план, представленный Верховному Правителю в октябрѣ 1919 года заключал в себѣ мотивированный проект измѣненія всей системы нашей борьбы с большевиками. Я предлагал, учитывая неблагопріятное в отношеніи нас настроеніе в странѣ, дать населенію возможность изжить большевизм естественным путем, испытав его на собственном опытѣ. Я настаивал на немедленном признаніи новообразовавшихся на западѣ государств и на заключеніи с ними договоров для совмѣстной борьбы с большевиками; на отводѣ частей сибирскаго фронта на линію Енисея и демобилизаціи ненадежных частей; на необходимости надежными частями занять линію К. В. ж. д. и крупные административные центры в тылу, чтобы прочно обезпечить наши сообщенія с заграницей, которая снабжала нас всѣм необходимым для борьбы; на переносѣ правительственнаго центра в Иркутск или в Читу и на необходимости рѣшительной чистки правительственнаго аппарата от вредных элементов, окопавшихся на теплых мѣстах в тылу. Послѣ того, как все это будет исполнено, я предлагал начать подготовку для одновременнаго наступленія с че-

тырех окраин Россіи к ея центру, пріурочив таковое к веснѣ 1921 года и использовав оставшееся время для надлежащей подготовки частей.

5.

ПАДЕНІЕ ОМСКА.

Послѣдній разговор с адмиралом. Задержаніе поѣзда Верховнаго Правителя. Экспедиція генерала Скипетрова в Иркутск. Столкновеніе с чехами. Указ о передачѣ власти. Выдача адмирала красным. Сибирская армія. Роль чехов. Грабеж и дезорганизація. Захват золотого запаса. Роль союзников. Отход арміи на восток. Армія в Забайкальѣ. Интриги старшаго командного состава. Генерал Сахаров и генерал Войцеховскій. Вредное вліяніе генерала Дитерихса. Роль генерала Лохвицкаго и его отставка. Генерал Вержбицкій. Переговоры об образованіи буфера. Прорыв фронта. Оставленіе мною Читы.

По поводу представленнаго мною Верховному Правителю плана измѣненія тактики борьбы с большевиками, я имѣл длинную бесѣду по прямому проводу с адмиралом, который отстаивал важность наступленія именно правым флангом сибирской арміи и объяснил мнѣ причины, почему он не счел возможным согласиться с моим мнѣніем, изложенным в планѣ.

Адмирал Колчак не раздѣлял безнадежности моего взгляда на настроеніе широких масс населенія и считал, что оно будет измѣняться в нашу пользу по мѣрѣ продвиженія вперед сибирской арміи. Кромѣ того, адмирал полагался на полную и исчерпывающую поддержку сибирской арміи союзниками, не допуская мысли о том, что их многократныя завѣренія и обѣщанія об этом не будут выполнены. И лишь послѣ провала наступательных операцій арміи и пышнаго расцвѣта иностранных интриг в связи с Версальскими переговорами, адмирал убѣдился в правильности моей точки зрѣнія, о чем извѣстил меня в очередном разговорѣ по прямому проводу со станціи Татарская.

В это время Омск был уже оставлен. Неудачи на фронтѣ генерала Деникина и разгром конницы генерала Маркова на югѣ дали возможность красным произвести давленіе всѣми своими силами на фронтѣ сибирских армій, вслѣдствіе чего онѣ должны были отойти назад и Омск был эвакуирован правительством.

Прибыв на станцію Татарская, адмирал вызвал меня к прямому проводу и приказал в срочном порядкѣ представить ему свои соображенія о возможности практическаго осуществленія мѣропріятій, предусмотрѣнных моим планом, подготовив свой доклад ко времени прибытія Ставки в Иркутск. Одновременно сообщая мнѣ о состоявшемся назначеніи моем на пост Главнокомандующаго вооруженными силами Дальняго Востока и Иркутскаго военнаго округа,

УКАЗЪ

ВЕРХОВНАГО ПРАВИТЕЛЯ

4 января 1920 года
г. Н-Удинскъ.

Въ виду предрѣшенія мною вопроса о передачѣ ВЕРХОВНОЙ ВСЕРОССІЙСКОЙ власти Главнокомандующему вооруженными силами юга РОССІИ Генералъ Лейтенанту ДЕНИКИНУ, впредь до полученія его указаній, въ цѣляхъ сохраненія на нашей РОССІЙСКОЙ Восточной Окраинѣ оплота Государственности на началахъ неразрывнаго единства со всей РОССІЕЙ:

1/ Предоставляю Главнокомандующему вооруженными силами Дальняго Востока и Иркутскаго военнаго округа Генералъ Лейтенанту Атаману СЕМЕНОВУ всю полноту военной и гражданской власти на всей территоріи РОССІЙСКОЙ Восточной Окраины объединенной РОССІЙСКОЙ ВЕРХОВНОЙ властью.

2/ Поручаю Генералъ Лейтенанту Атаману СЕМЕНОВУ образовать органы Государственнаго Управленія въ предѣлахъ распространенія его полноты власти.

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ Адмиралъ Колчакъ

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ

ДИРЕКТОРЪ КАНЦЕЛЯРІИ ВЕРХОВНАГО ПРАВИТЕЛЯ ГЕНЕРАЛЪ МАІОРЪ

УКАЗ ВЕРХОВНАГО ПРАВИТЕЛЯ АДМИРАЛА КОЛЧАКА
о передачѣ власти ген.-лейтенанту
АТАМАНУ Г. М. СЕМЕНОВУ.

адмирал предупредил меня о возможности передачи мнѣ всей полноты государственной власти в восточной Сибири и на Д. В., ибо он предвидѣл неизбѣжность общаго крушенія національнаго движенія в силу отсутствія согласованности боевых дѣйствій на разных фронтах, а также в результатѣ вмѣшательства политических факторов в дѣло помощи, оказываемой нам союзниками. Предвидя неизбѣжность крушенія, адмирал предполагал, как можно было понять из этого послѣдняго моего разговора с ним, выѣхать заграницу для переговоров с иностранными политическими дѣятелями, с цѣлью склонить в пользу возобновленія борьбы с красными в болѣе широких масштабах.

Хотя наш разговор велся по изолированному проводу, тѣм не менѣе он стал извѣстен соціалистам и чехам, полагаю, через агентов Дунина-Яковлева, который все еще пребывал в должности иркутскаго губернатора и вел двойную политику, будучи тѣсно связан с красными партизанами.

Предвидя возможность каких-нибудь затрудненій в дальнѣйшем продвиженіи поѣзда Верховнаго Правителя на восток, я предлагал адмиралу бросить поѣзд и двигаться на лошадях в Урянхай, куда я вышлю надежный отряд монгол и казаков, под охраной котораго Верховный Правитель мог-бы выйти снова на линію желѣзной дороги восточнѣе Байкала. К сожалѣнію, адмирал отклонил мое предложеніе, завѣрив меня, что, находясь под защитой пяти иностранных флагов, он разсчитывает в скором времени встрѣтиться со мною в Читѣ.

Нѣкоторое время спустя я получил телеграмму о том, что чехи не пропускают поѣзд Верховнаго Правителя и послѣдній просит меня воздѣйствовать на них и на генерала Жанен в нужном направленіи. По полученіи такого сообщенія, я немедленно приказал генерал-майору Скипетрову с тремя бронепоѣздами, Монголо-бурятским конным и Маньчжурским стрѣлковым полками двинуться навстрѣчу поѣзду адмирала и приняв его под свою охрану слѣдовать в Забайкалье, до пункта по указанію адмирала.

К ночи 31-го декабря 1919 г. отряд генерала Скипетрова сосредоточился на ст. Михалево, что в 30 верстах от Иркутска. К этому времени предмѣстья города Иркутска («Звѣздочка» и «Глазково» на лѣвом берегу Ангары и «Знаменское» — за р. Ушаковка) находились в руках войск образовавшагося в Иркутскѣ эс-эровскаго «Политическаго Центра». Войсками этими командовал капитан Калашников. В самом городѣ Иркутскѣ еще держались юнкера, сотня иркутских казаков и добровольцы из офицеров и солдат. Что касается станціи Иркутск, то она находилась в руках чехов. На ст. Иркутск стоял поѣзд главнокомандующаго союзными войсками, французскаго генерала Жанена.

Ранним утром 1-го января 1920 г. авангард Скипетрова подошел к Иркутску, имѣя намѣреніе с налета захватить станцію. Однако, чехи предательски пустили на наш головной бронепоѣзд паровоз. Произошло столкновеніе, в результатѣ коего у броневика оказался испорченным паровоз и разбита передняя артиллерійская площадка. Ж. д. полотно также оказалось поврежденным и загроможденным двумя паровозами и разбитой платформой. Пришлось остановиться около входных стрѣлок на станцію и выгружать части из эшалонов.

Несмотря на эту непредвидѣнную задержку, части генерала Скипетрова начали успѣшно занимать предмѣстья «Звѣздочку» и «Глазково», тѣсня калашниковцев к р. Иркут. Переправиться на правую сторону Ангары не было возможности, ибо Ангара еще не встала, а понтонный мост был разведен, так что связи между вокзалом и городом не было.

Только из Михалево удалось переправить в с. Лиственичное роту маньчжурцев, которая из Лиственичнаго на автомобилях была переброшена в Иркутск.

В разгар боя на лѣвом берегу Ангары, когда части Скипетрова уже заняли всю «Звѣздочку», в дѣло неожиданно вмѣшались чехи. Ссылаясь на приказаніе Жанена, они потребовали у ген. Скипетрова немедленно прекратить бой и отвести войска на ст. Байкал, грозя в противном случаѣ примѣнить вооруженную силу. В подтвержденіе своей угрозы, чехи выдвинули против наших частей свой бронепоѣзд «Орлик», который по своему вооруженію и оборудованію был сильнѣе наших трех броневиков, вмѣстѣ взятых.

Ввиду невозможности связаться с городом и малочисленности нашего отряда, генералу Скипетрову ничего не оставалось, как отвести части сначала на ст. Михалево, а потом и на ст. Байкал.

Отступленіе наших частей на лѣвом берегу Ангары произвело самое тягостное впечатлѣніе на гарнизон гор. Иркутска, который тоже отступил на Лиственичное, а потом переправился на ст. Михалево.

8-го января, на второй день праздника Рождества Христова, части генерала Скипетрова были предательски разоружены чехами на ст. Байкал. До какой степени нападеніе чехов на наши части было предательским, показывает тот факт, что представители чешскаго командованія за два часа до нападенія были с визитом у ген. Скипетрова и завѣряли его в своей лойяльности.

Конечно, ген. Скипетров никак не мог предполагать такого вѣроломства со стороны «братьев-чехов» и не принял надлежащих мѣр предосторожности. Нападеніе на наши эшалоны чехи совершили в 12 ч. дня, когда солдаты обѣдали.

Я был в курсѣ всѣх событій под Иркутском, но не был в

состояніи предпринять что-нибудь противъ чеховъ, ввиду того, что Штабомъ генерала Жанена было доведено до моего свѣдѣнія, что, если я допущу перерывъ желѣзнодорожнаго сообщенія и доведу дѣло до вооруженнаго столкновенія с чехами, союзники будутъ дѣйствовать противъ меня единымъ фронтомъ. Несмотря на это, я все-же привелъ въ боевую готовность всѣ силы читинскаго гарнизона и предъявилъ чешскому командованію требованіе о пропускѣ на востокъ поѣзда Верховнаго Правителя и объ освобожденіи захваченныхъ чехами офицеровъ и солдатъ отряда генерала Скипетрова. Не имѣя возможности оказать давленіе на чеховъ на линіи дороги, я взялъ подъ угрозу обстрѣла поѣздъ командующаго чешскими войсками генерала Сырового, но, къ сожалѣнію, могъ добиться только частичнаго успѣха, — освобожденія чиновъ отряда Скипетрова. Несмотря на то, что представители ниппонскаго командованія въ Иркутскѣ предлагали генералу Жанен взять на себя охрану поѣзда адмирала Колчака и гарантировали безопасность его какъ въ самомъ Иркутскѣ, такъ и въ пути слѣдованія его на востокъ, Жанен предпочелъ предать адмирала въ руки красныхъ.

Какъ извѣстно, Жанен и чехи сбросили маски еще въ Нижнеудинскѣ, когда адмиралу было предложено перейти изъ его поѣзда въ вагонъ с чешской охраной. В Нижнеудинскѣ адмиралъ отчетливо понялъ, что онъ преданъ тѣми, кому онъ вѣрилъ, что представитель «благородной и благодарной Франціи» генералъ Жанен и командующій чешскими войсками Сыровой рѣшили взять на себя роль коллективнаго Іуды.

Между прочимъ, в Читѣ генералу Сыровому русскіе офицеры вручили подъ расписку 30 серебряныхъ двугривенныхъ — символическую плату за предательство.

Чувствуя, что надежды на благополучный проѣздъ на Востокъ нѣтъ никакой, адмиралъ Колчакъ 4-го января 1920 г., в гор. Нижнеудинскѣ подписалъ Указъ о передачѣ мнѣ всей полноты верховной власти на территоріи Россійской Восточной Окраины.

Верховный Правитель былъ разстрѣлянъ вмѣстѣ со своимъ премьер-министромъ Пепеляевымъ в Иркутскѣ, 7-го февраля 1920 года. На первый взглядъ покажется страннымъ, почему глава національной власти, боровшійся такъ упорно противъ совѣтовъ, не былъ даже увезенъ для суда в красную столицу, и с нимъ расправились втихомолку, какъ будто опасаясь, что не успѣютъ сдѣлать этого, если будутъ откладывать исполненіе приговора до суда. Какъ будто его плѣненіе и судъ надъ нимъ даже не интересовали тѣхъ, кто еще недавно с трепетомъ произносилъ имя адмирала. Отвѣтъ на это недоумѣніе весьма простъ. В это самое время сибирская армія подходила с запада к Иркутску. Большевики не имѣли силъ оказать ей сопротивленіе и опасались возможности освобожденія Верховнаго Правителя изъ краснаго плѣна, что неминуемо произошло-бы, если-бы армія атаковала Иркутскъ. К не

счастью, этого не случилось, хотя в случаѣ атаки города, серьезнаго сопротивленія там оказано быть не могло. Иркутская революціонная власть уже готовилась к эвакуаціи города, но судьба, или ошибка каппелевскаго командованія, заставили армію обойти Иркутск стороной, оставив Верховнаго Правителя в руках красных палачей.

Каким-же образом могло случиться, что Верховный Правитель, находившійся под защитой союзных флагов, был выдан красным?

Дѣло в том, что в этот період времени, по признанію самого командующаго чешскими войсками, генерала Сырового, дисциплина в чешских полках была настолько расшатана, что командованіе с трудом сдерживало части. Грабеж мирнаго населенія и государственных учрежденій по пути слѣдованія чехов достиг степеней, совершенно невѣроятных. Награбленное имущество в воинских эшалонах доставлялось в Харбин, гдѣ продавалось совершенно открыто чехами, снявшими для этой цѣли зданіе мѣстнаго цирка и устроившими из него магазин, в котором продавались вывезенные из Сибири предметы домашняго обихода, как то: самовары, швейныя машины, иконы, серебряная посуда, экипажи, земледѣльческія орудія, даже слитки мѣди и машины, вывезенныя с заводов Урала.

Помимо открытаго грабежа, организованнаго, как видно из предыдущаго изложенія на широких, чисто коммерческих началах, чехи, пользуясь безнаказанностью, в громадном количествѣ выпускали на рынок фальшивыя сибирскія деньги, печатая их в своих эшалонах. Чешское командованіе не могло, или не хотѣло бороться с этим злом и подобное попустительство вліяло самым развращающим образом на дисциплину в полках чешских войск. Что же удивительнаго в том, что, получив в свою власть состав Верховнаго Правителя, в котором кромѣ вагонов Ставки, находился весь золотой запас Россійскаго государства, чехи быстро пришли к соглашенію с красными и продали им Верховнаго Правителя за наличный расчет в золотѣ? Сопоставляя данныя о количествѣ золота, отправленнаго из Омска, с количеством принятаго большевиками от чехов в Иркутскѣ, мы можем возстановить болѣе или менѣе точную сумму, в которую был оцѣнен адмирал Колчак. Оставшійся у красных, генерал Болдырев в своих запискаx указывает, что чехами в Иркутскѣ было сдано красным всего двѣсти пятьдесят милліонов золотых рублей, тогда, как, по свѣдѣніям лиц, сопровождавших этот литерный поѣзд, количество отправленнаго из Омска золотого запаса превышало эту сумму болѣе, чѣм в два раза.

Измѣнивши своему императору в період Великой войны, сотнями тысяч сдаваясь в плѣн, чехи вторично показали себя предателями, на этот раз измѣнив обще-славянскому дѣлу, предав красным національную Россію и ея Вождя — покойнаго адмирала Колчака.

Интересно отмѣтить, что на мои рѣшительные протесты противъ повальнаго грабежа, который учинили чехи в Сибири, я долгое время спустя получил от союзнаго командованія поясненіе, что в его задачи не входит забота об охранѣ интересов населенія от когобы то ни было, а оно стремится лишь к возможно скорѣйшей эвакуаціи чешских войск из Сибири, чтобы этим закончить свою миссію по интервенціи в Сибирь.

Роковая ошибка Верховнаго Правителя, оторвавшагося от арміи и ввѣрившаго свою жизнь союзному командованію, а также крупныя неудачи на фронтѣ, повели к тому, что сибирская армія, потерявшая связь с центром управленія національным движеніем и предоставленная самой себѣ, утратила силу сопротивляемости и не видѣла перед собой каких-либо возможностей к дальнѣйшему противодѣйствію поступательному движенію красных и возстановленію утраченнаго положенія. Ею овладѣло стремленіе на восток, гдѣ дальневосточная армія продолжала борьбу с красными на амурском фронтѣ и гдѣ частям сибирских войск представлялась возможность отдохнуть, переформироваться и вновь вступить в борьбу. Вся армія неудержимо стремилась на восток во чтобы то ни стало, пробиваясь силой в мѣстах, гдѣ красные партизаны преграждали ей путь.

В концѣ января 1920 года в Читѣ начали циркулировать слухи о движеніи арміи генерала Каппеля к Байкалу. Высланная на Байкал развѣдка подтвердила факт перехода разстроенных частей сибирской арміи по льду через Байкал. Армія дошла до Забайкалья в совершенно разстроенном в матеріальном отношеніи состояніи, но сохранившей свою боеспособность и стремленіе к продолженію борьбы. Однако, продолжительный и тяжелый по своим условіям зимній поход через всю Сибирь, сопровождаемый чуть-ли не ежедневными столкновеніями с многочисленными партіями красных партизан, не мог не отразиться на этой арміи в смыслѣ внѣшней дисциплины.

Все же должно сказать, что солдатская масса и командный состав ея, в общем, представляли собою великолѣпный матеріал, который мог-бы быть использован для организаціи образцовых частей національной арміи. Только что продѣлав легендарный по тяжести условій зимній поход через всю Сибирь, армія очистилась от всего слабаго, непригоднаго, отпавшаго от нея в пути. В Забайкалье пришли люди наиболѣе крѣпкіе физически и наиболѣе стойкіе в идеологическом отношеніи. С такой арміей можно было не бояться никаких лишеній, ибо всѣ лишенія она уже испытала, и никакой пропаганды большевиков. Нужен был только вождь, чтобы привести ее в порядок. Но такого вождя не было. Генерал Каппель не вынес тяжести похода, в котором он показывал примѣр доблести и самопожертвованія и скончался от тяжелой болѣзни почти наканунѣ

прибытія арміи в Забайкалье. С его смертью не осталось никого, кто бы мог объединить армію и подчинить ее своему авторитету и власти. Утрата генерала Каппеля была тяжелым ударом для всего національнаго движенія. Он пользовался заслуженной популярностью во всѣх слоях арміи и силой своего авторитета сдерживал разношерстный и разнообразно мыслящій командный состав арміи.

Общая численность пришедшей из Сибири арміи достигала одиннадцати тысяч бойцов, находившихся в строю, и, примѣрно, такого-же числа больных тифом в различных его формах и стадіях. Эта незначительная по численности группа войск изображала из себя три арміи, кои путем больших усилій мнѣ удалось свести в два корпуса.

Сразу же послѣ этой реформы против меня началась кампанія со стороны высшаго генералитета арміи.

Покойный генерал-лейтенант Дитерихс, генерал-маіор Акинтіевскій, генерал-маіор Пучков, генерал-маіор Сукин стояли во главѣ этой кампаніи, направленной, как против меня, так и против порядков, заведенных в Читѣ. Особенно искусным в области закулисной борьбы оказался Сукин, который пустил в обращеніе мнѣніе, что приняв послѣ покойнаго адмирала руководство національным движеніем, я взялся не за свое дѣло, не будучи офицером Генеральнаго Штаба и не имѣя спеціальной подготовки для общественно-политической дѣятельности. Когда я узнал, гдѣ находился источник этих разговоров, я вызвал к себѣ генерала Сукина и спросил его, насколько справедливы дошедшіе до меня разговоры и почему он, офицер Генеральнаго Штаба, занимается безответственной интригой и разложеніем арміи, вмѣсто того, чтобы приложить свой опыт и знаніе к дѣлу національнаго возрожденія родины. В отвѣт генерал-маіор Сукин рѣшительно опроверг свое участіе в кампаніи поднятой против меня, и просил дать ему возможность быть полезным общему дѣлу на соотвѣтствующем его подготовкѣ посту. Он был зачислен в мой Штаб на должность генерал-квартирмейстера, но оставался в этой должности недолго и не проявил себя в ней абсолютно ничѣм.

Генеральнаго Штаба генерал-лейтенант Сахаров, бывшій командующій фронтом в западной Сибири, предупреждал меня о всѣх трудностях, ожидавших меня при попытках поднять дисциплину и реорганизовать пришедшія с запада части. По чувству долга он старался помочь мнѣ правильно оріентироваться в хаосѣ настроеній и политических теченій, существовавших в арміи, но, к сожалѣнію, помощь его не могла быть продолжительной, так как он вскорѣ выѣхал в Европу.

Генерал-лейтенант Войцеховскій привел армію в Читу замѣнив скончавшагося в походѣ генерала Каппеля. Генерал Войцеховскій не особенно стремился привести в порядок подчиненную ему

армію, так как в то время он уже рѣшил перейти на службу в чешскую армію и вслѣдствіе этого был мало заинтересован в исходѣ борьбы с красными в Сибири.

Войцеховскій безусловно обладал всѣми качествами выдающагося военачальника и при желаніи он мог бы крѣпко держать армію в руках, но вскорѣ он вышел в отставку и выѣхал на службу в Чехословакію, гдѣ, кажется, нынѣ занимает крупный пост.

Прощаясь со мной перед отъѣздом, Войцеховскій подробно изложил мнѣ причины волненій среди части командnаго состава пришедших частей сибирской арміи.

Как на главнѣйшую он указал на вредную работу небольшой группы лиц из высшаго командованія арміи, агитировавших за непризнаніе Указа Верховнаго Правителя о передачѣ мнѣ власти.

Войцеховскаго также пытались втянуть в эту кампанію, но он от участія в ней уклонился самым категорическим образом.

Послѣ отъѣзда ген. Войцеховскаго, на пост командующаго арміей мною был назначен генерал-лейтенант Лохвицкій, взявшій начальником Штаба к себѣ генерала Акинтіевскаго. Новый командующій арміей быстро подпал под вліяніе группы генералов-оппозиціонеров и повел политику отчужденія меня от моих коренных частей, составлявших 1-й корпус Д. В. Арміи, под командой ген.-лейт. Д. Ф. Семенова и Азіатскую конную дивизію генерала барона Унгерна. Для достиженія поставленных им себѣ цѣлей, ген. Лохвицкій предложил мнѣ ввести нѣкоторыя части сибирской арміи в состав 1-го корпуса. Я не только согласился с этим, включив всѣ пришедшія с запада казачьи части в состав 1-го корпуса, но пошел еще дальше, влив остатки 1-й кавалерійской дивизіи в состав моей маньчжурской дивизіи (О. М. О.) и назначив начальником этой дивизіи генерал-лейтенанта Кислицина, пришедшаго в Читу с частями сибирской арміи.

Вскорѣ послѣ этого, ген. Лохвицкій потребовал от меня удаленія из арміи генерала барона Унгерна, поставив вопрос так: или он, Лохвицкій, или барон. Я предложил Лохвицкому поѣхать в отпуск и сдать армію командиру 2-го корпуса, генерал-лейтенанту Вержбицкому.

Ген. Вержбицкій не принял рѣшительных мѣр против интриганов и искусственно раздуваемая в арміи рознь между «каппелевцами» и «семеновцами» не прекратилась и при нем.

Послѣ эвакуаціи нипponских войск из Забайкалья, моя ставка была перенесена в Даурію. В Читѣ оставался Штаб арміи, во главѣ с генералом Вержбицким, который принимал участіе в переговорах, ведшихся в то время между независимыми правительствами Верхнеудинска, Читы и Владивостока. Переговоры эти велись по иниціативѣ Народных собраній каждой области и касались образованія са-

мостоятельнаго буржуазно-демократическаго буфера на Дальневосточной окраинѣ, совершенно независимаго от совѣтской Россіи.

По настойчивому приглашенію командующаго арміей генерала Вержбицкаго, я, в концѣ октября 1920 года, отправился в Читу на совѣщаніе по вопросу о дальнѣйших переговорах с Верхнеудинском. Я прибыл туда в броневом поѣздѣ и оставался в Читѣ в нем-же. Ночью я был разбужен начальником гарнизона Читы генералом Бангерским, который сообщил мнѣ, что красные внезапно напали на желѣзнодорожную линію в раіонѣ станціи Карымской, захватили эту станцію и основательно разрушили пути и довольно значительный мост через рѣку Ингоду около этой станціи. Броневые поѣзда и части Маньчжурской дивизіи были срочно брошены в прорыв и вели бой с превосходными силами красных.

Вслѣд за тѣм я получил донесеніе от своей контр-развѣдки, что член Народнаго собранія Забайкальской области, Виноградов с согласія Штаба арміи ведет переговоры с правительством Верхнеудинска о капитуляціи арміи, одним из условій которой являлся мой арест и выдача красным.

Видя, что я не имѣю возможности разсчитывать на Штаб арміи и части II-го и III-го корпусов, и не имѣя около себя никаких коренных своих частей, кромѣ бронепоѣзда, совершенно безполезнаго при создавшейся обстановкѣ, я был вынужден вылетѣл на аэропланѣ в Даурію, гдѣ меня ожидали части 1-го корпуса генерал-лейтенанта Маціевскаго, замѣнившаго в должности командира корпуса генерал-лейтенанта Д. Ф. Семенова.

Аэроплан с пилотом полковником Кочуриным, был неисправен и в теченіе всего полета, продолжавшагося два часа пятнадцать минут, механик у меня в ногах паял бензиновый бак.

6.

ПОЛОЖЕНІЕ В ЗАБАЙКАЛЬИ.

Значеніе арміи в государствѣ. Организація арміи и управленіе ею. Вовлеченіе арміи в политику. Политическія партіи и эволюція их. Вождизм. Партійная диктатура. Мое рѣшеніе уйти в Монголію. Соглашеніе с монголами. Переговоры с китайскими монархическими кругами. Международный фронт. Борьбы с коммунизмом. Обстановка в Забайкальи. Образованіе кадра Монгольской арміи. Финансовая подготовка монгольской экспедиціи. Трудность подготовки движенія. Первые успѣхи Унгерна. Недоразумѣнія между ним и монголами. Противодѣйствіе красных. Сосредоточеніе частей 1-го корпуса в Маньчжуріи. Вынужденное измѣненіе плана.

Аппаратом, регулирующим функціи государственнаго организма, всегда является армія. Только правильно созданный аппарат арміи

может охранить базу государственнаго строительства, как от внутренних, так и от внѣшних потрясеній. Но сила военной организаціи заключается в ея дисциплинѣ, поэтому, если армія спаяна единой волей командованія и цементирована твердой дисциплиной, государство может спокойно существовать и развиваться.

Всегда и вездѣ, армія какова-бы она ни была, республиканская, монархическая, или даже коммунистическая, должна управляться единой волей. Это — общеизвѣстная истина и коллективная система управленія арміей нигдѣ не имѣла успѣха. Когда большевикам понадобилось развалить старую россійскую армію, они пропагандировали коллективное управленіе ею, но как только им удалось захватить власть и пришлось думать о защитѣ ея, принципы коллективности и ставка на «сознательность» солдатской массы были немедленно сданы в архив.

Наряду с тѣм, нѣт болѣе опаснаго шага, как вовлеченіе арміи в политическую борьбу и возникновеніе партійности в ея рядах. В настоящее время многіе считают, что армія должна знать, за что она борется. Но армія всегда защищает Родину, Націю и Религію. Развѣ могут существовать стимулы, болѣе побудительные для проявленія жертвенности и героизма со стороны правильно воспитанной арміи? Наивно думать, что программа какой-нибудь политической партіи может быть болѣе цѣнной, чѣм указанные лозунги для любящих свое отечество офицеров и солдат. Я полагаю, что политическіе рецепты различных партій годны лишь для политиканов, дѣлающих профессію из политических интриг и подсиживаній, но не для защитников родины и своего народа, и среди послѣдних не должно быть мѣста для людей, кои ловко подтасованные политическіе лозунги, с подпирающей их политической программой, будут считать болѣе сильным побудительным средством для арміи бороться за родину и націю, чѣм долг всѣх граждан перед своим отечеством и своим народом.

Наблюденія за эволюціей каждой политической партіи, имѣющей в основѣ своей зародыш государственности, показывают, что такія партіи, послѣ прихода их к власти, неизбѣжно обращаются к національному объединенію во имя общаго блага за счет чистоты и неприкосновенности своих партійных программ. Разительный примѣр в этом отношеніи представляет собою развитіе фашизма в Италіи, который нынѣ перестал быть самодовлѣющим фактором государственной жизни страны, растворившись во всей совокупности интересов государства. Нельзя, конечно, отрицать того обстоятельства, что фашизм, как доктрина, близкая національному бытію итальянскаго народа, содѣйствовал Муссолини в дѣлѣ объединенія им націи, сыграв в нем чисто тактическую роль. Но специфическая роль фашизма была закончена одновременно с захватом столицы Муссолини и дальше на сцену выступили уже общегосударственные

интересы. И мы видим, что достиженія Муссолини неоспоримо велики, именно потому, что фашизм не стремился подчинить интересы націи политической программѣ, а сам растворился в націи. И тѣперь, уже неважно, останется в будущем Италія фашистской, или нѣт. Не менѣе значительна роль Гитлера в политической жизни Германіи, но и в этом случаѣ, мы видим на первом планѣ личность вождя, которому вѣрят массы, а націонал-соціалистическая доктрина, как таковая, явилась лишь тактическим пріемом политики Гитлера, тѣм болѣе, что в данном случаѣ все стремленіе націи было направлено на освобожденіе страны от униженія и гнета Версальскаго договора.

Все это возможно при наличіи во главѣ движенія такой сильной личности, которая смогла-бы силой своего вліянія заставить массы повѣрить себѣ и могла повести их за собой. Если-же такой силы и такого вліянія на массы в наличіи не будет, то и какая-либо партійная программа помочь не в состояніи, тѣм болѣе, что о цѣнности такой программы надлежит судить лишь послѣ того, как ея принципы оправдают себя, будучи приложены к практической жизни. В противном случаѣ, неизбѣжно полное разочарованіе в партіи, в ея способности быть полезной странѣ и народу. Русскій народ в свое время повѣрил партіи и пошел за ней, ожидая от нея осуществленія обѣщанных мѣропріятій и улучшеній. И поддержка народа была столь сильна, что небольшая в численном отношеніи партія большевиков поборола, в концѣ концов, всѣ препятствія, стоявшія на ея пути к власти. Ленин, руководившій партіей в первые дни ея диктатуры, правильно учитывал роль партіи в государственном строительствѣ и потому он не колебался измѣнять и совершенно выбрасывать тѣ пункты партійной программы, которые, как выяснила практика, оказались нежизненными или неприспособленными к характеру и интересам русскаго народа. Послѣ смерти Ленина, партія подпала под исключительное вліяніе новаго диктатора Сталина, который чистоту догмы соціалистическаго устройства общества ставит превыше всего. И послѣ первых-же опытов насильственнаго внѣдренія этих догматов в обыденную жизнь народа, партія потеряла довѣріе страны, ея пребываніе у власти стало возможно лишь при наличіи чудовищнаго полицейскаго нажима на народ, но теперь уже становится ясным, что никакой полицейскій нажим, никакой террор не спасет партію от гибели и возмездія обманутаго народа. И всѣ новыя обѣщанія, всякій новый обман совѣтской конституціи, теперь уже никого не смогут заставить повѣрить большевикам.

Но в дни Ленина большевики еще не успѣли показать свою полную несостоятельность и народ вѣрил им больше, чѣм нам. Сочувствіе населенія было на сторонѣ красных, нас, бѣлых, поддерживала лишь, сравнительно небольшая группа интеллигенціи в городах и казачество. Международная обстановка, с окончаніем войны,

также измѣнялась не в нашу пользу, причем эта эволюція шла очень быстрым темпом. Нѣкоторыя иностранныя державы, в частности Франція, уже в 1919 году вступили в сношенія с большевиками, ведя секретные переговоры о ликвидаціи національнаго движенія в Россіи. По данным, имѣвшимся у меня в распоряженіи, поборниками подобнаго направленія курса политики Франціи, были ея представители в Сибири, высокій комиссар, граф Мартель и командующій союзными войсками в Сибири, генерал Жанен. Их отношеніе к адмиралу Колчаку, и отношеніе Франціи к генералу Врангелю, достаточно показательны, чтобы требовалось еще искать каких-то дополнительных доказательств в подтвержденіе их враждебных чувств к національной Россіи.

Фактическая обстановка послѣ паденія Омска и разгрома сибирской арміи, как внѣшняя, лишившая меня возможности имѣть необходимое для борьбы снабженіе, так и внутренняя, не оставляли никаких иллюзій в отношеніи возможности продолженія борьбы в Забайкальи. Необходимо было рѣшить, что дѣлать: или продолжать сопротивленіе наступавшим красным в Забайкальи, или искать новую базу.

Всѣ наличныя данныя и обстоятельства были мною тщательно взвѣшаны и привели меня к рѣшенію уйти в Монголію, в Ургу, гдѣ я имѣл уже достигнутое взаимопониманіе с правительством Богдохутухты, несмотря на всѣ препятствія, которыя чинились мнѣ при этом представителями старой дипломатіи, оставшимися на мѣстах прежней своей службы и пользовавшимися еще нѣкоторым вліяніем в силу прежняго своего служебнаго положенія. Безпристрастно говоря, мнѣ пришлось, ведя борьбу с большевиками, с неменьшим упорством бороться с представителями отжившей россійской бюрократіи, как в лицѣ старых администраторов, так и в лицѣ большинства наших дипломатическихъ представителей заграницей. Как тѣ, так и другіе рѣшительно отметали революцію, которая их ничему не научила, и являлись апологетами чистой реставраціи стараго строя, не допуская никаких отклоненій от его принципов даже в період революціонной борьбы с коминтерном. Характерным показателем, подтверждающим правильность высказаннаго, могут служить совѣтскіе журналы «Новый Восток», статья «Японскій имперіализм», «Тихій Океан» за 1934 год, № 2, и книга «Атаман Семенов и Монголія», в которых фигурируют документальныя данныя, добытыя из захваченнаго большевиками архива Омскаго правительства, о доносах на меня в Омск, с усиліями очернить мои дѣйствія и придать им характер полной безотвѣтственности.

Мое рѣшеніе перенести борьбу с большевиками на территорію Монголіи подкрѣплялось еще тѣм обстоятельством, что с эвакуаціей чехов из Сибири, матеріальная помощь національному движенію была полностью прекращена, а передача чехами россійскаго золото-

Русская Публичная Библіотека

го запаса большевикам, ставила это движеніе в совершенно безвыходное, в смыслѣ его финансированія, положеніе. Кромѣ того, у себя в тылу я имѣл опаснаго врага, в лицѣ китайскаго имперіализма, возросшаго в Маньчжуріи под эгидой маршала Чжан Цзо-лина. Для противодѣйствія его политикѣ в Маньчжуріи, мнѣ пришлось вступить в особыя отношенія с нѣкоторыми из подчиненных ему генералов, среди которых я нашел горячих сторонников моей идеологіи в вопросах борьбы с коммунизмом и реставраціи монархическаго строя в Китаѣ. Уже тогда, в 1919-20 г. г. многіе из передовых маньчжур понимали, что возстановленіе Императорской власти в Китаѣ является единственной возможностью благополучно ликвидировать тот хаос, который когда-то заварил д-р Сун Ят-сен и с которым сами китайцы до сего времени не могут ничего подѣлать. Между тѣм, коммунисты, всегда стремящіеся использовать противорѣчія буржуазнаго строя в интересах міровой революціи не преминули извлечь для себя все возможное из китайской неразберихи и три принципа д-ра Суна, ярко окрашенные в красный цвѣт, были использованы ими для пропаганды революціонных идей китайским политическим дѣятелям и массам населенія.

Идея организаціи борьбы с коммунизмом в международном масштабѣ явилась у меня с первых-же шагов моей дѣятельности на политическом поприщѣ и была вызвана дѣйствіями самих большевиков, которые, едва захватив власть на Дальнем Востокѣ и в Сибири, сейчас-же привлекли военноплѣнных и китайцев в ряды красной арміи, создавая из них так называемыя «интернаціональныя» части.

Для противодѣйствія красной пропагандѣ в Китаѣ, я задумал привлечь к дѣлу борьбы с коминтерном представителей китайской общественности и лучшіе генералы арміи Чжан Цзо-лина примкнули к проектируемому мною плану. Первым, поддержавшим мою идею объединенной борьбы Россіи и Китая против коминтерна, был свѣтлой памяти покойный нынѣ генерал Чжан Куй-ю, который был умерщвлен впослѣдствіи Чжан Цзо-лином. К нам примкнул и генерал Гын Юй-тин, также казненный в Мукденѣ. Наиболѣе длительное и активное содѣйствіе мнѣ в борьбѣ с красным злом было оказано генералом Чжан Хай-пын, нынѣ маршалом Маньчжурской Имперіи.

Помимо военных, мнѣ удалось заручиться содѣйствіем и сочувствіем многих общественных дѣятелей, нынѣ занимающих выдающіеся посты в молодой Маньчжурской Имперіи. К числу этих лиц относятся: г. Ло Чжу-юй, г. Тоин, г. Се Чже-шй и знаменитый ученый г. Кан Ю-вей. Содѣйствіе и расположеніе перечисленных лиц укрѣпляло меня в неизбѣжности конечнаго торжества бѣлой идеи, тѣм болѣе, что несмотря на всѣ препоны, которыя ставились мнѣ на пути привлеченія монгол к общему фронту борьбы с коминтерном, мнѣ все-же удалось вполнѣ договориться с ними, при содѣйствіи М. А. Шадрина, бывшаго переводчика Штаба Заамурскаго военнаго

округа. Знаток монгольскаго и китайскаго языков, М. А. Шадрин проявил много энергіи и труда по организаціи монгольскаго съѣзда в Читѣ, на котором были рѣшены первостепенной важности вопросы, координированных дѣйствій наших против красных.

Итак, невозможность продолжать борьбу на родинѣ, вслѣдствіе отсутствія поддержки со стороны уставшаго от войны населенія, вслѣдствіе прекращенія возможности имѣть нужные для борьбы рессурсы; наконец, вслѣдствіе необезпеченности коммуникаціи по К. В. ж. д., поставила меня перед необходимостью перемѣщенія базы борьбы с коминтерном с россійской территоріи в Монголію.

Кадр монгольской арміи в Забайкальи мною уже был создан и состоял из азіатскаго корпуса под командой генерал-лейтенанта барона Унгерна. Был также заготовлен нѣкоторый запас вооруженія для развертыванія новых формированій в Монголіи. Всѣ работы по подготовкѣ азіатскаго корпуса к походу в Монголію пришлось держать в строгой тайнѣ и о задуманном мною планѣ знал ограниченный и особо довѣренный круг лиц.

Идею этого движенія полностью раздѣлял духовный глава Внутренней Монголіи, Богдо Наинчи хутухта, который агитировал среди монгол за поддержку моего плана. Впослѣдствіи, китайцы жестоко отплатили ему за эту поддержку: будучи обманным образом завлечен китайцами к себѣ, он был разстрѣлян ими без всякаго суда. В осуществленіи моего плана близкое участіе принимал и представитель княжества Хамба, который одновременно являлся и посланцем ко мнѣ Далай-ламы; а с многими прочими представителями теократической власти в Монголіи, Тибетѣ и Синцзянѣ было достигнуто взаимное пониманіе.

Самое трудное было обезпеченіе финансовой базы похода и существованія корпуса в Монголіи в первое время, до занятія им Калгана. С занятіем этого пункта монголами, мы включили в наше движеніе крупныя китайскія группировки, имѣвшія своей цѣлью реставрацію монархическаго строя в Китаѣ. Монголія-же должна была пріобрѣсти полную политическую самостоятельность и искать союза с Китайской Имперіей для совмѣстной с нами борьбы с коминтерном. В финансовом отношеніи азіатскій корпус был снабжен, конечно, недостаточно, но я не мог отпустить в распоряженіе барона Унгерна болѣе семи милліонов золотых рублей.

Обстановка послѣдних дней моего пребыванія в Забайкальи была настолько тяжела, что предполагаемое движеніе азіатскаго корпуса необходимо было тщательно скрывать не только от красных, но и от Штаба арміи. Тѣм не менѣе удалось сдѣлать все, что было возможно, при ограниченных наших рессурсах и при тѣх труднопреодолимых пространствах, которыя отдѣляли нас от руководящих центров ламаитских владык, с сохраненіем полной тайны. В интересах той-же маскировки истинных цѣлей движенія, послѣ выхода

послѣдних частей корпуса из пограничнаго раіона Акша-Кыра, я объявил о бунтѣ азіатскаго коннаго корпуса, командир котораго, генерал-лейтенант барон Унгерн, вышел из подчиненія командованію арміи и самовольно увел корпус в неизвѣстном направленіи.

В самом началѣ движенія, барон Унгерн имѣл успѣх и быстро занял столицу Сѣверной Монголіи — Ургу. Однако, с занятіем Урги и установленіем непосредственной связи с правительством хутухты, начались недоразумѣнія между монголами и бароном, которыя были вызваны диктаторскими тенденціями послѣдняго. Такое явленіе вполнѣ могло имѣть мѣсто, так как прибывшій в маѣ 1921 года из Урги князь Цебен жаловался мнѣ, что барон Унгерн совершенно не желает придерживаться вѣковых традицій монгольскаго правящаго класса, игнорируя их со свойственной ему прямолинейностью. С этим надо было серьезно считаться, но особой угрозы факт этот пока не представлял, так как азіатскій корпус фактически был предназначен к роли авангарда моего движенія, ибо вслѣд за ним должен был выступить я с остальными кадровыми частями дальневосточной арміи.

Красная Москва забила тревогу. Подготовляя движеніе в Азію для революціонизаціи ея путем овладѣнія Монголіей и Синцзяном, красные должны были приложить всѣ старанія к полной ликвидаціи частей барона Унгерна и потому ими были приняты в этом направленіи всѣ мѣры подкупа и провокаціи, помимо отправки навстрѣчу барону крупных частей красной арміи. Движеніе барона Унгерна не встрѣтило сочувствія также со стороны политических представителей иностранных держав в Китаѣ, Монголіи и Синцзянѣ, которые не понимали агрессивных планов коминтерна в отношеніи материка Азіи и разсматривали поход барона Унгерна с точки зрѣнія чистой авантюры.

Послѣ выступленія азіатскаго корпуса и занятія им Урги, я стал подготовляться к походу вслѣд за ним. Для этого необходимо было по возможности безболѣзненно вывести из боя части 1-го корпуса генерала Мацієвскаго, который составляли казачьи полки и полки моего стараго Особаго Маньчжурскаго Отряда. Постепенно я начал стягивать их к границам Маньчжуріи, чтобы впослѣдствіи их можно было легко перебросить в раіон Хайлара, гдѣ к ним должны были присоединиться китайскія части генерала Чжан Куй-ю для того, чтобы совмѣстно двигаться на Ургу. Одновременно части сибирской арміи должны были быть эвакуированы в Приморье. К 20-му ноября я должен был вывести армію на маньчжурскую территорію и надолго проститься с родным мнѣ Забайкальем.

Однако, в послѣдній момент обстановка сложилась так, что мнѣ внезапно пришлось измѣнить свой план.

Я вынужден был отказаться от намѣренія идти в Монголію и

принял рѣшеніе перебросить свою Ставку и всю армію цѣликом в Приморье.

В Приморьи, как я точно знал, находилось на складах свыше шестидесяти тысяч винтовок с большим количеством патронов к ним, а также предметы воинскаго снаряженія и обмундированія. Все это могло быть использовано для нужд дальневосточной арміи.

Приняв это рѣшеніе, я должен был немедленно извѣстить барона Унгерна и генерала Чжан Куй-ю об измѣненіи принятаго нами плана и о внесеніи вытекающих из этого коррективов в выполненіе намѣченных операцій. Кромѣ того, я инструктировал барона, каким образом ему слѣдовало поддерживать добрыя отношенія с монголами, чтобы не оттолкнуть их от себя и тѣм не провалить всей намѣченной кампаніи.

Конечно, если-бы я предполагал, что мнѣ с кадровыми частями 1-го корпуса не удастся послѣдовать в Монголію немедленно вслѣд за азіатским корпусом, я учел бы особенности характера барона Унгерна, прямолинейность и непосредственность котораго затрудняли установленіе надлежащих взаимоотношеній с монгольскими вождями. Может быть, пришлось-бы выбрать другое лицо для возглавленія экспедиціи, но, считая корпус Унгерна лишь авангардом своих сил, я не придавал особаго значенія этим его качествам, разсчитывая, что руководство экспедиціей и сношенія с монголами будут находиться в моих руках и что я сумѣю надлежащим образом оказывать вліяніе на Романа Федоровича. Теперь-же, с измѣненіем плана, приходилось ограничиться лишь письменными указаніями ему и я весьма опасался, что это могло оказаться недостаточным. Поэтому я командировал нѣсколько своих офицеров к барону и сам предполагал вернуться к проведенію в жизнь своего плана так скоро, как только обстоятельства это позволят. Я был увѣрен в том, что нам не придется долго задержаться в Приморьи, ибо политика Ниппон в то время была уже ясна и можно было с увѣренностью предполагать, что он выведет свои войска из предѣлов Россійской восточной окраины прежде, чѣм нам удастся закрѣпить свое положеніе в Приморском краѣ.

Исходя из изложенных соображеній, я приказал забайкальским частям корпуса генерала Маціевскаго оставаться пока в Хайларѣ, за исключеніем одной бригады, которая должна была быть переброшенной вмѣстѣ с остальными частями корпуса в Приморье, что было согласовано с генералом Чжан Куй-ю, с которым в то время должен был считаться сам глава трех восточных провинцій маршал Чжан Цзо-лин.

Сам-же я принял рѣшеніе по прибытіи в Приморье, немедленно совершить переворот во Владивостокѣ, удалив оттуда так называемое Земское правительство (Антонова), ради сохраненія находившихся в городѣ цѣнностей и обращенія их на нужды продолженія

борьбы с коминтерном. Заручившись содѣйствіем нѣкоторых китайских военачальников в Сѣверной Маньчжуріи, я получил увѣренность в том, что мнѣ удастся, раньше чѣм экспедиціонныя силы Ниппон оставят русскую территорію, эвакуировать все цѣнное из Приморья в Хайлар. Кромѣ того, я предполагал, что амурскіе и уссурійскіе казаки уйдут вмѣстѣ со мной и добровольцами дальневосточной арміи из Приморья.

Имѣя вліятельных сторонников в Мукденѣ, Пекинѣ и Халхѣ, можно было снова попытаться осуществить план движенія от Хайлара на Ургу.

7.

ОТХОД АРМІИ В ПРИМОРЬЕ.

Выход частей арміи в Маньчжурію. Неудачи Бѣлаго движенія и их причины. Мой отъѣзд в Гродеково. Подготовка переворота в Приморьи. Прибытіе во Владивосток. Отказ Штаба арміи от подчиненія мнѣ. Срыв намѣченнаго плана. Вынужденный мой отъѣзд в Порт – Артур. Разработка новаго плана движенія. Инструкція барону Унгерну. Двуличіе Меркуловых. Легкомысліе генерала Савельева. Мой отъѣзд во Владивосток. Переворот во Владивостокѣ. Попытка арестовать меня. Противодѣйствіе моей высадкѣ на берег. Протест консульскаго корпуса и мой отвѣт на него. Переговоры и разрыв с Меркуловыми.

К 20-му ноября 1920 года всѣ части дальневосточной арміи под моим личным руководством были выведены с территоріи Забайкалья в Маньчжурію. Таким образом, первый період нашей трехлѣтней борьбы с коминтерном был закончен и принес нам крушеніе наших надежд и уничтоженіе національной государственности на территоріи Сибири и Забайкалья.

Причины, кои привели к столь печальным результатам національныя группировки сложны и многообразны. Большую роль в наших неудачах сыграла неискренность союзников, нѣкоторые из которых, как напримѣр, американцы и французы, опредѣленно играли на два фронта.

Надо сказать, что в то время, как бѣлые вожди не старались заинтересовать иностранныя державы в помощи нам, большевики не скупились на обѣщанія всевозможных выгод за прекращеніе интервенціи и признаніе совѣтской власти.

Категорическій отказ правительства Юга Россіи признать лимитрофы оттолкнули от бѣлых эти новыя государства и покровительствующія им державы.

Нами в этом случаѣ не было проявлено достаточно гибкости, мы еще не уяснили себѣ послѣвоеннаго принципа дипломатіи: «обѣ-

щать еще не значит исполнять». Мы были слишком прямолинейны и излишне искренни и откровенны.

Русскіе націоналисты не имѣли должнаго единства и раздирались партійностью и разными оттѣнками политических взглядов и подходов к однѣм и тѣм же цѣлям и задачам.

В бѣлом станѣ не было выработано единой, четкой идеологіи, не было выброшено лозунга, который в то время мог-бы привлечь к нам симпатіи крестьянских и рабочих масс.

В своих деклараціях бѣлыя правительства подчеркивали, что им чужды реставраціонные замыслы, но о будущем устройствѣ Россійскаго Государства говорили в весьма неопредѣленных тонах, что давало повод правым элементам укорять бѣлых в «лѣвизнѣ», а лѣвым — в реакціонности.

Крестьянство ждало от бѣлых немедленной земельной реформы, но она откладывалась до окончанія гражданской войны, что дало большевикам отличную почву для агитаціи и запугиванія крестьян возвращеніем помѣщиков.

В то время, как мы говорили населенію только об обязанностях, большевики твердили ему о правах — на землю, на фабрики, на заводы и на все, что составляло достояніе имущих классов.

Еще не в достаточной мѣрѣ испытавшее во что претворяются всѣ большевистскіе посулы, крестьянство и особенно рабочіе в подавляющем большинствѣ пошли за красными, отшатнувшись от нас.

Нам приходилось опираться только на офицерство, на казаков и на часть городской интеллигенціи.

Что касается буржуазіи, то она проявила весьма мало жертвенности и больше зарабатывала на бѣлых арміях, чѣм помогала им, хотя казалось бы, что именно она больше всего должна была оказывать нам содѣйствіе.

Гражданская война в Россіи дала много Пожарских, но очень мало Мининых.

К этому еще нужно добавить, что большинство бойцов бѣлых армій провело на фронтѣ Великой войны свыше 3-х лѣт, послѣ чего, без всякаго перерыва, им пришлось принять участіе в гражданской войнѣ, еще болѣе жестокой и тяжелой, чѣм та, с которой они только что вернулись. Это, конечно, тоже оказало свое вліяніе на исход бѣлой борьбы.

Эвакуація из Забайкалья была проведена планомѣрно и спокойно. Красные держались пассивно и частей, выходящих из боя, не преслѣдовали. В Маньчжуріи были сосредоточены достаточные запасы продовольствія. Штаб арміи был снабжен мною деньгами в золотѣ на весьма крупную сумму. Эти деньги предназначались мною за перевозку частей арміи по КВжд, а также для распредѣленія между обществами взаимопомощи чинов арміи. Это были послѣдніе денежные рессурсы, находившіеся в моем распоряженіи.

24-го ноября я отбыл через Харбин на Гродеково. 27-го ноября я туда прибыл, испытав в пути нѣкоторыя непріятности, особенно в Харбинѣ, гдѣ вооруженная команда китайских солдат пыталась проникнуть ко мнѣ в вагон, не объясняя цѣлей, с какими была предпринята эта попытка. К пріѣзду моему в Гродеково, там находилась незадолго до этого сформированная генерал-маіором Н. И. Савельевым, Уссурійская казачья бригада.

В Гродеково мнѣ пришлось пробыть около недѣли, ожидая предоставленія мнѣ возможности переѣхать во Владивосток, гдѣ я намѣревался осуществить задуманный переворот, который тѣм временем подготовлялся путем соотвѣтствующей обработки общественнаго мнѣнія города. За эту недѣлю я имѣл возможность убѣдиться в том, что настроеніе уссурійских казаков было направлено вполнѣ опредѣленно против красных; это обстоятельство укрѣпляло меня в увѣренности, что план переворота во Владивостокѣ является вполнѣ осуществимым и для пользы дѣла необходимым. Я поручил генералу Савельеву продолжать подготовку к одновременному перевороту в Никольскѣ Уссурійском и Владивостокѣ и 5-го декабря, с соблюденіем полнаго секрета, выѣхал во Владивосток. По прибытіи, я был встрѣчен представителем ниппонскаго командованія, охраной котораго я был огражден от всякаго рода случайностей, которыя были-бы неизбѣжны, если-бы красные узнали о моем прибытіи в город. Спустя нѣсколько часов послѣ прибытія в город, мнѣ было предложено перемѣститься на ниппонское судно, стоявшее в то время пришвартованным к гавани порта. Но мое пребываніе на нем, так же, как и в самом городѣ, оказалось, однако, весьма кратковременным и я вынужден был отказаться от немедленной реализаціи намѣченной себѣ программы ввиду событій происшедших в арміи, вслѣд за моим отъѣздом из Маньчжуріи.

Немедленно по прибытіи во Владивосток, в вагонѣ, я имѣл встрѣчу с начальником Штаба экспедиціонных войск генерал-маіором Такаянаги. От него я впервые услышал, что давно подготовляемое нѣкоторыми генералами сибирской арміи выступленіе против меня, как правопреемника власти покойнаго адмирала Колчака, было осуществлено на станціи Маньчжурія послѣ того, как я покинул предѣлы этой станціи. При этом, генерал любезно обѣщал мнѣ немедленно принять мѣры к детальному освѣдомленію меня обо всем, происшедшем в арміи.

Как оказалось из информаціи, полученной мною из Штаба экспедиціонных войск, генерал-лейтенат Вержбицкій, генерал-маіор, Петров, командиры II-го и III-го корпусов, генерал маіоры Смолин и Молчанов, заявили о своем отказѣ от дальнѣйшаго подчиненія мнѣ, как главнокомандующему, о чем, по порученію указанных выше лиц, Генеральнаго Штаба полковник Ловцевич сдѣлал офиціальное заявленіе начальнику Императорской ниппонской военной миссіи в Харбинѣ, генерал-маіору Хамоомоте.

Этим актом открытаго неповиновенія мнѣ, генералы сибирской арміи заставили меня отказаться от попытки произвести немедленный переворот во Владивостокѣ и возсоздать противокоммунистическій фронт в Приморьи. Дѣйствительно, при создавшихся условіях, не могло быть и рѣчи о реализаціи ранѣе намѣченных шагов, ибо, я, как главнокомандующій, имѣл бы внутренній фронт против себя послѣ переброски частей арміи в Приморье. Подобное положеніе грозило-бы неминуемым нарушеніем порядка в зонѣ желѣзнодорожной магистрали Пограничная—Владивосток, отвѣтственность за который лежала на командованіи ниппонских экспедиціонных войск. Таким образом, план образованія національной государственности в Приморьи был сорван. Мало того, было затруднено мое дальнѣйшее пребываніе на Приморской территоріи, так как я получил опредѣленный совѣт покинуть Приморскую область, дабы не служить причиной возможных столкновеній между частями арміи, причем мнѣ было дано понять довольно ясно, что в случаѣ отказа моего выѣхать из Приморья, вѣрныя мнѣ части дальневосточной арміи и их семьи не будут впущены туда из Пограничной, что обрекло бы их на голод и распыленіе. Хуже всего было то, что я не мог вернуться и к реализаціи моего первоначальнаго плана Монгольскаго похода, ибо части 1-го корпуса, предназначенныя к участію в этой экспедиціи, находились уже на станціи Пограничная и вернуть их обратно в Хайлар не представлялось возможным из-за отсутствія средств (всѣ перевозки по К. В. ж. д. совершались за наличный расчет в золотѣ) и невозможности вновь их вооружить, так как при переходѣ границы все наше оружіе было сдано китайцам.

В этих обстоятельствах, чтобы не создавать излишних затрудненій для частей, оставшихся мнѣ вѣрными, я рѣшил выѣхать из предѣлов Приморья в Порт - Артур для продолженія своей работы в прежнем направленіи непримиримой борьбы с коммунизмом.

Уговорившись с генералом Савельевым о пріемѣ и размѣщеніи им для отдыха и пополненія вѣрных мнѣ частей арміи на территоріи Уссурійскаго казачьяго войска, я со своим Штабом, 5-го декабря оставил Владивосток и выѣхал на Гензан—Сеул. 9-го декабря прибыл в Порт - Артур. Немедленно-же были возстановлены нити связи моей с оставленной территоріей Россіи и Монголіи и я возобновил свою организаціонную работу по подготовкѣ выступленія предстоящей весной 1921-го года.

План этого движенія был основан на одновременном выступленіи на востокѣ и на западѣ. Под моим личным руководством должно было осуществиться занятіе Владивостока и, вообще, Приморья; а генерал-лейтенант барон Унгерн должен был начать движеніе из Урги на запад, если первая и основная его задача — диверсія на Калган, по каким-либо причинам не была бы поддержана тѣми китайскими кругами, с коими нами был установлен контакт. Но барон Унгерн получил свѣдѣнія о том, что красная конница, сосре-

доточенная у Троицкосавска, готова, яко бы, перейти на сторону бѣлых и потому, отказавшись от диверсіи на Калган и вопреки полученным от меня инструкціям, со всѣм своим корпусом выступил на запад, полагая, что переворот во Владивостокѣ и возстановленіе національнаго фронта в Приморьи отвлекут вниманіе красных от монгольскаго направленія и дадут ему возможность выйти на коммуникаціонную линію красных в самом чувствительном, Байкальском, ея раіонѣ.

Пребываніе мое в Порт — Артурѣ продолжалось с 7-го декабря по 26-ое мая 1921 года. Время это было потрачено на преодолѣніе всяких препятствій к намѣченному плану — перевороту в Приморьи, причем я с грустью вспоминаю, что многіе мои агенты на мѣстах не только не оказали мнѣ какой-либо помощи в этом дѣлѣ, но своим образом дѣйствій портили его и возстанавливали против него представителей иностраннаго командованія, еще остававшагося на Россійской территоріи. Нѣкоторые из моих сотрудников работали совершенно искренне, но, часть из них, во главѣ с братьями Меркуловыми, работали больше в своих личных интересах, создавая себѣ популярность и подготовляя почву для переворота в свою пользу. Тѣм не менѣе, наружно, они были вполнѣ лояльны к принятым на себя обязательствам и мною были переданы им значительныя суммы денег для подготовки общественнаго мнѣнія и на тайную переброску во Владивосток назначенных для производства переворота частей со станціи Гродеково.

В маѣ мѣсяцѣ Владивосток был подготовлен к перевороту. Нужныя части войск постепенно были сосредоточены из Гродеково во Владивосток, что удалось сдѣлать совершенно незамѣтно.

Когда уже все было готово к перевороту, я внезапно получил телеграмму, подписанную Меркуловыми, которой они пытались убѣдить меня отказаться от поѣздки во Владивосток и от возобновленія борьбы с красными, вслѣдствіе несвоевременности моего новаго появленія на политической сценѣ. Они мотивировали свой совѣт мнѣ непріемлемостью меня для части арміи и общественности, которая выдвигает в качествѣ національнаго правительства Приморья их самих, братьев Меркуловых. Это превращеніе из положенія моих довѣренных агентов в моих опекунов и конкурентов было совершенно неожиданно и мало понятно, суля новыя испытанія и новыя потрясенія дѣлу продолженія вооруженной борьбы с коминтерном. Несмотря на то, что предательство Меркуловых этой телеграммой было явно обнаружено, я все-же счел нужным срочно провѣрить свои выводы и приказал генералу Савельеву выяснить роль Меркуловых и общее положеніе дѣл в Приморьи. Савельев немедленно донес, что Меркуловы завѣрили его в своей лояльности ко мнѣ, что части арміи ждут моего пріѣзда и что дальнѣйшее откладываніе переворота, к которому все готово, может погубить все дѣло. Это донесеніе, как вскорѣ выяснилось, было, выражаясь мягко, весьма

легкомысленно и совершенно не провѣрено. В дѣйствительности, дѣло обстояло так: Меркуловы увѣряли Савельева в преданности мнѣ, чтобы обезпечить себѣ поддержку Гродековской группы, которая согласилась принять активное участіе в переворотѣ лишь в том случаѣ, если он должен был быть совершен в мою пользу. С другой стороны, Меркуловы вели закулисную работу среди Владивостокской общественности и каппелевцев, добиваясь популярности в этих кругах, чтобы послѣ совершенія переворота выдвинуться самим, выставив меня совершенно непріемлемым на посту Главнокомандующаго и Главы правительства для большинства населенія, арміи, и, самое главное, для ниппонскаго командованія в Приморьи. Эта часть работы Меркуловых для генерала Савельева осталась совершенно неизвѣстной, хотя он должен был-бы ее обнаружить. Мнѣ же роль Меркуловых стала совершенно ясной послѣ того, как я обратился к ниппонскому командованію с просьбой предоставить мнѣ возможность выѣхать во Владивосток и получил отказ, со ссылкой именно на мою непріемлемость для арміи и общественности. Это обстоятельство затруднило также для меня возможность зафрахтовать пароход, а каждый день опозданія осложнял обстановку. В концѣ концов, все-же удалось зафрахтовать небольшой пароход «Кіодо-Мару», на котором я и выѣхал в Приморье. В пути поднялся сильнѣйшій шторм и болѣе суток «Кіодо-Мару», стремясь вперед, тщетно боролся с волнами вблизи Фузана. Когда буря стихла, мы увидѣли, что за прошедшіе 26 часов не смогли сдѣлать и десяти миль. Фузан был видѣн слѣва от нас так же, как и сутки назад.

Тѣм временем, переворот во Владивостокѣ был совершен частями гродековских войск, под командой доблестнаго полковника Буйвида (Валеріана). Но благодаря малой распорядительности генерала Савельева и ближайших его помощников — генерала Глѣбова и генерала Нечаева, возглавлявших войска Гродековской группы, они не смогли подчинить себѣ обстановку и переворот был использован нашими противниками. Во главѣ правительства стали братья Меркуловы, которые приложили всѣ старанія к тому, чтобы помѣшать мнѣ создать противосовѣтскій фронт в Приморьи.

В то время, находясь на «Кіодо-Мару», мы ничего не знали ни о совершившемся переворотѣ, ни о захватѣ власти Меркуловыми. 30-го мая 1921 года, как только забрежил свѣт наступавшаго утра, я и всѣ чины моего Штаба, сопровождавшіе меня, были уже на палубѣ парохода. Во мглѣ утренняго тумана вырисовывались очертанія берегов родной земли. Проведя четверо суток в пути и не имѣя никаких свѣдѣній о Владивостокѣ, я испытывал тревогу о том, чѣм примет нас родная страна и какія новости ожидают нас на берегу. К нечистоплотности в моральном отношеніи Меркуловых я был подготовлен и эта увѣренность не оставляла во мнѣ сомнѣнія в неизбѣжности разнаго рода непріятностей, ожидавших меня во Владивостокѣ.

В двух или трех часах хода от Владивостокскаго порта, мы

замѣтили вышедшій в море небольшой пароход, оказавшійся крейсером береговой охраны «Лейтенант Дыдымов», на борту котораго видны были люди, в количествѣ 150-200 человѣк. Пароход стал давать нам какіе-то непонятные сигналы и взяв направленіе на «Кіодо-Мару» быстро пошел на сближеніе с нами. Наблюдая за «Дыдымовым», мы замѣтили на нем какое-то замѣшательство; оркестр то начинал играть, то срывал. Звуки Атамановскаго марша мѣшались и заглушались звуками какого-то другого марша. Все это заставляло меня быть насторожѣ, ибо, если-бы «Лейтенант Дыдымов» шел встрѣчать меня с чинами моего конвоя, они не имѣли бы колебаній, какой при этом надлежит играть марш.

Имѣя ввиду наличіе какой-то ловушки, я приказал сигналами вызвать на «Кіодо-Мару» начальника находящейся на «Дыдымовѣ» воинской части. Послѣдовал отвѣт, что меня приглашают пересѣсть на «Дыдымова», дабы во главѣ высланнаго мнѣ навстрѣчу почетнаго караула прибыть во Владивосток, гдѣ меня ожидают армія и населеніе Я категорически потребовал от начальника караула, чтобы он явился ко мнѣ на «Кіоду-Мару». Когда это приказаніе не было исполнено, я окончательно убѣдился в том, что мнѣ слѣдует быть осторожным и не довѣрять экипажу «Дыдымова». По прибытіи во Владивосток, я узнал, что этот «почетный караул» выслал за мной военный министр вновь образовавшагося правительства Н. Д. Меркулов. Караул состоял из чинов 2-го корпуса и возглавлялся полковником фон-Вахом, который должен был заманить меня на «Дыдымова» и там арестовать.

Вблизи Русскаго острова, мы были встрѣчены катером с чинами моего личнаго конвоя, под командой полковника Буйвида, и прочими руководителями произведеннаго переворота. Выслушав их доклад, я выяснил, что Меркуловы, захватив власть в городѣ, объявили себя правительством и заявили о прекращеніи вооруженной борьбы с большевиками и о рѣшеніи правительства заняться устройством мирной жизни Приморской окраины. Что касается меня, то мое желаніе продолжать вооруженную борьбу с красными было выставлено, как преступное стремленіе к пролитію братской крови и новое правительство декларировало, что оно будет всѣми мѣрами противодѣйствовать моей высадкѣ на берег. Такова была обстановка, встрѣтившая меня во Владивостокѣ. Я рѣшил остановиться на рейдѣ и, обдумав создавшееся положеніе, поискать путей к выполненію моего плана, связаннаго с намѣченными шагами барона Унгерна в Халхѣ.

Около 10 часов утра, «Кіодо-Мару» вошел на рейд Владивостока. Берег был усыпан народом, среди котораго выдѣлялось особенно большое количество солдат. Не успѣл наш корабль бросить якорь, как к нему подошел катер под французским флагом. Был дан трап. На катерѣ прибыл один из чинов французскаго консульства, имѣвшій порученіе вручить мнѣ пакет от имени кон-

сульскаго корпуса Владивостока. Передав пакет дежурному офицеру, посланец уѣхал; я его не видѣл.

Вскрыв пакет, я обнаружил в нем постановленіе консульскаго корпуса, которым я предупреждался не высаживаться на территорію города Владивостока, во избѣжаніе могущих быть на почвѣ враждебнаго отношенія ко мнѣ правительства и населенія безпорядков. Меня не могло не возмутить столь безцеремонное вмѣшательство дипломатов в вопросы наших внутренних взаимоотношеній и я послал с отвѣтом консульскому корпусу начальника иностраннаго отдѣла своей личной канцеляріи, г. К. В. Лучича. Отвѣт был редактирован в формѣ запроса, адресованнаго консульскому корпусу Владивостока о том, не находят-ли г. г. консула, что я, как Главнокомандующій россійской арміей, имѣю право предложить им покинуть Россійскую территорію, и не находят-ли они, что их письмо ко мнѣ, как к главѣ Россійской національной власти, является ничѣм иным, как вмѣшательством во внутреннія политическія дѣла Россіи. Инцидент был исчерпан на том, что я получил извиненіе от старшины консульскаго корпуса, который объяснил причины выступленія консулов против меня неправильной информаціей правительства и его просьбами, воздѣйствовать на меня в смыслѣ отказа от высадки на берег.

Мое пребываніе на Владивостокском рейдѣ вызвало посѣщеніе меня большим количеством делегацій от разных групп населенія и политических организацій. Всѣ онѣ выражали негодованіе образом дѣйствій Меркуловых, находя их преступными перед дѣлом борьбы с комунтерном. Конечно, я ни минуты не обольщал себя надеждой, что мнѣ удастся заставить Меркуловых уйти, без того, чтобы не пришлось вступить в вооруженный конфликт с поддерживающими их частями арміи, чего я совершенно не допускал, и всѣ делегаціи, посѣтившія меня, расцѣнивались мною лишь как фактор, подтверждающій лживость Меркуловых о непріемлемости меня для большинства населенія Приморья. Тѣм не менѣе, надо было искать какой-то выход из созданнаго Меркуловыми тупика. Я срочно отправил к генералу барону Унгерну монгольскаго князя Цебена с указаніем о прекращеніи движенія на запад и о необходимости связаться с генералом Чжан Куй-ю и монголами Внутренней Монголіи, имѣя ввиду выработанный нами план совмѣстных с китайскими монархистами дѣйствій: К несчастью, к этому времени Азіатскій корпус уже начал операціи в направленіи Байкала, на Мысовск, и вернуть его не представлялось возможным. Не имѣя еще донесеній об этом движеніи барона Унгерна, я, обдумав положеніе, пришел к выводу, что при создавшихся условіях, наилучшим выходом будет попытка мой уговорить Меркуловых остаться, если они так этого хотят, заниматься домашними Приморскими дѣлами, а мнѣ не мѣшать идти на Ха-

Русская Историческая БИБЛІОТЕКА

баровск. Это мое рѣшеніе было доведено до свѣдѣнія Меркуловых, которые выразили желаніе вступить в переговоры со мною, на что я охотно согласился, выставив условіем, что при веденіи этих переговоров, никто из иностранцев присутствовать не будет и рѣшеніе всѣх вопросов должно зависѣть от нас, без всякаго вмѣшательства со стороны. Первая встрѣча с Н. Д. Меркуловым произошла на борту парохода «Кіодо Мару». Я откровенно высказал Меркулову свой взгляд на него и на допущенный им и его братом образ дѣйствій, который, по моему глубокому убѣжденію, ведет к гибели и их самих и все національное дѣло, и спросил, сознают-ли они, какая отвѣтственность лежит на них и какую неприглядную роль играют они во всем этом дѣлѣ. Н. Д. Меркулов мнѣ заявил, что он сам и их правительство, смотрят на положеніе вещей также, как и я, но что, яко-бы, они получили предложеніе от нѣкоторых политических группировок в Ниппон отмежеваться от меня, послѣ чего им будет дан заем в 12 милліонов іен, а, если понадобится, то и вооруженная поддержка. Насколько это было правдой — я не знаю, но реальные факты того времени рѣшительно исключали возможность предполагать, что могли найтись какія-либо группировки, которыя взяли-бы на себя поддержку Меркуловскаго правительства, хотя-бы даже при условіи полнаго моего отстраненія от него. Лицо, яко-бы, дѣлавшее это предложеніе, в то время замѣщало должность офиціальнаго драгомана русскаго языка при Штабѣ экспедиціонных войск, а потому едва-ли оно могло быть облечено столь важной дипломатической миссіей со стороны правительственных кругов, с одной стороны, и вряд-ли могло согласиться выступить по порученію частных группировок, с другой.

3-го іюня 1921 года я получил письмо от начальника Военной миссіи во Владивостокѣ, полковника Гоми, в котором он выражал свое удивленіе почему я настроен против возглавляемой им Миссіи, что выразилось в моем протестѣ против участія представителя Миссіи в переговорах между мною и Меркуловыми. Далѣе, в своем письмѣ, полковник Гоми пояснил мнѣ, что его единственным желаніем является урегулированіе вопроса с продовольствіем бѣженцев в Никольскѣ-Уссурійском и Гродеково и снабженіе частей арміи в этих раіонах, так как, как тѣ, так и другіе, голодали. Я ответил полковнику Гоми, что тут, повидимому, произошло какое-то досадное недоразумѣніе, так как я не только никогда не протестовал против его участія в моих переговорах с правительством Меркуловых по этому вопросу, но даже уже обращался к нему с просьбой дать провіант и фураж для частей войск Гродековской группы, ввиду того, что Меркуловы отказались снабжать их, ссылаясь на то, что будто-бы полковник Гоми не дает согласія на пропуск продовольствія в Гродеково.

По выясненіи дѣла оказалось, что Меркуловы извратили смысл моего протеста против участія кого-либо из иностранцев в наших политических переговорах, касавшихся внутренних Российских дѣл, и распространили этот протест и на чисто техническій вопрос снабженія голодающих бѣженцев, создавая, таким образом, умышленную путаницу и оппозицію мнѣ со стороны всѣх, кого только можно было вовлечь в ряды ея.

В тот-же день, вечером, я пріѣхал на «Дыдымов». Там я нашел уже ожидавшими меня полковника Гоми, С. Д. Меркулова с двумя секретарями и еще нѣсколько лиц. Я предложил начать засѣданіе. На этот раз разбирались лишь вопросы о снабженіи продовольствіем как Гродековской группы войск, так и частей, находившихся под командой генерала Вержбицкаго во Владивостокѣ и других пунктах Приморья, на одинаковых условіях. Теоретически вопрос был разрѣшен удовлетворительно, что не помѣшало Н. Д. Меркулову на другой-же день не подчиниться этому рѣшенію и отказать генералу Глѣбову и генералу Савельеву в выдачѣ необходимых продуктов из интендантских складов.

4-го іюня состоялось мое совѣщаніе с С. Д. Меркуловым на борту «Кіодо-Мару», на котором мы рѣшили обсудить политическое положеніе и найти обоюдно пріемлемый выход из создавшагося тупика. Совѣщаніе это окончилось новым обостреніем наших взаимоотношеній, ввиду того, что С. Д. Меркулов продолжал настаивать на прекращеніи мною борьбы с большевиками, заявляя, что если я отстранюсь от активной дѣятельности, то и красные не смогут, при наличіи иностранных штыков, уничтожить его правительство. В свою очередь, я пытался увѣрить Меркулова, что во-первых, никакого займа от Ниппон в 12 милліонов іен он не получит; во-вторых, большевики никогда не согласятся на сохраненіе в Приморьи какой-то Меркуловской вотчины и, в третьих, прежде, чѣм послѣдній солдат иностранной арміи покинет Приморье, возглавляемое им правительство перестанет существовать. Главное-же, на что я упирал, это тяжесть отвѣтственности, которую взял на себя Меркулов, помѣшав мнѣ и арміи выполнить свой долг перед родиной, продолжая вооруженную борьбу с коминтерном до конца.

На это С. Д. Меркулов мнѣ отвѣтил, что перст Божій указал на него, как на избранника, и Он, Всемогущій, поможет ему выйти из создавшагося положенія. Этот «мистическій» отвѣт и тупое упорство, с которым мой собесѣдник шел против логики и фактов, вывели меня из терпѣнія настолько, что я не сдержался и сказал Меркулову, что сильно сомнѣваюсь, чтобы у Господа Бога нашлось время и желаніе заниматься братьями Меркуловыми.

На этом наше свиданіе закончилось. С. Д. Меркулов немедленно уѣхал с «Кіодо-Мару» и больше я с ним не видѣлся.

8.

ПРИМОРСКІЯ СОБЫТІЯ.

Мирное строительство Приморской государственности. Противодѣйствіе моему походу на Хабаровск. Лента телеграфных переговоров с красными партизанами. Необходимость моего личнаго появленія в Гродеково. Подготовка тайной высадки. Путешествіе на катерѣ от Океанской до Надеждинской. Присоединеніе к Забайкальской каз. бригадѣ. Переодѣваніе. Ночевка и встрѣча с хунхузами. Прибытіе в Никольск-Уссурійскій. Смотр частям гарнизона. Первыя впечатлѣнія в Гродеково. Столкновеніе отряда ген. Малакена с частями 3-го корпуса. Убійство полковника Глазкова.

Положеніе создалось весьма трудное. С одной стороны я не имѣл никаких надежд убѣдить Меркуловых согласиться на мой поход на Хабаровск, с другой — мнѣ совершенно не хотѣлось рѣшаться на новый переворот во Владивостокѣ, ибо это повлекло бы за собой братское кровопролитіе.

Я все же рѣшил двинуть вѣрныя мнѣ части на Хабаровск в районѣ котораго в то время не было сколько нибудь крупных красных частей. Были, правда, на линіи Никольск-Уссурійскій—Хабаровск довольно много красных партизанских отрядов, но всѣ они, были весьма малочисленны по своему составу и плохо вооружены.

Тут мнѣ совершенно неожиданно пришлось столкнуться с непонятным противодѣйствіем со стороны военнаго командованія моему походу. Моя развѣдка и агенты из Штаба арміи донесли мнѣ, что генерал Вержбицкій принял твердое рѣшеніе оказать вооруженное сопротивленіе частям Гродековской группы войск при попыткѣ их выйти с мѣста своего расквартированія в каком бы то ни было направленіи.

Казалось бы, что движеніе моих войск в сторону Хабаровска никому, кромѣ красных не угрожало, несмотря на это противодѣйствіе мнѣ в этом зашло очень далеко.

С главнаго Владивостокскаго телеграфа мнѣ была доставлена лента разговора по прямому проводу между генералами Вержбицким и Смолиным. Содержаніе этого разговора мною приводится в приложеніи к настоящей книгѣ, а также и протокол засѣда-

нія Президіума чрезв. сессіи Несоц., Съѣзда, посвященный этому вопросу.

Из этого разговора по прямому проводу видно, куда могут завести людей зависть, больное честолюбіе и интриги.

Должен оговориться, что к этим интригам строевой состав «каппелевской» арміи — ни офицеры, ни тѣм болѣе солдаты, ни какого отношенія не имѣли. Интриговала небольшая численно группа «штабных», которых судьба щедро одарила тщеславіем и коварством, в явный ущерб понятію о воинской дисциплинѣ и сознанію своего долга перед Родиной.

Всѣ эти препятствія я рѣшил преодолѣть, лично явившись в Гродеково и приняв командованіе над квартировавшими там частями, тѣм болѣе, что мнѣ было извѣстно, что, по распоряженію правительства, части Маньчжурской дивизіи (О. М. О.) и Забайкальской бригады переброшенныя во Владивосток для совершенія переворота, должны были в скором времени отправиться назад в Гродеково. Если-бы мнѣ удалось сломить упорство братьев Меркуловых и получить возможность безпрепятственнаго движенія на Хабаровск, я рѣшил попытаться использовать свои связи в окруженіи маршала Чжан Цзо-лина и добиться его согласія на пропуск моих частей в Монголію.

Однако, для того, чтобы привести этот план в исполненіе, мнѣ нужно было обмануть бдительность агентов правительства Меркулова, денно и нощно наблюдавших за тѣм, что дѣлается на «Кіодо-Мару» и озаботиться тѣм, чтобы момент моего отъѣзда с корабля не стал-бы им извѣстен. Я был освѣдомлен о том, что при моей попыткѣ к высадкѣ береговая охрана имѣла распоряженіе стрѣлять по мнѣ. Но еще мало было незамѣтно выбраться с парохода: дорога из Владивостока находилась под сильным наблюденіем и, таким образом, даже благополучно высадившись на сушу, не представлялось возможности выбраться из города незамѣтно. Рѣшено было нанять катер и ночью, подведя его к «Кіодо-Мару», пересѣсть на него и двигаться по направленію к желѣзнодорожной станціи, Надеждинская, на берегу Амурскаго залива, верстах в 60—70 от Владивостока. На берегу залива, около Надеждинской, меня должен был ожидать конный взвод забайкальских казаков с заводными лошадьми для меня. Как я уже упомянул, Гродековскія войска получили распоряженіе вернуться из Владивостока на отведенныя им квартиры и время моего предположеннаго прибытія на станцію Надеждинская было согласовано как раз с моментом прохожденія Забайкальской бригады из Владивостока в Никольск-Уссурійскій. Дальше было рѣшено дѣйствовать сообразно с обстановкой, ибо трудно было предусмотрѣть всѣ тѣ препятствія, какія могли встрѣтиться нам на пути.

Аренда подходящаго катера и подготовка тайнаго моего

выѣзда на нем были возложены на доблестнаго и вѣрнаго офицера-серба, капитана М. А. Авдалович. Это порученіе было выполнить очень трудно, ибо первыя-же попытки найти подходящій катер обнаружили, что по распоряженію правительства всѣ катера и моторныя лодки были угнаны за станцію Океанская в 17 верстах от Владивостока. К тому-же план использованія катера пришлось измѣнить, так как «Кіодо Мару» стоял на рейдѣ и находился под неусыпным наблюденіем с берега. Всякая попытка катера подойти к нему обратила бы на себя вниманіе и безусловно возбудила-бы подозрѣніе в заинтересованных лицах. Тогда рѣшили зафрахтовать один из катеров на Океанской, якобы для прогулки офицеров в обществѣ дам, обставив каюту катера подходящим образом, т. е. накрыв стол, поставив цвѣты и погрузив на катер все нужное для пикника. 8-го іюня катер был подготовлен и мы приступили к выполненію своего плана. В этот день я устроил вечерній пріем на борту «Кіодо-Мару», пригласив на него своих друзей русских и ниппонцев.

С обѣда к борту парохода приставали китайскія лодки, подвозившія продукты, а к вечеру — лодки привозившія и отвозившія гостей. Таким образом, наблюдатели были подготовлены к тому, чтобы не обращать исключительнаго вниманія на частый подход лодок к пароходу. Часов около одиннадцати ночи, с одной из таких лодок к берегу направились я, генерал Савельев, два ниппонца и два моих адъютанта. Оставшемуся на борту парохода адмиралу Безуар, я дал инструкцію немедленно поднять трап и больше с парохода до утра никого не отпускать, дабы никто не мог сообщить на берег о моем исчезновеніи. Выгрузившись на берег и симулируя пьяную компанію, мы отправились к зданію Морского Штаба, гдѣ нас ожидали заранѣе приготовленные автомобили. В эту ночь, кромѣ правительственных патрулей, выставленных для наблюденія за «Кіодо-Мару», наши мелкіе патрули ходили в порту и по всей Свѣтланской улицѣ и должны были вмѣшаться в случаѣ моего задержанія в предѣлах города. Однако, мы вполнѣ благополучно добрались до машин, причем на мнѣ поверх формы был одѣт сѣрый пыльник без погон и соломенная шляпа. Усѣвшись в автомобиль, мы также безпрепятственно и благополучно доѣхали до станціи Океанская, гдѣ пересѣли в катер, в командованіе которым вступил капитан 2-го ранга Чухнин. Быстро снявшись с якоря, мы двинулись в путь, в направленіи станціи Надеждинская.

Погода нам не благопріятствовала. Поднялся сильный шторм и хотя в заливѣ он был неопасен, непріятно было, что мы сильно запаздывали, имѣя ввиду, что казачій разъѣзд уже дожидался нас на побережьи. В результатѣ опозданія нас застиг отлив в виду берега, что поставило нас в невозможность подойти к не-

му на близкое разстояніе. Пришлось сигнализировать на один из маяков, чтобы нам подали лодку, хотя это грозило извѣстной опасностью, так как за истекшую ночь оповѣщеніе о моем исчезновеніи и арестѣ могло быть уже разослано повсюду. Тѣм не менѣе, другого выхода не оставалось. На наши сигналы с маяка пришла лодка, которую мы забрали, оставив маячных сторожей на катерѣ. На лодкѣ пришлось идти не менѣе полуторых — двух верст. Вдали на возвышеніи у берега был виден казачій разъѣзд в полтора десятка коней. Выйдя на берег, я надѣл на себя форменную фуражку вмѣсто шляпы и, сняв пыльник, был снова в формѣ. Поздоровавшись с казаками, я, не теряя времени, двинулся догонять Забайкальскую казачью бригаду, которая, как было согласовано раньше, как раз в это время проходила раіон станціи Надеждинской, по пути из Владивостока в Никольск - Уссурійскій. От начальника разъѣзда я узнал, что о моем исчезновеніи с «Кіодо - Мару» уже стало извѣстно и военныя власти, предполагая, что я постараюсь присоединиться к своим забайкальцам, распорядились произвести обыск в бригадѣ и, если я буду обнаружен в ея рядах, подвергнуть меня аресту, примѣнив силу в случаѣ, если я окажу сопротивленіе. Бригада, входившая в состав Гродековской группы войск была почти не вооружена; даже винтовки имѣлись далеко не у всѣх, не говоря уже о пулеметах и артиллеріи. Не желая почти невооруженную бригаду подвергать возможности боевого столкновенія из-за меня, я рѣшил отдѣлиться от нея и, взяв с собою трех казаков, двинуться в сопровожденіи своего адъютанта тропой через горы на деревню Алексѣевку. Так я и сдѣлал.

Путь был труден. Но его главная трудность заключалась не столько в неудовлетворительном состояніи дороги, сколько в необходимости перевалить через горный массив, сквозь который вел единственный желѣзнодорожный туннель. Неизбѣжность прохода этого туннеля была учтена моими противниками и развѣдка, высланная от бригады, обнаружила, что на вершинѣ перевала хребта находится цѣлый батальон с пулеметами. До перевала оставалось всего одна-двѣ версты. Нужно было немедленно искать какой-то выход; времени выжидать и раздумывать не было. Присоединившись вновь к бригадѣ, я пересѣл на строевую казачью лошадь, одѣл поверх своей формы грязный пыльник, казачью фуражку и взял через плечо винтовку, как то и полагается рядовому казаку. С моей фуражки была снята офицерская кокарда, и фуражка передана одному из казаков. Я встал правофланговым третьяго взвода одной из сотен второго полка и в колоннѣ по три бригада подошла к туннелю. Послѣ нѣкоторых переговоров к-ра батальона с начальником бригады, полковником Сорокиным, который на вопрос — не нахожусь-ли я в рядах бригады, отвѣтил рѣшительным отрицаніем этого факта, было рѣшено пропустить всю бригаду в колоннѣ по

одному, между шеренгами развернутаго батальона, для того, чтобы каждый казак мог быть провѣрен. Пока проходили первые ряды, этот своеобразный контроль был очень бдителен, но по мѣрѣ прохожденія головного полка, вниманіе осматривавших постепенно слабѣло и у меня явилась увѣренность в возможности благополучно пройти через контроль. Не знаю, как вышло, но я, дѣйствительно, благополучно прошел в рядах бригады, ничѣм не обнаружив своего присутствія. Пройдя перевал, бригада постепенно перестраивалась в колонну по три и вторичное прохожденіе по ея фронту офицеров батальона, оказалось не болѣе успѣшным для них. Отойдя около десяти верст от заставы я вновь отдѣлился от бригады и, как предполагал, двинулся через горы тропой прямо на деревню Алексѣевка.

Со станціи Надеждинская до мѣста ночлега, который застал меня верстах в 14 от Никольск - Уссурійскаго, я сдѣлал в этот день около ста верст. Переход был нелегок, особенно со всѣми переживаніями и маскарадами. Ночуя в большом селѣ на берегу р. Суйфуна, в домѣ для проѣзжающих, мнѣ пришлось пережить сще нападеніе на село шайки хунхузов, пришедших за полученіем выкупа за уведенных в плѣн сельчан. Мнѣ посчастливилось заманить прибывших в село делегатов хунхузов в дом старосты, послѣ чего я с помощью адъютанта, обезоружил и арестовал их. Одного я велѣл отпустить и, указав ему на лагерь, остановившейся невдалекѣ от села на ночлег, казачьей бригады передал ему, чтобы уведенные сельчане немедленно были возвращены в село без всякаго выкупа. Остальные были задержаны в качествѣ заложников. К утру плѣнные вернулись по домам, а хунхузы ушли подальше от села.

Рано утром 9-го іюня за мной пріѣхал в автомобилѣ начальник Гродековской группы войск, генерал Савельев и я, сопровождаемый им и адъютантом, уже открыто въѣхал в Никольск. Часть гарнизона Никольска - Уссурійскаго: Забайкальская казачья дивизія, Отдѣльная Оренбургская казачья бригада, Сибирская казачья бригада и Стрѣлковая бригада генерала Осипова, остались вѣрными долгу и стремленію к продолженію борьбы с красными. Эти части восторженно встрѣтили мое прибытіе и в тот же день представились мнѣ на смотру, в то время, как другая часть гарнизона, во главѣ с генералом Смолиным, заперлась в казармах, ожидая в городѣ переворота. В мои планы, однако, не входили никакіе перевороты, так как я стремился поскорѣе начать движеніе на Амур, или добиться пропуска через полосу отчужденія К. В. ж. д. в Монголію, чтобы оказать своевременную помощь барону Унгерну. В данный момент я совершенно не имѣл намѣренія оспаривать у Меркуловых их власть, так как я совершенно не вѣрил в прочность Приморской государственности и мой интерес к Приморью совершенно угас, ввиду невозможности использовать его, как базу для новаго движенія против красных. Насколько дѣло это было безнадежно, хорошо

иллюстрирует слѣдующій мой разговор с одним из крестьян деревни Алексѣевки. Я спросил его, как населеніе относится к тому, что дѣлается во Владивостокѣ и как он сам смотрит, крѣпка-ли там новая власть. Крестьянин сначала извинился и сказал, что не знает, кто я, но думая, что я тоже компаньон Меркуловых, он все-же отвѣтил на мой вопрос откровенно: «Какая-же это власть, когда поломана вся снасть». Фразу эту мой собесѣдник мнѣ пояснил, так: когда все разрушено, бушует беззаконіе. Сил у власти никаких нѣт, все разграблено, и никто в прочность ея не вѣрит. Поэтому, что же можно ожидать добраго при этих обстоятельствах.

В тот-же день в автомобилѣ я выѣхал из Никольска - Уссурійскаго в Гродеково, гдѣ был незабываемо встрѣчен казачьим населеніем и оставшимися там моими частями.

Однако, положеніе этих частей было весьма тяжелым, гораздо болѣе тяжелым, чѣм я мог ожидать по докладам ген. Савельева. Оказалось, что отпущенныя мною на пріобрѣтеніе оружія 700 тысяч іен, были уже израсходованы. Оружіе, правда, было заказано, но еще не получено в Гродеково и войска фактически были почти безоружны. Обмундированіе пріобрѣтено не было. Довольствіе было очень плохое. Вокруг царила глубокая безнадежность и не было выхода и надежд на улучшеніе положенія, потому что ни помощи, ни средств ожидать было неоткуда.

Окончательная вѣра в возможность дальнѣйшей активной борьбы с красными, при наличіи в краѣ Меркуловскаго правительства, была подорвана событіями в Раздольном, гдѣ произошло столкновеніе между оставшимися еще во Владивостокѣ частями Гродековской группы и войсками Ш-го корпуса, генерала Молчанова. Это столкновеніе породило настолько сильное взаимное оскорбленіе между обѣими группами войсковых частей, что только вмѣшательство ниппонскаго командованія предупредило возникновеніе новой гражданской войны между так называемыми «Семеновцами» и «Каппелевцами».

Раздольненскія событія произошли в день св. св. апостолов Петра и Павла, 12-го іюля 1921 года и рисуются слѣдующим образом: Послѣ моего отъѣзда из Владивостока, там оставались еще части Гродековскаго гарнизона, состоящія из пѣшаго дивизіона маньчжурцев и части сибирских казаков, под общим командованіем генерала Малакена. Непріязненныя отношенія ко мнѣ со стороны правительства и Штаба арміи были перенесены и на войска, остававшіяся мнѣ вѣрными и эти войска терпѣли всякаго рода притѣсненія со стороны как органов правительства, так и Штаба. Дошло до того, что послѣ моего тайнаго отъѣзда из Владивостока, интендантство Штаба арміи прекратило им совершенно отпуск всякаго продовольствія, что неизбѣжно повело к возникновенію в частях настоящаго голода. Получив об этом соотвѣтствующее донесеніе от генерала

Малакена, я приказал ему, не входя ни в какія пререканія с правительством, вывести свой отряд из Владивостока и пѣшим порядком слѣдовать в Гродеково.

Во исполненіе полученнаго приказанія, генерал Малакен, в ночь на 12-ое іюля вывел свои части из Владивостока, взяв маршрут на Раздольное—Никольск - Уссурійскій—Гродеково. В серединѣ дня, подходя к селенію Раздольному, отряд генерала Малакена был встрѣчен группой офицеров Штаба Ш-го корпуса, во главѣ с полк. фон - Вахом, которые остановили отряд и предъявили генералу Малакену приказ Штаба арміи, гласящій слѣдующее: «За неподчиненіе частей Гродековской группы правительству и самовольный вывод их из Владивостока, генералу Малакену предписывается немедленно сдать все казенное вооруженіе, снаряженіе и имущество, распустить офицеров, солдат и казаков на всѣ четыре стороны, а самому явиться в сопровожденіи конвоя от Штаба Ш-го корпуса во Владивосток». Это требованіе было подкрѣплено выводом навстрѣчу отряду частей III-го корпуса, которые несмотря на большой праздник производили строевое ученіе перед Раздольным, на пути слѣдованія нашего отряда. Генерал Малакен категорически отказался выполнить объявленный ему приказ, вслѣдствіе чего возникли пререканія и долгіе переговоры с офицерами Штаба корпуса, в результатѣ которых генерал Малакен рѣшил обратиться к ниппонскому командованію в Раздольном. Взяв честное слово со своих собесѣдников, что он не будет арестован ими в пути, генерал Малакен направился к начальнику ниппонскаго гарнизона Раздольнаго, которому и изложил все дѣло. На время отсутствія генерала Малакен, замѣстителем его по командованію отрядом был оставлен полковник Глазков.

Командир ниппонской части, квартировавшей в Раздольном, немедленно отправился на телеграф вести переговоры с Владивостоком и испросить оттуда инструкцій. Только к вечеру генерал Малакен был вызван в Штаб ниппонскаго гарнизона, гдѣ ему было объявлено, что он со своим отрядом может слѣдовать дальше.

Но как только части отряда, имѣя впереди сибирских казаков, а за ними обозы, окруженные пѣшими частями маньчжурцев, втянулись в поселок, они немедленно наткнулись на мост, заминированный проволочными рогатками и на головную часть отряда набросилась вооруженная группа офицеров и солдат Ш-го корпуса, во главѣ с полковником фон - Вахом, который лично бросил в казаков ручную гранату. Брошенная фон - Вахом граната послужила сигналом к общему столкновенію, в результатѣ котораго поднялась стрѣльба из винтовок, полетѣли гранаты и части отряда начали принимать из походнаго боевой порядок. Разворачиваться пришлось под огнем и это послужило к тому, что с первых-же выстрѣлов, наши части понесли потери, в том числѣ доблестнаго офицера, Генеральнаго Штаба полковника Глазкова. Полковник Глазков — георгіевскій

кавалер Великой войны, прибыл в Забайкалье в составѣ войск сибирской арміи, как начальник Штаба одной из частей ея. Он остался вѣрным своему долгу и в составѣ бригады генерала Осипова перешел в распоряженіе начальника Гродековской группы войск. В этом столкновеніи он был тяжело ранен из окна дома берданочной пулей и скончался, не приходя в сознаніе в самом началѣ столкновенія. Как только части отряда развернулись, онѣ отогнали фон - Ваха и его группу от моста и залегли, ведя перестрѣлку с ними. Около 8 часов вечера в дѣло вмѣшались части ниппонскаго гарнизона. Взвилась тревожная ракета, заиграли пѣхотные рожки и части ниппонских войск выдвинулись с противоположнаго конца поселка в нашу сторону. Начальник гарнизона вызвав к себѣ начальников обѣих сторон, приказал прекратить стрѣльбу, отвести солдат фон - Ваха в их казармы и приступил к разбору инцидента. Послѣ долгаго разбирательства, было установлено, что части III-го корпуса являются отвѣтственными в происшедшем столкновеніи, напав на отряд генерала Малакена и открыв по нему стрѣльбу без всякаго повода с его стороны. В результатѣ разслѣдованія, генерал Малакен получил предложеніе перевести свой отряд в западную часть поселка и оставаться там, пока путь его дальнѣйшаго слѣдованія не будет согласован в соотвѣтствующих инстанціях. В Раздольном отряду пришлось задержаться еще на два дня и только 14-го іюля ночью он получил разрѣшеніе слѣдовать дальше, но был предупрежден, что Штаб арміи настойчиво требует выполненія своего распоряженія о роспускѣ отряда и арестѣ генерала Малакена, поэтому слѣдует быть осторожным, чтобы не нарваться на вооруженное столкновеніе.

Из Раздольнаго, везя с собою четырех убитых и семерых раненых, отряд безпрепятственно дошел до Никольск - Уссурійскаго, гдѣ присоединился к Забайкальской казачьей дивизіи и послѣ необходимаго отдыха продолжал свой поход в Гродеково.

Это происшествіе произвело очень тяжелое впечатлѣніе на всю Гродековскую группу войск и в частности на меня самого.

Убійство полковника Глазкова, героя Великой и гражданской войны, популярнаго и любимаго в войсках, убійство, совершенное своими же бѣлыми собратьями по оружію, это безсмысленное убійство тяжелым камнем давило душу.

Обидно было сознавать, что взаимныя распри в нашей средѣ способствуют успѣху красных и сводят на-нѣт всю борьбу с ними.

В верхах арміи интрига свила себѣ прочное гнѣздо, политиканство превалировало над всѣм, ему приносилась в жертву даже боеспособность арміи.

Переговоры с анучинскими партизанами об уничтоженіи гродековской группы войск, нападеніе на отряд генерала Малакена, прекращеніе посылки продовольствія в Гродеково и обреченіе вѣрных мнѣ войск на голод, все это было предпринято с единственной

цѣлью — заставить меня уйти с политической арены, дабы братья Меркуловы могли строить мирную жизнь Приморскаго буфера в наивной надеждѣ, что красная Москва будет спокойно взирать на это.

9.

КОНЕЦ БѢЛАГО ПРИМОРЬЯ.

Полная безнадежность положенія. Задержка продовольствія и голод. Совѣщаніе начальников частей. Неудачи Унгерна. Мое рѣшеніе. Отъѣзд из Приморья. Неопредѣленность дальнѣйших моих планов. Гензан. Сеул. Обѣд у генерала Ооба. Ниппон. Сердечное отношеніе ко мнѣ ниппонских офицеров. Возобновленіе партизанскаго движенія в Приморьи. Хабаровскій поход. Воевода Дитерихс и его Земская рать. Эвакуація Приморья. Подготовка эвакуаціи Гродековской группы на Сахалин. Обладники. Отход частей арміи в Корею и Шанхай. Увлеченіе партійностью. Роль ея в государственном аппаратѣ.

При создавшейся обстановкѣ полной безнадежности положенія, я не имѣл возможности предпринять что-либо существенное для дѣла дальнѣйшей борьбы с большевиками. К тому-же, Меркуловы, прозѣвавшіе мою высадку с «Кіодо - Мару» и пріѣзд в Гродеково, рѣшили принять всѣ мѣры к тому, чтобы выжить меня оттуда. Продовольствіе, закупленное мною на послѣднія средства, было задержано в Харбинѣ и могло быть пропущено в Гродеково только послѣ моего отъѣзда оттуда. В Ниппон в то время пришли к власти сторонники мирнаго сотрудничества с совѣтами и, конечно, они не могли поддерживать меня, посколько я являлся выразителем идеи продолженія вооруженной борьбы с красными. Экспедиція в Сибирь закончилась, хотя в Приморьи еще оставались ниппонскія войска, поддерживавшія порядок на желѣзной дорогѣ. На Гродеково был сдѣлан сильный нажим в том направленіи, чтобы заставить войска признать власть правительства и подчиниться ему, отказавшись от подчиненія мнѣ. Настал голод, в буквальном смыслѣ этого слова, который продолжался двѣ недѣли. Смягчить положеніе недоѣдающих войсковых частей и бѣженцев я мог только тѣм, что сам начал питаться из общаго котла болтушкой из сѣрой муки с кукурузой. Но эта мѣра давала, может быть, нѣкоторое моральное удовлетвореніе, но реальной пользы ни дѣлу, ни людям не приносила.

Видя, что при создавшихся условіях, я не могу побороть Меркуловых и примкнувших к ним противников вооруженной борьбы с красными, и что положеніе становится совершенно невозможным, я рѣшил собрать начальников всѣх частей, входивших в состав Гродековской группы войск с тѣм, чтобы обсудить положеніе и найти пріемлемый выход из него. В серединѣ іюля мѣсяца такое совѣща-

ніе было созвано и на нем собрались всѣ начальники вѣрных мнѣ частей, из раіона Гродекова и Никольска - Уссурійскаго. Я изложил фактическую обстановку и предложил высказаться всѣм присутствовавшим. Самым младшим из командиров был начальник моего личнаго конвоя, полковник Буйвид, которому и предоставлено было первому высказать свой взгляд и настроенія ввѣренной ему части. Затѣм послѣдовательно высказались по старшинству всѣ прочіе командиры. Мнѣніе почти всѣх начальников частей сходилось на том, что политика правительства, Раздольнинскія событія и недоѣданіе послѣдняго времени ослабили в людях бодрость и стремленіе к продолженію борьбы. Всѣ хотят отдыха прежде всего и потому, надежность частей должна быть взята под сомнѣніе. Предположенный мною поход на запад, через Маньчжурію в Халху, по предстоящим трудностям его, совершенно не давал шансов на благополучный исход, так как неразумно было вести всю эту массу плохо одѣтых и почти невооруженных людей: первое-же сопротивленіе китайцев на нашем пути, привело-бы к сдачѣ наиболѣе слабых духом и дезорганизаціи остальных. Таково было единодушное мнѣніе командиров частей. Не теряя еще надежды найти какой-нибудь выход, я предложил начальникам частей обсудить вопрос, нельзя-ли привлечь к выполненію плана только добровольцев, вызвав таковых из всѣх частей. Результаты были до поразительности неутѣшительны. По докладу начальников частей не было надежды на то, что в частях найдется достаточное число людей, готовых пойти на полную неизвѣстность и риск вооруженных столкновеній не только с красными, но, возможно, и с китайцами.

Принимая во вниманіе, что к этому времени я получил свѣдѣнія, что движеніе барона Унгерна к Мысовску потерпѣло неудачу и положеніе в Халхѣ складывалось не в нашу пользу, я рѣшил, что дальнѣйшее мое упорство не может привести ни к чему и потому вступил в переговоры с Меркуловским правительством и ниппонским командованіем о ликвидаціи создавшагося положенія и о готовности моей обсудить всякое предложеніе, которое будет мнѣ сдѣлано.

Для веденія переговоров во Владивосток был послан генерал-лейтенант Иванов-Ринов, исполнявшій должность начальника моего Штаба в Гродеково. Переговоры необходимо было вести в спѣшном порядкѣ, ибо в Гродеково был форменный голод, поэтому я инструктировал генерала Иванова-Ринова ни в коем случаѣ не затягивать дѣла. Переговоры закончились переводом частей войск Гродековской группы на общее довольствіе с бѣженцами за счет складов продовольствія во Владивостокѣ, на чем настояло ниппонское командованіе. Но это обусловливалось непремѣнным и немедленным моим выѣздом из предѣлов Приморья за границу. Мнѣ пришлось подчиниться этому условію, ибо я не видѣл иного выхо-

да, чтобы обезпечить свои части продовольствіем и прекратить голод, царившій в Гродеково.

Отъѣзд мой из Гродеково осуществился 14-го сентября 1921 года. В этот день была закончена моя вооруженная борьба с большевиками на родной землѣ; прервано дѣло, начатое мною, примѣрно, в то же самое время года в Верхнеудинскѣ в 1917 году. Говорить о моих переживаніях не стоит, они должны быть понятны каждому, кто пережил крушеніе своих планов и мечты и кто относится к судьбам своей родины и к счастью и благополучію родного народа не безразлично.

Выѣзжая из Приморья, я не имѣл опредѣленнаго пункта назначенія, гдѣ предполагал-бы остановиться на болѣе или менѣе продолжительное время. Ближайшим мѣстом остановки я намѣтил Шанхай, куда и направился через Гензан—Сеул—Ниппон. В Ниппон мнѣ необходимо было повидаться с нѣкоторыми друзьями из военнаго міра, но я не мог оставаться там на сколько-нибудь продолжительный срок времени, так как власти отказали мнѣ в предоставленіи права жительства не только на островах или в Кореѣ, но и на территоріи ниппонских концессій в Китаѣ.

Во Владивостокѣ на пароход пріѣхал проводить меня Главнокомандующій ниппонскими экспедиціонными войсками, генерал Точибана, обратившійся ко мнѣ с трогательными словами напутственнаго привѣтствія и сочувствія. Нужно было знать дух и высокую порядочность носителей завѣтов самураизма, к каковым принадлежал генерал Точибана, чтобы понять глубокую скорбь и искреннее сочувствіе его ко мнѣ, как к человѣку, подвергшемуся изгнанію только за то, что он стремился вести борьбу с коммунизмом до конца. Этих моментов я никогда не забуду, как не забуду рыцарскаго благородства военной среды Ниппон, с каковым отнеслись ко мнѣ ея представители в дни крушенія моей идеи и неудач на путях политической борьбы с міровым злом — коммунизмом. Независимо от измѣнившагося курса политики ниппонскаго правительства, в то время стоявшаго у власти, среди военных я встрѣтил ту опору, которую мнѣ могли предоставить только глубоко-искренніе друзья.

Гензан явился первым этапом эмигрантскаго періода существованія, как для меня, так, год спустя, и для всей почти Россійской дальневосточной эмиграціи. Этот небольшой корейскій порт, лежащій в глубинѣ залива Броутона, вошел в исторію дальневосточной эмиграціи, как первый иностранный пункт, в котором Россійская національная армія впервые выступила на трудовом фронтѣ борьбы за право существованія и за кусок хлѣба насущнаго.

С пристани Гензана я поѣхал прямо на станцію, гдѣ был составлен поѣзд из двух классных вагонов. В этом поѣздѣ, вечером на другой день, я прибыл в Сеул в сопровожденіи нѣсколькихъ офицеров из

Штаба арміи. По прибытіи в Сеул, меня немедленно проводили в резиденцію генерал - губернатора Кореи, генерала Ооба, бывшаго в дни интервенціи начальником 3-ей дивизіи в Читѣ. Во дворцѣ генерал - губернатора я встрѣтил весьма радушный и почетный пріем. Особенно тронуло меня то обстоятельство, что к обѣду генерал Ооба надѣл на себя имѣвшіеся у него русскіе ордена. Такое отношеніе ко мнѣ показывало, что несмотря ни на что, военная среда Ниппон не измѣнила своего добраго отношенія ко мнѣ и отчетливо понимала все то зло, которое несет с собой в мір коммунизм и попытки дипломатов сговориться с его носителями.

Через два дня я впервые увидѣл Ниппон. Приблизительное понятіе о нем я имѣл по разсказам и литературѣ и общее впечатлѣніе, создавшееся у меня об этой своеобразной странѣ, было правильно, но тѣм не менѣе меня весьма поразили общее благоустройство жизни, чистота и тщательность обработки миніатюрных на наш взгляд пашен. Особенно сильное впечатлѣніе на меня, призыкшаго к просторам роднаго Забайкалья, произвела перенаселенность страны и непрерывно слѣдующія одно за другим селенія и города с большим количеством громадных фабричных сооруженій и корпусов. В Ниппон я пробыл недолго, тѣм не менѣе мнѣ удалось повидаться со всѣми друзьями, собравшимися со всего Ниппон встрѣтить меня.

В Кобе я впервые в своей жизни одѣл штатскій костюм, который сшил мнѣ мѣстный портной. Это были подготовительные шаги к новым условіям эмигрантскаго существованія, волею судьбы длящагося и по настоящій день.

24-го сентября я оставил Ниппон и выѣхал в Шанхай, гдѣ мнѣ пришлось пережить массу мытарств, вслѣдствіе чего я вскорѣ вынужден был покинуть его и перейти на нелегальное существованіе в Китаѣ. В Приморьи-же, послѣ эвакуаціи экспедиціонных войск европейских держав и С. А. С. Ш., Ниппон оставил свои войска еще около года. Точно такой же срок просуществовала и Приморская національная государственность, руководимая братьями Меркуловыми, которых лѣтом, 1922 г. смѣнил генерал Дитерихс.

Братья Меркуловы объявили мой отъѣзд из Приморья, как необходимое условіе для сохраненія Приморскаго раіона от посягательств красной Москвы, ввиду моей непримиримости в вопросѣ прекращенія гражданской войны. С моим отъѣздом с территоріи Русскаго Дальняго Востока, правительство якобы получило гарантію сохраненія національной государственности на этом послѣднем клочкѣ Русской земли. Объясненіе было весьма наивно и вряд-ли ему кто-либо серьезно вѣрил. Не прошло много времени, как партизаны Анучинскаго раіона, тѣ самые, с которыми велись переговоры о выдачѣ меня и уничтоженіи Гродековской группы войск, начали проявлять активность и этим заставили правительство серьезно задуматься о судьбѣ своего положенія в будущем.

По мѣрѣ эвакуаціи ниппонских войск из Приморья, росла активность красной арміи, приведшая, в концѣ концов, военное командованіе, к необходимости взяться за оружіе.

При этом самым печальным было то, что несмотря на грозившую извнѣ опасность, высшіе чины приморской арміи продолжали вести чудовищныя интриги, разлагая этим войсковыя части. Из-за политических комбинацій, в которых дѣятельное участіе принимал Штаб арміи, не было времени подготовить армію к новой кампаніи. Полагаясь на русское «авось», начали, наконец, лихорадочно готовиться к возобновленію вооруженной борьбы с красными. Бои в хабаровском направленіи носили серьезный характер. Войска проявили исключительную храбрость и успѣх первое время был на сторонѣ бѣлых. Был взят Хабаровск, но послѣ этого начались неудачи и армія, понеся громадныя потери убитыми, ранеными и главное, обмороженными, вынуждена была отойти в раіон Никольска. Между прочим, даже красные отдали должное доблести войск во время хабаровскаго похода. В изданной красным Генеральным Штабом книгѣ «Хабаровская операція» говорится что, напримѣр, бой под Ином по своему упорству вполнѣ, может быть, приравнен к боям Великой войны.

Послѣ неудачи хабаровскаго похода намѣтился явный раскол между командованіем приморской арміи и правительством братьев Меркуловых.

Правительство обвиняло командованіе в недостаточной продуманности военных операцій, а командованіе бросало упрек братьям Меркуловым в том, что армія плохо снабжалась: во время лютых морозов в армію вмѣсто катанок доставляли резиновыя галоши.

Кто был прав и кто виноват — судить, конечно, трудно, но большое число обмороженных говорит как будто за то, что упреки военнаго командованія имѣли под собой много основаній.

В результатѣ вражды верхов приморской арміи к правительству, 31-го мая 1922 г. во Владивостокѣ произошел новый «переворот». Утром этого числа граждане Владивостока из громадных афиш, расклеенных по всему городу, освѣдомились, что «преступная власть братьев Меркуловых свергнута».

Однако, это сверженіе власти было только на бумагѣ: Меркуловы засѣли в бест под охрану морских стрѣлков адмирала Старка, имѣвшаго свой взгляд и на правительство, и на военное командованіе. В городѣ получилось двоевластіе, вѣрнѣе всего безвластіе. Но присутствіе ниппонских экспедиціонных войск позволило сохранить в городѣ порядок.

Ежедневно перед домом, в котором засѣли Меркуловы, собиралась громадная толпа народа и со вниманіем слушала, как Н. Д. Меркулов «крыл» с балкона Штаб арміи. Как извѣстно, Н. Д. Меркулов до занятія поста военнаго министра был командиром

рѣчного парохода, поэтому понятно, что его «словесность» доставляла невзыскательным слушателям громадное удовольствіе.

Этот безплатный владивостокскій балаган продолжался с мѣсяц. Наконец, вершители судеб Приморья пришли к заключенію, что нужно «призваніе Варягов». Бросились в Харбин к Н. Л. Гондатти, но тот благоразумно уклонился от сомнительной чести сотрудничать с братьями Меркулозыми. Генерал Дитерихс оказался менѣе щепетильным и болѣе сговорчивым. Он вскорѣ пріѣхал во Владивосток и принял на себя званіе «Правителя Пріамурскаго Земскаго Края и Воеводы Земской рати».

Как человѣк военный, генерал Дитерихс принялся прежде всего за реорганизацію арміи. Армію он назвал «Земскою ратью», полки — дружинами. На этом реорганизація и была закончена. Надо сказать, что существенной пользы она не принесла: дружины были также малочисленны и плохо вооружены, как и прежніе полки. Новыя наименованія воинских частей вызывали недоумѣніе и у офицеров и у солдат. Повышенная религіозность генерала Дитерихса давала пищу многим кривотолкам в армейской средѣ. Генерала, заглазно, конечно, титуловали не иначе, как «Ваше Преосвященство».

Выѣзжая из Приморья, я предложил должность начальника Гродековской группы войск генералу Малаксену. Однако, послѣдній, пережившій столкновеніе в Раздольном и испытавшій на себѣ всю непріязненность отношенія к нам командованія арміи, отказался от моего предложенія и потому я оставил своим замѣстителем генерал-лейтенанта Глѣбова.

Узнав о реформах в арміи генерала Дитерихса, я учел неизбѣжную близость грядущей эвакуаціи и потому предпринял через своих друзей в Ниппон хлопоты о разрѣшеніи эвакуаціи арміи на остров Сахалин. Ниппонское командованіе прекрасно учитывало, что оставленіе солдат и бѣженцев на произвол красных грозит им поголовным разстрѣлом и потому выразило свое согласіе на содѣйствіе эвакуаціи остатков бѣлых армій на Сахалин. Вслѣдствіе изложенных обстоятельств, я командировал своего адъютанта, войскового старшину Клока, во Владивосток для связи и информаціи генерала Глѣбова.

Но и в этом случаѣ нас преслѣдовала какая-то фатальнаяная неудача. Мой совѣт об эвакуаціи на Сахалин, не был выполнен, ввиду того, что генерал Глѣбов дал себя увлечь организаціи сибирских областников, организаціи, оказавшейся дутой, введшей в заблужденіе не только генерала Глѣбова, но и меня. Политическіе дѣльцы, создавшіе эту организацію, убѣдили генерала Глѣбова в своих связях с антибольшевистскими организаціями в совѣтской Сибири, вслѣдствіе чего он и отказался от предоставленной ему возможности своевременно эвакуировать свою группу. Я не обвиняю в этом генерала Глѣбова, потому что сам вначалѣ вѣрил серьезности област-

Русская Публичная

ников и мое довѣріе они использовали так умѣло, что я с большим трудом впослѣдствіи освободился от их неимовѣрной липкости. Идея областничества была хороша в свое время и когда во главѣ ея стояли серьезные люди, представлявшіе дѣйствительное общественное мнѣніе сибиряков. В уродливом же преломленіи Приморской дѣйствительности, эта идея переродилась в чистую авантюру, весьма невысокой марки, в которой коренные сибиряки не принимали никакого участія.

В хаосѣ возникших в Приморьи партій, программ и теченій погибла идея вооруженной борьбы с большевиками. Остатки армій вмѣсто Сахалина ушли в Корею и были выгружены в знакомом мнѣ порту Гензан. Там бѣженцам были предоставлены мѣстными властями работы, но червь интриги и разложенія не позволил использовать эту возможность для сохраненія какой бы то ни было организаціи в частях арміи. Генерал Глѣбов, несмотря на мои указанія задержаться в Гензанѣ, в концѣ концов, вышел оттуда и на нѣсколькихъ судах направился в Шанхай, послав мнѣ лирическую телеграмму: «Впереди одни просторы моря, мы без пристанища, жду указаній в Фузанѣ».

По прибытіи в Шанхай, корабли постепенно были ликвидированы, так же, как и оружіе, привезенное с собою; люди распылились и армія фактически перестала существовать.

На этом и закончился первый періодъ борьбы русских націоналистов с властью коминтерна, скрывшагося в Россіи под вывѣской анонимнаго С. С. С. Р. и продолжающаго и понынѣ развивать свою разрушительную дѣятельность, благодаря попустительству иностранных правительств.

Подводя итоги этой эпохи, я вижу главную причину нашей фатальной неудачи в увлеченіи россійской общественности партійными лозунгами и политической борьбой, начало котораго слѣдует отнести к предреволюціонному періоду 1904-5 и послѣдующих годов. Политика революціоннаго Временнаго правительства 1917 года создала такія условія, при которых вхожденіе в какую-либо партію являлось почти обязательным для каждаго человѣка. Это был період, когда политическія партіи творили исторію страны и принадлежность к партіи была безусловно обязательна для всѣх, кто желал имѣть какое нибудь дѣло с властью. Увлеченіе партійностью доходило до того, что интересы партіи ставились выше интересов страны и партіи вмѣшивались во всѣ распоряженія министров, командированных ими в правительство и обязанных согласовывать каждый свой шаг с пославшей их политической группой. Общеизвѣстен факт, что на одном из засѣданій Временнаго правительства 1917 года Верховный главнокомандующій генерал Корнилов получил предупрежденіе от Савинкова быть осторожным в своем докладѣ правительству и не сообщать ничего секретнаго, ибо в правительствѣ засѣдали партій-

ные дѣльцы, которые в интересах своей партіи могли разгласить военныя тайны государства и довести их до свѣдѣнія правительств воюющих с Россіей держав. И это было в тот період, когда власть еще не принадлежала большевикам и когда правительство считало себя національным и готовилось довести войну до побѣднаго конца. Эти факты красочно свидѣтельствуют о том, что поборники партійности глубоко заблуждаются, не подозрѣвая, что их дѣятельность может быть полезна лишь планам коминтерна. Легче разрушить зданіе, выбивая из него цѣлыя стѣны партійных звеньев, чѣм разбирать его по кирпичам, обрабатывая каждаго отдѣльнаго человѣка. Существованіе политических партій в странѣ свидѣтельствует о наличіи в ней глубоких разногласій и раздоров между различными слоями населенія, подтачивает устои національнаго единенія и расшатывает фундамент государственности. В правильно организованном государствѣ, появленіе партійности в самом аппаратѣ государственнаго управленія является немыслимым, ибо это означает подчиненіе интересов общегосударственных, національных, узким интересам партійных группировок. Такія группировки могут имѣть свои клубы, свою организацію и проповѣдывать свои идеи без всяких попыток вмѣшательства в государственную жизнь страны. Интересы государства должны почитаться превыше всего, а потому поползновеніе нарушить их должно быть караемо, как тягчайшее государственное преступленіе, независимо от степени принесеннаго ими вреда. По существу, какова-бы ни была партійная программа, она не может внести что-либо новое в принципы, заложенные в основу государственности — право на труд, уваженіе к собственности, свободу совѣсти, собраній, слова и т. п. Исторія развитія политических партій показывает, что зачастую онѣ руководятся кучкой дѣльцов, стремящихся подчинить интересы государства и націи своим личным интересам.

Как-бы ни была в большинствѣ случаев совершенна и тщательно разработана программа партіи, она всегда несет в основѣ своей идею защиты интересов одного какого-либо класса за счет, или не считаясь с интересами всего населенія страны. Усиленіе в странѣ партійности углубляет классовую рознь и, в концѣ концов, отравляет національное сознаніе народа. Ни одна партія не ставила и не ставит своей задачей жертвенное служеніе государству, даже до самоуничтоженія, ибо, если-бы такое сознаніе проникло в какую-либо партійную организацію, то самый фактъ уклоненія ея с узко-партійнаго пути на путь обще-національнаго надклассоваго служенія родинѣ, дал-бы основаніе говорить уже об единой государственной программѣ, уничтожающей борьбу классов путем справедливаго регулированія их взаимоотношеній. Это уже не будет программа партіи, как таковой; это будет, скорѣе, основой соціальных взаимоотношеній на принципах сотрудничества всей націи, защищающей в равной мѣрѣ всѣ слои населенія.

Мы, россіяне, должны помнить, что особенности нашего отечества, как в отношеніи этнографическом, так равно, и в географическом, создают для нас необходимость совершенно отличной от прочих государств внутренней структуры, особенно в настоящее время, когда страна уже двадцать лѣт испытывает на себѣ тяжесть партійной диктатуры, жертвующей всѣм во имя интересов партіи.

Увлеченіе партійной борьбой погубило нашу родину и я твердо убѣжден, что теперь, наученный горьким опытом, народ наш не пойдет ни на какія партійныя посулы.

Лично я всегда придерживался таких взглядов и, будучи вынужденным силою обстоятельств изложенных выше в сентябрѣ мѣсяцѣ 1921 года временно прервать начатую мною активную борьбу с красными и выѣхать с родной земли, я рѣшил использовать свой вынужденный отдых для подготовки себя к жертвенному служенію родинѣ в сотрудничествѣ со всѣм народом ея, не допуская себя к ограниченію какими-либо политическими программами и рамками.

10.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ ЗАТРУДНЕНІЯ В ЭМИГРАЦІИ.

Прибытіе в Шанхай. Отрицательное отношеніе ко мнѣ иностранных консулов. Покушеніе Нахабова. Переѣзд в Тяньцзин. Рѣшеніе выѣхать на запад. Поѣздка в Америку. В Канадѣ. Радушный пріем в Ванкуверѣ. В Вашингтонѣ. Прибытіе в Нью-Іорк. Судебный иск Юроветы и др. Неприличная травля американских газет. Истинная подоплека судебных претензій. Пристрастность суда и замѣна судей. Возникновеніе уголовнаго преслѣдованія, Ложная присяга генерала Гревса. Ликвидація процесса, Возвращеніе в Канаду. Обратно на Восток.

С прибытіем моим в Шанхай, начался період эмигрантскаго существованія, длящійся с конца сентября 1921 года и по нынѣ. Пока нѣт возможности болѣе или менѣе точно предугадать продолжительность нашего изгнанія, но событія послѣдних лѣт и тѣ сдвиги, которые за семнадцать лѣт, проведенных нами на чужбинѣ, произошли на родной землѣ, приблизили нас вплотную к рубежу новых событій, с которыми несомнѣнно связано наше возвращеніе на родину.

Событія эти, по всей видимости, выльются в формы сначала скрытой, а потом и открытой борьбы с коминтерном тѣх государств, которые политически прозрѣли настолько, что увидѣли истинную сущность коммунизма и его пагубное вліяніе на мир и благоденствіе всего міра. Населеніе Россіи, конечно, не останется инертным при

этих обстоятельствах и использует всѣ возможности к тому, чтобы сбросить ненавистный режим, доведшій его до глубокой нищеты и полнаго порабощенія.

Прибыв в Шанхай, я остановился в Барлингтон отелѣ на Бабблинг-Вэлл род, гдѣ пробыл около двух недѣль, а потом перебрался на французскую концессію, сняв небольшую квартиру в наиболѣе тихом раіонѣ ея, по рю Обсерватуар. Но в Шанхаѣ мнѣ пришлось прожить лишь до 4-го ноября 1921 г., послѣ чего я должен был перейти на нелегальное положеніе и выѣхать на сѣвер Китая.

Причиной этого была работа совѣтских агентов, которые начали преслѣдовать меня с перваго же дня прибытія моего в Шанхай.

Нѣкій Нахабов произвел покушеніе на мою жизнь и был арестован французской полиціей. Нахабов сознался в организаціи покушенія на убійство меня, но французскія власти все-же нашли, что факт покушенія не доказан и потому освободили Нахабова. Послѣдній не скрывал намѣренія повторить покушеніе.

Французскій муниципалитет донес шанхайскому консульскому корпусу, что мое пребываніе в Шанхаѣ грозит нарушеніем порядка и спокойствія на концессіи и что французская полиція не может гарантировать мою безопасность.

Консульскій корпус имѣл по этому поводу спеціальное совѣщаніе в результатѣ коего мнѣ было предложено покинуть предѣлы иностранных концессій в Шанхаѣ.

Я не мог переѣхать в китайскій Шанхай, так как китайцы искали случая свести со мной счеты за дѣйствія барона Унгерна в Монголіи.

Враждебное отношеніе ко мнѣ шанхайскаго консульскаго корпуса я объясняю тѣм, что в свое время я рѣзко выступил против генерала Жанена, вызвав его на дуэль в дни предательства им адмирала Колчака. Кромѣ того, я еще в Забайкальи требовал учрежденія междусоюзной комиссіи для фиксированія всѣх цѣнностей и разнаго рода частнаго имущества, награбленнаго чехами в Сибири и вывезеннаго ими в Чехію. Тогда мнѣ было отвѣчено союзным командованіем, что в его задачу совершенно не входит охрана русскаго имущества и оно стремится лишь к скорѣйшей эвакуаціи чехов из предѣлов Сибири.

Сыграло тут роль и то, что шанхайскіе консула считали бѣлое движеніе законченным и поэтому они уже искали возможностей связаться с совѣтскими представителями, которых было достаточно в Шанхаѣ. Конечно, всяческое ущемленіе меня было весьма пріятно большевикам и большевиствующим.

Будучи вынужденным покинуть Шанхай, я направился в Тяньцзин, гдѣ воспользовался содѣйствіем подполковника Компатанжелло, офицера Итальянскаго батальона в Сибири, который послѣ эвакуаціи батальона остался служить у меня в арміи. Благодаря это-

му содѣйствію, через нѣсколько дней послѣ прибытія в Тяньцзин, я познакомился с одним из дѣятелей монархических кругов Китая, г. Лю, по приглашенію котораго провел нѣсколько дней в его домѣ на итальянской концессіи. Но оттуда, по требованію итальянскаго посольства, я был вынужден уйти, чтобы не ставить гостепріимнаго хозяина в ложное положеніе перед властями концессіи, хотя г. Лю предлагал мнѣ кров и пріют у себя на неопредѣленно долгое время.

Выхода не было. Агенты большевиков слѣдили за мной и открывали властям мое убѣжище, гдѣ бы я ни находил его. При содѣйствіи того-же Компатанжелло, я поселился в одной итальянской семьѣ, но долго скрываться в Тяньцзинѣ было трудно и безцѣльно и я стал принимать мѣры к полученію разрѣшенія на въѣзд в какую-либо из европейских стран.

Через одно лицо, сочувствовавшее моему дѣлу борьбы с коммунизмом и моему тогдашнему затруднительному положенію, мнѣ удалось добиться полученія разрѣшенія на въѣзд с семьей во Францію от президента Р. Пуанкаре. Спустя два мѣсяца послѣ того, как я начал хлопотать об этом, французское посольство в Токіо получило телеграмму президента с указаніем — оказать полное содѣйствіе моей поѣздкѣ во Францію.

Телеграмма эта вызвала переполох среди ретивых совѣтских агентов, которые видѣли в моей поѣздкѣ во Францію и в высоком покровительствѣ ея президента ничто иное, как предварительное соглашеніе о предъявленіи мною на шедшей в это время в Генуѣ конференціи каких-то документов, могущих дискредитировать совѣтское правительство. Впослѣдствіи это предположеніе принесло мнѣ немало хлопот во время пребыванія моего в С. А. С. Ш.

Послѣ телеграммы президента Франціи, я был разыскан французским консульством, которое предложило мнѣ всякое содѣйствіе к выѣзду из Китая и к въѣзду в предѣлы Франціи. Не прошло и двух недѣль, как всѣ визы были готовы и в концѣ февраля 1922 года я выѣхал в Шанхай с тѣм, чтобы застать там океанскій пароход «Императрица Россіи», с которым я и отплыл через Канаду в Европу.

Через десять дней пути я прибыл в Ванкувер. Здѣсь, на борту парохода, произошел инцидент с агентами комиссаріата иммиграціи в САСШ, которые потребовали от меня сдачи револьвера, хотя и не имѣли права дѣлать это. При содѣйствіи властей Ванкувера револьвер мнѣ быстро вернули и даже принесли извиненія.

В Канадѣ я встрѣтил хорошій пріем и доброе к себѣ отношеніе. Страна произвела на меня чарующее впечатлѣніе, как своей природой, так и народом, в высшей степени гостепріимным. Здѣсь я встрѣтился с полковником Вортом, бывшим начальником Великобританской военной миссіи при моем Штабѣ в Читѣ. Мое пребываніе в Ванкуверѣ ознаменовалось банкетами, устроенными губернато-

ром, городским клубом и нѣкоторыми частными лицами. Мнѣ особенно пріятно было встрѣтить теплое отношеніе со стороны представителей военных властей Великобританіи, из которых особенно выдѣлялся генерал Леки, бывавшій в Россіи, которую он вспоминал с особенным чувством любви и симпатіи.

Природа Канады напоминала мнѣ родную Сибирь: тѣ же просторы, чередующіеся с дѣвственными лѣсами, представляющими собою и разнообразіе пород и нетронутость богатств края.

Благодаря упомянутой выше безтактности представителя иммиграціоннаго комиссаріата САСШ, нѣкоего Зубрека, который вопреки правил пытался отобрать у меня револьвер, я рѣшил было совершенно не заѣзжать в Соединенные Штаты, но настоятельныя приглашенія с родины Линкольна, от Калифорнійскаго университета, наконец, от комиссара иммиграціоннаго бюро в Вашингтонѣ, а также совѣты моих новых друзей в Ванкуверѣ, заставили меня измѣнить принятое уже рѣшеніе ѣхать в Европу через Галифакс и включить в маршрут САСШ. Я намѣтил поѣздку через Нью-Іорк, гдѣ разсчитывал сѣсть на французскій пароход, предварительно, попутно заѣхав в Вашингтон.

САСШ произвели на меня совершенно иное впечатлѣніе, чѣм Канада. Характер городов носил отпечаток спѣшки и однотипности в постройках, без всякой художественности в их архитектурѣ. Однако, величественность техники поражала во всем, даже послѣ поверхностнаго знакомства со страной.

Остановившись на два дня в Чикаго, я прибыл в Вашингтон, гдѣ на станціи был встрѣчен чиновником министерства иностранных дѣл, который проводил меня в отель. На слѣдующій день я нанес визит послѣднему Россійскому послу в САСШ, А. А. Бахметьеву и с ним вмѣстѣ посѣтил нѣкоторых сановников Вашингтона. Здѣсь мнѣ совершенно случайно удалось выяснить бливость сенаторов Франс и Бора к представителю совѣтов Сквирскому. Пріемом в Вашингтонѣ я был чрезвычайно доволен и был рад узнать, что руководители политики САСШ вполнѣ ясно представляли себѣ сущность большевистской власти в Россіи и выражали увѣренность, что правительство САСШ никогда не признает совѣтов.

Первый-же шаг, сдѣланный мною на территоріи штата Нью-Іорка, принес мнѣ массу огорченій. Впрочем, их можно было-бы избѣжать, если бы я был освѣдомлен обо всем заранѣе, потому что еще во время пребыванія моего в Ванкуверѣ, представители «Юровета» (Южно-Русское Общество внѣшней торговли) пытались вчинить мнѣ иск за реквизированную на законном основаніи, распоряженіем начальника Азіатской конной дивизіи в 1919 году в Дауріи пушнину, проданную им с аукціона. На такого рода претензію Великобританскій суд не только отвѣтил отказом, но и пригрозил истцам, что им придется нести отвѣтственность по обвиненію в шан-

Русская Публичная БИБЛІОТЕКА

тажѣ. Такое заявленіе суда подѣйствовало самым успокоительным образом на темных дѣльцов с их иском. К сожалѣнію, судебныя власти Канады, не поставили меня в извѣстность о попытках предъявить мнѣ этот иск. Если бы я был освѣдомлен о том, что шайка шантажистов имѣет от Нью-Іоркскаго суда ордер на мой арест, я предпочел-бы не ѣхать в Нью-Іорк, чтобы избѣгнуть связанных с судом непріятностей. На сущности этого процесса я остановлюсь ниже.

Едва только поѣзд успѣл остановиться на Пенсильванском вокзалѣ, ко мнѣ подошел какой-то странный тип, всѣм своим видом показывавшій, что он чего-то опасается и держится нарочито насторожѣ. Отрекомендовавшись мѣстным шерифом, он предъявил мнѣ ордер на мой арест и предложил немедленно слѣдовать за ним. Я категорически отказался разговаривать с ним на вокзалѣ и предложил проѣхать в отель «Вальдорф Асторія». Шериф и его спутники, коих было до десяти человѣк, шумливо, на перебой начали протестовать против моего предложенія, но, тѣм не менѣе, мнѣ удалось настоять на своем. По прибытіи в отель, я, при любезном содѣйствіи господина М. Е. Айвазова, сопровождавшаго меня в моей поѣздкѣ по САСШ от самаго Ванкувера, временно устранил вопрос о судебном процессѣ и мой арест получил, таким образом, отсрочку. Безусловно, мнѣ удалось достичь этого исключительно благодаря М. Е. Айвазову, русскому эмитранту, давно пріѣхавшему в Америку искать счастья и нашедшаго его благодаря неустанным трудам и неисчерпаемой энергіи. В 1922 году он был одним из самых богатых жителей Ванкувера.

Припоминая событія, я прихожу к заключенію, что в то время мнѣ много помогла травля, поднятая против меня частью нью-іоркской прессы. В своем увлеченіи пропагандой против меня она дошла до таких геркулесовых столбов глупости и явной лжи, что результат получился для иниціаторов поднятой кампаніи довольно неожиданный. Читателям преподносилась такая махровая нелѣпость, что ни один здравомыслящій человѣк не мог отнестись к ней серьезно. Ни репортеры, ни редакторы газет, повидимому, совершенно не считались ни с здравым смыслом ни с географіей Россіи, печатая явный абсурд. Одна из газет в статьѣ под заголовком «Пріѣхал мясник», писала буквально слѣдующее: «...Атаман Семенов задался цѣлью уничтожить в Россіи женщин и дѣтей и он собственноручно разстрѣливал их сотнями тысяч. Например, когда Семенов отправлялся из Москвы в Забайкалье, он весь свой путь увѣшал трупами. В одной Читѣ он своими руками разстрѣлял свыше 74 тысяч женщин и дѣтей...». Подобные перлы досужей фантазіи были способны свести с ума человѣка со слабыми нервами, попавшаго в обстановку этой фабрикаціи безпросвѣтной лжи. Мнѣ много пришлось видѣть в жизни. Приходилось слышать и безудержанную ложь из уст боль-

шевистских агитаторов еще на Германском фронтѣ, но ничего подобнаго нью-іоркским врунам я даже представить себѣ не мог. Удивительно-ли, что у шерифа могло создаться впечатлѣніе, что ему предстоит имѣть дѣло с самым отчаянным головорѣзом и что я, «в силу привычки» могу при своем арестѣ расправиться и с ним. Опасеніе этой расправы, повидимому, вліяло на настроеніе шерифа, который, подходя ко мнѣ, не скрывал всей гаммы чувств борьбы долга с личным самосохраненіем.

В Нью-Іоркѣ мнѣ пришлось остаться в продолженіи двух с половиной мѣсяцев, ибо начался судебный процесс по дѣлу Юровета, к которому присоединилось еще двадцать одно дѣло по искам фирм, даже не имѣвших никаких интересов в Сибири, а работавших лишь в Харбинѣ. В процессѣ разсмотрѣнія их претензій, выяснилось, что всѣ эти фирмы дѣйствовали по указкѣ совѣтскаго представителя Сквирскаго, объединявшагося в едином фронтѣ против меня с сенаторами Бора и Франс.

Эти «волонтеры» арміи коминтерна, затѣвая процессы с фантастическими исками против меня, имѣли своей главной цѣлью во чтобы то ни стало задержать мой отъѣзд в Европу, ибо покровительство, которое мнѣ оказал президент Франціи, г. Пуанкаре, истолковывалось ими, как готовящееся мое выступленіе на Генуезской конференціи с разоблаченіями планов коминтерна. Наиболѣе активным сотрудником Сквирскаго в его интригѣ против меня, оказался генерал Гревс, который послѣ прекращенія гражданскаго процесса, выступил с ложными показаніями под присягой, как свидѣтель в уголовном обвиненіи меня сенатором Бора в разстрѣлѣ в Забайкальи американских солдат в період союзнической интервенціи в Сибирь.

В первые-же дни процесса выяснилось, что мои адвокаты оказались подкупленными противниками и были поэтому замѣнены адвокатами Кларк, Прентис, Рулстон, которые и вели мою защиту во все время продолженія процесса.

Кларк, Прентис и Рулстон взялись защищать меня, когда процесс уже начался. Самое же возникновеніе его, послѣ разоблаченія первых моих защитников, застало меня без всякой защиты. Будучи знаком с юриспруденціей в объемѣ лишь программы военных училищ, я все-же не мог не обратить вниманія на одно обстоятельство, которое казалось мнѣ весьма страннымъ: каким образом, суд штата Нью-Іорк мог брать на себя разсмотрѣніе дѣяній, совершенных на чужой территоріи, и возлагать на меня отвѣтственность за эти дѣянія, лишь как на главу мѣстной власти, не предъявляя мнѣ никаких персональных обвиненій ни в гражданском, ни в уголовном процессѣ. Я заявил свой протест судьѣ Когану и потребовал поясненія, на каком основаніи суд требует возврата денег, которыя я никогда ни от фирмы Юровета, ни от других участников исков не получал.

Судья отклонил мой протест и я апеллировал в федеральный суд в Вашингтон, откуда на слѣдующій-же день пришло разъясненіе, подтверждавшее мою правоту, с предложеніем процесс прекратить. Однако, нью-іоркскій суд с таковым разъясненіем не согласился, процесс прекращен не был, и дѣло получило лишь нѣсколько иное направленіе. Судья Коган был замѣнен другим лицом. Гражданскій процесс закончился полным моим торжеством и подлинное постановленіе суда до сего времени хранится в моих личных дѣлах.

Едва только выяснилось, что гражданскій процесс должен закончиться в мою пользу, на сцену выступил сенатор Бора, потребовавшій назначенія сенаторской комиссіи для разслѣдованія причин разстрѣла нѣскольких американских солдат в Забайкальи по моему приказу во время интервенціи.

Комиссія эта была назначена и в ней выступил со своими показаніями генерал Гревс, который, несмотря на то, что давал показанія под присягой, допустил в них явное и грубое искаженіе истины, превзошедшее в своей несуразности даже фантастическія измышленія нѣкоторых нью-іоркских газет.

Гревс заявил, что я не только никогда не был сотрудником адмирала Колчака, но выступал против него вооруженной силой, держа фронт в тылу территоріи, подчиненной правительству адмирала. Дальше Гревс заявил, что покойный адмирал Колчак никогда не передавал мнѣ всю полноту власти на территоріи Россійской Восточной окраины и что разстрѣлы американских солдат в Забайкальи производились неоднократно, причем безо всякаго повода, по наущенію ниппонскаго командованія.

Я легко опроверг всѣ инсинуаціи Гревса и доказал их лживость, что вызвало рѣзкое выступленіе нѣкоторых видных офицеров американской арміи против Гревса, потребовавших удаленія его из арміи, как опорочившаго себя ложной присягой. Одним из таких офицеров, доведших свой протест до логическаго конца, был полковник Макроски, который не остановился перед уходом в отставку, в видѣ протеста против дальнѣйшаго пребыванія генерала Гревса в рядах арміи.

Послѣ скандальнаго выступленія генерала Гревса, я обратился к комиссіи с запросом, как г. г. сенаторы разсматривают солдат американской арміи, дезертировавших из своих полков и присоединившихся к красной арміи в Сибири? Считают-ли они их преступниками и дезертирами, или разсматривают их как чинов арміи, выступавших с оружіем в руках против національной россійской арміи. В первом случаѣ, на основаніи каких законов вмѣняется мнѣ в вину наказаніе по суду преступников и дезертиров, захваченных с оружіем в руках во время боя, в числѣ прочих плѣнных красноармейцев, а во втором случаѣ, — чѣм г. г. сенаторы объяснят вооруженное выступленіе чинов американской арміи, командированных в Сибирь

для поддержки національных сил Россіи, против этих самых сил на сторонѣ краснаго интернаціонала.

Фактически этим и закончилось все дѣло. Отвѣта на свой запрос я никогда не получил и вскорѣ по просьбѣ одного из высших учрежденій САСШ, я согласился прекратить дѣло, созданное совмѣстными усиліями Бора, Франса и Сквирскаго, и одновременно рѣшил покинуть предѣлы С. А. С. Ш.

На обратном пути из Штатов, на границѣ Канады, я был встрѣчен почетным караулом канадских войск и оставался до выѣзда из Канады гостепріимно принятым как властями страны, так и ея жителями. Я никогда не забуду джентльменскаго отношенія к себѣ со стороны генерала Нокса, маіора Аткинсон и других офицеров великобританской арміи, которые без всякой просьбы с моей стороны сочли долгом реагировать на допущенную в САСШ травлю против меня, послав свои протесты в Сенат САСШ.

Между прочим, это послѣднее обстоятельство дало повод сенатору Бора подчеркнуть свое обвиненіе меня в соучастіи в дѣйствіях, направленных против американских войск в Сибири не только совмѣстно с ниппонскими войсками, но и великобританскими.

По прибытіи в Канаду, я вновь имѣл удовольствіе воспользоваться радушным гостепріимством М. Е. Айвазова и многих других видных горожан Ванкувера и Торонто.

Денежныя мои дѣла послѣ судебных расходов и продолжительной остановки в Нью-Іоркѣ были настолько плачевны, что я не имѣл возможности думать о дальнѣйшей поѣздкѣ во Францію и был вынужден вернуться на Дальній Восток, несмотря на всѣ трудности, которыя снова ожидали меня там.

18-го іюня 1922 года я оставил Ванкувер, возвращаясь в Китай. 28-го іюня прибыл в Іокогаму и, несмотря на всѣ усилія моих добрых друзей, не мог получить разрѣшенія на высадку на берег. Поэтому мнѣ пришлось продолжать свой путь на том-же пароходѣ до Нагасаки, гдѣ, по настоянію медицинской комиссіи, удалось, наконец, получить разрѣшеніе на помѣщеніе в один из мѣстных госпиталей, в котором я провел три недѣли, отдыхая от своей поѣздки в Америку.

11.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА ВОСТОК.

Прибытіе в Китай. Новое покушеніе в Тяньцзинѣ. Враждебное отношеніе ко мнѣ китайских властей. Переѣзд в Циканфу. Убѣжище в Ляошанѣ. Переѣзд в Циндао. Разрѣшеніе въѣзда в Ниппон. Условія въѣзда. Нагасаки. Первые годы жизни в Ниппон. Смѣна министерства и облегченіе условій моей жизни. Характерныя особенности страны и нацiи Ямато. Попытки революціонизацiи Ниппон. Разрушительная дѣятельность коминтерна в Китаѣ. Возобновленіе моих политическихъ связей. Исторія взаимоотношеній с Чжан Цзо-линем и его преемниками. Обращеніе к Сун Чуан-фану и Чжан Кай-ши. Міровая обстановка и успѣхи коминтерна. Пути совѣтской политики. Цѣнность совѣтских обязательств и истинныя намѣренія коминтерна.

Моим ниппонским друзьям так и не удалось исхлопотать мнѣ право жительства в Ниппон и я вынужден был вернуться в Китай, не имѣя и там права на легальное существованіе. Господин Сео Эй-таро повсюду сопровождал меня и ему пришлось пережить массу безпокойных дней в теченіе долгаго времени, что было особенно хлопотливо, ввиду постояннаго преслѣдованія меня агентами большевиков.

В Тяньцзин я вернулся в концѣ іюля 1922 года и нелегально остановился в Токива-отелѣ, гдѣ в первых числах августа мнѣ пришлось снова пережить покушеніе на мою жизнь. На этот раз было совершено открытое нападеніе на отель. Благодаря своевременно принятым мною и г. Сео мѣрам, нам удалось удачно вызвать наряд консульской полиціи и задержать пять человѣк, вооруженных гранатами и револьверами. В числѣ задержанных оказалось трое русских, из них один нѣкто Силинскій, явный большевик, один кореец из числа прислуги отеля, взятый нападавшими насильно, чтобы указать мой номер, и один американскій гражданин из того сорта русских революціонеров, которые эмигрировали в свое время в САСШ, спасаясь от воинской повинности. Цѣлью нападенія на гостиницу было убійство меня, как это выяснилось из показаній корейца, данных им при допросѣ в полиціи. Тѣм не менѣе, всѣ арестованные, кромѣ корейца — ниппонскаго подданнаго, были вскорѣ освобождены консулами и открыто высказывали намѣреніе повторить покушеніе в ближайшем будущем.

В силу создавшейся обстановки, по настойчивым напоминаніям консулов, мнѣ пришлось снова готовиться к выѣзду из Тяньцзина. У меня не было опредѣленнаго пункта, куда-бы я мог поѣхать, так как китайскія власти связывали мое имя с вновь возникшим в Монголіи движеніем за независимость и, считая меня отвѣтственным за него, ожидали только подходящаго случая для моего ареста.

Разрабатывая в свое время план объединенной борьбы с коммунизмом, я указывал маршалу Чжан Цзо-лину на необходимость использованія стремленія монголов к независимости в наших интересах, чтобы не толкнуть их в объятія агентов красной Москвы. Мой план в китайском правительствѣ, за исключеніем нѣкоторых монархических кругов, был встрѣчен холодно, так как Пекин разсматривал этот вопрос исключительно с точки зрѣнія сохраненія своего суверенитета и за этим просмотрѣл интригу коминтерна, который, уничтожив сопротивленіе бѣлых армій в Сибири и на Дальнем Востокѣ, немедленно наложил свою руку на Внѣшнюю Монголію, захватив Халху и вовлекши ее в орбиту своего исключительнаго вліянія. Монголія оказалась для Китая все равно потерянной и отвѣтственность за это нынѣ возлагалась на меня, ибо ближайшим поводом к вводу красных войск в Халху, послужила борьба с Унгерном и ликвидація его движенія на Байкал.

Так или иначе, но я не мог появиться на китайской территоріи, так же, как не мог оставаться и на концессіях. Выхода, как будто не было, но его надо было найти во чтобы то ни стало. В концѣ августа я, в сопровожденіи неизмѣннаго господина Сео, покинул Тяньцзин, направляясь пока в Цинанфу. Там предстояло рѣшить вопрос о дальнѣйшем направленіи. На слѣдующій-же день послѣ нашего прибытія в Цинанфу, в ниппонскій отель, в котором мы остановились, явились двое подозрительных лиц, в одном из которых мы тотчас узнали того Силинскаго, который принимал участіе в нападеніи на Токива-отель в Тяньцзинѣ. Таким образом, обстановка осложнилась еще тѣм, что наше мѣстопребываніе было быстро обнаружено и теперь предстояло не только найти убѣжище, но и обмануть бдительность наблюдателей и скрыться от них так, чтобы они не могли найти нас снова.

Обсудив положеніе, мы рѣшили ввести в заблужденіе наших противников тѣм, что сѣв в поѣзд, идущій в Циндао и взяв билеты до этого пункта, вылѣзти из поѣзда не доѣзжая Циндао и пѣшком отправиться в Ляошань. Предварительно мы заручились содѣйствіем одного голландца, г. П. Р., который оказал мнѣ большую услугу, устроив разрѣшеніе владѣльца одной из вилл на Ляошанѣ, германскаго подданнаго, помѣститься в его дачѣ, которая, в это время года обычно пустовала. Господин Сео должен был отправиться в Циндао, там явиться к генерал - губернатору генералу [illegible] щить ему мое мѣстопребываніе.

Рано утром, я и г. П. Р., не доѣзжая двух станцій до Циндао, покинули поѣзд. Нам удалось исполнить это совершенно незамѣтно для наших преслѣдователей, ибо они наблюдали за Сео, который гулял по поѣзду и часто посѣщал вагон-ресторан, в то время как я не покидал своего купе. На той станціи, гдѣ нам предстояло вылезти, Сео снова увел наших преслѣдователей, а мы тѣм временем, незамѣтно отстали от поѣзда и пѣшком направились в горы. Пройдя около тридцати километров, мы к вечеру прибыли на мѣсто назначенія, гдѣ меня ожидал китаец-повар и гдѣ я оставался в теченіе недѣли под видом друга хозяина. Г-н П. Р. на другое утро уѣхал в Циндао.

За недѣлю, что я прожил на этой дачѣ, меня чуть не каждый вечер посѣщали главари шайки хунхузов, сконцентрировавшейся в раіонѣ Ляошаня. В это время в их рядах уже находились спеціальные агенты - пропагандисты, подготовленные в Москвѣ и командированные в Китай для выполненія заданій и порученій коминтерна. Я с интересом бесѣдовал с ними и узнал много новаго в смыслѣ планов и размаха работы коминтерна в Китаѣ.

Генерал Юхи, освѣдомленный г. Сео о моем пребываніи в Ляошанѣ, направил ко мнѣ офицера жандармеріи, маіора Ф. с нѣсколькими солдатами, чтобы передать мнѣ, что генерал-губернатор, не имѣя возможности дать официальное разрѣшеніе на мое мѣстопребываніе в Циндао, приглашает меня пріѣхать в город неофиціально, ставя при этом условіем днем не выходить из квартиры. Это условіе я пунктуально выполнял в теченіе, приблизительно, мѣсяца своей жизни в Циндао.

Но обстоятельства продолжали преслѣдовать меня: как раз в этот період времени Ниппон приступил к передачѣ Циндао Китаю, вслѣдствіе чего мнѣ снова пришлось думать об убѣжищѣ для себя. Послѣ больших усилій моих друзей в Ниппон, я получил, наконец, разрѣшеніе на проживаніе там и должен был законспирированно выѣхать на «Кіу-Сіу».

Условія, на которых мнѣ разрѣшалось жить в Ниппон, заключались в том, что я должен был совершенно отказаться от политической дѣятельности и не имѣл права выѣзда из Ниппон. Если-бы я выѣхал оттуда, то выданное мнѣ разрѣшеніе было-бы аннулировано и я лишался права убѣжища в странѣ Восходящаго Солнца. Мнѣ было также предложено избрать себѣ какой-нибудь псевдоним, чтобы не привлекать к себѣ вниманія своим слишком извѣстным на Востокѣ именем.

Прибыв в Ниппон под фамиліей Эрдени — это часть моего монгольскаго титула — я быстро был разоблачен журналистами, многіе из которых знали меня лично. Уже в Моджи от всей конспи-
сталось ничего и я прескверно себя чувствовал. Только
е отсутствія какой-либо вины с моей стороны в нарушеніи

одного из поставленных мнѣ условій, нѣсколько успокаивало меня. Пробыв нѣсколько часов в управленіи морской полиціи в Моджи, я с первым отходившим экспрессом выѣхал в Нагасаки, гдѣ остановился в отелѣ «Дю Джапан», по древности, пожалуй равном самому городу.

Город производил впечатлѣніе овѣяннаго вѣковым спокойствіем и тишиной. Часто на улицах его не было даже признаков наличія живых людей, тѣ же, которые встрѣчались, были особенно любезны и добродушны. Эта новая обстановка настолько мнѣ понравилась, что я с первых-же дней своей жизни в городѣ, сильно привязался к нему, тѣм болѣе, что в городѣ повсюду еще были замѣтны слѣды пребыванія там нашего флота, который проводил зимніе мѣсяцы в гавани Нагасаки, уходя из замерзающих портов нашего Дальняго Востока.

Здѣсь я впервые испытал землетрясеніе и довольно ощутительное, во время котораго было разрушено до двух тысяч домов. Подобное землетрясеніе случилось в Ниппон при первом его посѣщеніи русскими моряками и подробно описано Гончаровым в его «Фрегат Паллада». Мнѣ не пришлось пережить величайшее землетрясеніе 1923 года, когда были разрушены Токіо и Іокогама, что, однако, не помѣшало совѣтской дальневосточной прессѣ широко оповѣстить свою публику о моей гибели в Іокогамѣ.

Первые два года пребыванія в Ниппон, т. е. до паденія кабинета Хара, я был лишен права передвиженія по странѣ и должен был безвыѣздно находиться в Нагасаки, ввиду того, что совѣтскіе представители усиленно протестовали и против моего пребыванія в Ниппон, и против той дѣятельности, которую я, якобы, проводил в нем. Меня эти протесты ставили в весьма неловкое положеніе, так как я рѣшительно никакой политической работы не вел, и, несмотря на это, должен был неоднократно доказывать властям, что я веду жизнь частнаго обывателя, не больше.

Послѣ трагической смерти премьера Хара и послѣдовавшей за ней смѣной кабинета, я получил возможность свободнаго передвиженія по всей странѣ и сейчас-же воспользовался этим, чтобы посѣтить моих старых друзей в Токіо. Поѣздки по Ниппон дали мнѣ возможность ближе ознакомиться со страной и получить правильное представленіе о народѣ, его бытѣ и высоких душевных качествах ниппонцев. Нужно хорошо познать націю, чтобы имѣть возможность должным образом оцѣнить ее. В характерѣ ниппонскаго народа, независимо от классов и состоянія, много прирожденнаго благородства и порядочности. Дух рыцарства свойственен націи Ямато и этот дух культивируется в каждом ниппонцѣ с ранних лѣт.

К сожалѣнію, многіе русскіе и иностранцы, побывав в Ниппон мало вникают в сущность этой старѣйшей по своей цивилизаціи стра-

ны, в то же время такой молодой, по времени усвоенія ею технической культуры запада. Мудрыми руководителями періода реформ Великаго Императора Мейдзи, предусмотрѣна была полезность усвоенія иностранной техники при бережномъ сохраненіи сокровищницы высокой національной духовной культуры. Я увѣренъ, что классовыя потрясенія еще долго не коснутся ниппонскаго народа, если и в дальнѣйшем руководители государственнаго корабля страны Ямато не сойдут с пути, предуказаннаго Великим Реформатором. Нельзя, правда, отрицать того, что антигосударственная бацилла коммунизма проникла и в Ниппон, но это не будет имѣть актуальнаго значенія до тѣх пор, пока интеллигенція и армія не окажутся зараженными ею.

И несмотря на то, что коминтерн уже давно работает по революціонизированію Ниппон, всѣ его надежды на успѣх в этом направленіи — тщетны. Увѣренность большевиков, что им удастся разложить ниппонскій народ и толкнуть его на путь революціи (см. «Коммунистическій Интернаціонал», декабрь 1935 г.; «Большевик», № 2 за 1937 г.; «Тихій Океан», № 4 за 1936 г.) — миф, такой же необоснованный, каким оказалась увѣренность Москвы в успѣхѣ того конфликта между Ниппон и Китаем, который был вызван совѣтами, долго и упорно обрабатывавшими Китай и убѣдившими его в своей помощи, для чего постоянно создавались всевозможные инциденты на границах СССР с Монголіей и Кореей, демонстрировавшіе, якобы, совѣтское презрѣніе к мощи Ниппон и, в концѣ концов, вдохновившіе Китай на безнадежную и безумную борьбу с Ниппон.

Эта борьба была нужна коминтерну, так как еще в 1923-24 г. г., по ходу дѣятельности агентов коммунистической Москвы на востокѣ, было ясно, что очередная ставка на революцію в Азіи дѣлается здѣсь, в Китаѣ, путем соотвѣтствующей обработки народных масс его. Сравнительно хорошо зная психологію масс, вообще, а китайцев, в частности, я пришел к убѣжденію, что красные стремятся к вовлеченію Китая в совѣтскій союз для того, чтобы расширить революціонное движеніе за предѣлами Россіи. Послѣ того, как Монголія и Южный Китай были вовлечены в орбиту исключительнаго вліянія совѣтов, я пришел к убѣжденію, что настало время, когда необходимо было отказаться от своей пассивности и принять то или иное участіе в противокоммунистической дѣятельности в Китаѣ, как в странѣ, непосредственно соприкасающейся с моей родиной. Праздность, которой я был обречен в продолженіи своей жизни в Ниппон, начала тяготить меня, особенно в отношеніи невозможности предпринять что либо против все усиливавшатося на востокѣ вліянія красных. Русскій человѣк, любящій свою родину и желающій ей добра, в этом вопросѣ нейтральным быть не может и не должен. Если он не коммунист, он должен быть активным антикоммунистом

и не имѣет права относиться безразлично к попыткам коминтерна укрѣпить свое положеніе. Всякая неопредѣленность в этом отношеніи является недопустимой и потому, как только нетерпимость ниппонскаго правительства в отношеніи меня была смягчена с уходом от власти кабинета Хара, я стал искать возстановленія прерванных событіями послѣдних лѣт своих связей в Китаѣ, с тѣм, чтобы начать работу по созданію единаго антикоммунистическаго фронта в Китаѣ, заложив в основу его формированіе международнаго антикоммунистическаго легіона для противодѣйствія, в первую очередь, разлагающему вліянію коминтерна в Китаѣ.

Прежде всего, я обратился к маршалам Чжан Цзо-лину в Мукден, Сун Чуан-фану в Шанхай и Чжан Кай-ши — в Нанкин.

Первыя мои сношенія с Чжан Цзо-лином начались еще в 1919 году, когда я, с согласія Верховнаго Правителя, адмирала Колчака, нанес ему визит в Мукденѣ. Пробыв у Чжан Цзо-лина пять дней, я сдѣлал тогда ему предложеніе о сформированіи конницы из монгол, под опытным руководством инструкторов из казаков, знающих монгольскій язык. Старый маршал колебался дать свое согласіе, но мнѣ удалось убѣдить его в пользѣ сдѣланнаго предложенія, указав на факты, подтверждавшіе рост коммунистических настроеній на востокѣ и на весь вред этого явленія. В концѣ концов, он выразил принципіальное согласіе на выполненіе моего плана, осуществить который, однако, было не суждено. В это самое время большевики публично отказались от всяких прав на К. В. ж. д. и обратились к китайскому правительству с весьма заманчивыми для него предложеніями. Несмотря на всю их эфемерность, китайцы понудили себя дать-им вѣру и потому наше соглашеніе с Чжан Цзо-лином как-то незамѣтно было сведено на нѣт. Как извѣстно, послѣдовавшія событія показали полную неискренность большевиков, которые отказались от всѣх своих обѣщаній и не остановились перед созданіем всѣм памятнаго конфликта 1929 года, чтобы имѣть основаніе вынудить от Китая отказ от всяких претензій к совѣтам, в связи с данными ими и невыполненными обѣщаніями, что и было достигнуто.

В 1927 году, когда маршал Чжан Цзо-лин занял пост Верховнаго Правителя и находился в Пекинѣ, я снова обратился к нему с прежним предложеніем, нѣсколько видоизмѣнив его. Участіе в моих переговорах с маршалом генерала Хорвата нѣсколько затянули их, а послѣдовавшая вслѣд за тѣм катастрофа и гибель стараго маршала, совсѣм сняла вопрос с очереди. Преемник Чжан Цзо-лина, молодой, как его принято было называть, маршал Чжан Сюе-лян, оказался не тѣм человѣком, который был-бы способен широко смотрѣть на вещи и сохранить в своих руках вліяніе и власть, доставшіяся ему в наслѣдіе от его мудраго отца. Вслѣдствіе этих причин, вскорѣ вся обстановка в період недолгаго правленія Чжан Сюе-ляна, положила

Р.С.Ф.С.Р. Государственная Публичная БИБЛІОТЕКА

конец всякой возможности создать активный противокоммунистическій центр в Маньчжуріи.

Глава пяти провинцій, маршал Суи Чуан-фан, имѣвшій мѣсто пребываніе в Шанхаѣ, охотно пошел на участіе в созданіи антикоммунистическаго центра в Китаѣ и даже дал мнѣ разрѣшеніе на формированіе первых частей международнаго противобольшевистскаго легіона на территоріи, подвластной ему, но его вооруженная борьба с Нанкином, результаты которой складывались в пользу Чжан Кай-ши, не дали возможности реализировать достигнутое соглашеніе и послѣдующее затѣм занятіе Шанхая нанкинцами и паденіе маршала Суна, совершенно аннулировали наше соглашеніе.

В дальнѣйшем, обстановка, с усиленіем Нанкина, при наличіи явной переоцѣнки своих сил маршалом Чжан Кай-ши, настолько измѣнилась, что вопрос о заинтересованности Китая в общей борьбѣ с коминтерном надо было совершенно снять с очереди.

Мір бился в судорогах политических и экономических кризисов, а лица, стоявшія во главѣ правительств, пытались найти выход в установленіи нормальных, с буржуазной точки зрѣнія взаимоотношеній с большевиками, закрывая глаза на то, что именно большевики являются первоисточником всѣх кризисов и наивно думая, что соглашеніе с ними откроет им совѣтскіе рынки и оживит их торговлю и промышленность. При этом упускали из виду, что голодная и обобранная страна рынком быть не может и покупать что-либо не в состояніи, а заключеніе всякаго рода договоров с совѣтами усиливает престиж коммунистов и ободряет их в борьбѣ за конечное торжество міровой революціи, оплаченной совѣтскими деньгами и проводимой по совѣтским рецептам.

Приходилось только удивляться той легкости, с какой буржуазныя правительства шли на сближеніе с большевиками, закрывая глаза на совѣтское двуличіе и на закулисную работу совѣтских дипломатических и торговых миссій. Кому неизвѣстно, что внутри страны власти СССР одѣвают на себя личину ярко націоналистической политики, призывая народ и армію к защитѣ родной земли от захвата иностранных имперіалистов, в то время, как во внѣшней политикѣ, в общеніи с иностранным пролетаріатом, официальные и неофиціальные представители СССР работают не покладая рук, организуя кадры коммунистов и подготовляя их к сверженію существующаго режима и захвату власти в свои руки.

Официальная совѣтская дипломатія всегда ратует за сохраненіе мира, примыкая к пацифистским теченіям во всѣх случаях и странах. В то же самое время и внутри страны и в заграничных представительствах СССР ведется лихорадочная подготовка к неизбѣжному в будущем вмѣшательству во внутреннія дѣла любой страны, гдѣ явится возможность зажечь гражданскую войну. Об этом

я писал еще в 1920/21 г. г., доказывая, что разрушительные планы коминтерна направлены на революціонизированіе всѣх стран міра, а посему пресѣченіе этой работы возможно лишь при общей мобилизаціи против нея всѣх народов и при изгнаніи коминтерна из Россіи, дабы лишить его матеріальной базы.

Интересно отмѣтить, что ни одно соглашеніе большевиков с иностранцами и ни один офиціальный акт, когда либо подписанный ими, не упоминали в качествѣ договорившейся стороны Россію, а заключались от имени союза ССР. Из этого слѣдует, что и значеніе этих актов будет существовать лишь до тѣх пор, пока существует союз, автоматически включающій в эти договора всѣ вновь образующіяся совѣтскія республики, примыкающія к нему. Это относится, очевидно, и к красной Испаніи, и к южному Китаю, и к внѣшней Монголіи и может быть отнесено и ко всѣм будущим совѣтским новообразованіям, гдѣ бы они ни появились.

Поистинѣ, во всем мірѣ идет революція, которая измѣняет не только политическіе режимы в отдѣльных странах, но перемѣщает и самый центр понятія о правѣ, до сего времени общій и незыблемый для всѣх стран и народов. Мір попал в полосу общей переоцѣнки цѣнностей, создавшей такой хаос в казалось-бы ясных и незыблемых истинах, который может ввергнуть его в пучину невиданных бѣдствій, если процесс разложенія, идущій из краснаго Кремля, не будет прекращен рѣшительными мѣрами против коминтерна.

Включая в тексты своих договоров с большевиками пункты об отказѣ совѣтскаго правительства от пропаганды за границей, представители иностранных правительств сознательно закрывают глаза на то, что они будут обмануты; ибо самая сущность коммунизма заключается в стремленіи ввести совѣтскій режим во всем мірѣ и в подготовкѣ к этому пролетаріата. Достаточно указать на один из пунктов Полевого устава красной арміи, который ясно и четко формулирует цѣли и стремленія СССР. В этом параграфѣ говорится, что РККА является авангардом міровой революціи и защитницей революціоннаго движенія в странах, угнетаемых буржуазным или капиталистическим режимом. Может-ли быть что-нибудь болѣе ясное и четкое в откровенном исповѣдываніи своего символа вѣры. И можно-ли удивляться послѣ этого, что представители совѣтскаго правительства за границей уже не один раз скандально разоблачались в веденіи коммунистической пропаганды, организаціи коммунистических партій и подрываніи основ государств, при правительствах коих они аккредитованы, несмотря на всѣ обязательства и договора, как будто бы гарантировавшіе эти послѣдніе от всякаго вмѣшательства совѣтов в их внутреннюю жизнь.

Для меня является совершенно несомнѣнным, что коминтерн старается и будет стараться вездѣ, гдѣ только возможно, провоцировать идею міровой пролетарской революціи, избѣгая во чтобы

то ни стало открытых вооруженных столкновеній своей рабоче-крестьянской красной арміи с атакованными ими странами, дѣйствуя по преимуществу, революціонной силой мѣстнаго пролетаріата и компартій, усиливая их инструкторскими частями регулярной РККА. Событія в Китаѣ, в Испаніи и судьба Внѣшней Монголіи подтверждают правильность этого моего заключенія, так как такой способ воздѣйствія на противника дает основаніе правительству СССР формально отводить обвиненія во вмѣшательствѣ, ссылаясь на то, что воюют не части арміи совѣтскаго союза, а революціонный пролетаріат, против котораго СССР не может принять каких-либо мѣр и за дѣйствія котораго не может нести отвѣтственности. Это — приблизительный смысл содержанія тѣх дипломатических нот, кои будут разсылаться красным Кремлем иностранным державам в недалеком будущем и кои замѣнят собою подобныя-же по цѣнности массовыя ноты недалекаго прошлаго, в которых правительство совѣтскаго союза усиленно доказывало міру, что оно не имѣет ничего общаго с коминтерном и не может контролировать его дѣйствій. Формально не будет основаній не принять такой ноты, ибо внѣшне все будет обстоять вполнѣ благополучно для СССР, приближая катастрофу современной цивилизаціи, под аккомпаниимент краснорѣчія дипломатіи капиталистических стран.

Будущій историк, изслѣдуя переживаемую нами эпоху, несомнѣнно, придет к выводу, что виновниками міровых потрясеній и кризисов нашего времени, в большей степени, чѣм большевики, являются тѣ, кто поддерживал их, ибо без той широкой матеріальной и моральной помощи, какую оказали им капиталистическія и буржуазныя страны, большевики ничего не смогли-бы сдѣлать и даже самый захват ими власти в Россіи был возможен лишь при том содѣйствіи, которое они получили от германскаго правительства.

12.

КОМИНТЕРН и С. С. С. Р.

Положеніе в Россіи. Иностранная поддержка совѣтской власти. Разлагающая работа коминтерна за границей. Россійская эмиграція. Невозвращенство. Вліяніе СССР на Китай. Міровыя задачи коммунизма. Наускиваніе Китая на Ниппон. Роль буржуазной дипломатіи. «Народный фронт». 2-ая совѣтская армія коминтерна. Коммунизація Китая. Борьба с націонализмом в СССР. Измѣнчивость внутренней политики СССР. Неизмѣнность внѣшней его политики. Троцкизм. Шовинизм и іудофобство. Лига Націй. Колоніальный вопрос. Экономическое соперничество и агрессія обойденных держав.

В настоящее время успѣхи коммунистической пропаганды во

всем мірѣ зашли так далеко, что ликвидировать их является задачей весьма трудной. Основным условіем для пресѣченія разрушительной работы коминтерна, является безусловный отказ от принципов, когда-то провозглашенных Ллойд Джорджем о том, что «торговать можно и с людоѣдами». Коммерсанты должны твердо усвоить себѣ, что все, нынѣ от торговли с совѣтами ими нажитое, рано или поздно, все равно будет от них отобрано, а сами они, если и не съѣдены, то просто зарыты в яму, как всякая падаль. И все от них отобранное послужит рессурсом для продолженія уничтоженія человѣчества и его культуры в слѣдующей очередной странѣ. Так было в Россіи, так происходит сейчас в красной Испаніи, так же будет происходить вездѣ, гдѣ красным удастся взять власть в свои руки, хотя-бы на один день.

Надо надѣяться, что судьбѣ будет угодно выдвинуть хотя-бы еще в двух-трех странах своих Муссолини, Гитлеров и Франко. Тогда можно будет надѣяться на укрѣпленіе единаго фронта против растлителей морали и религіи, за спасеніе цѣнностей культуры от коммунистическаго вандализма, а также на прекращеніе политической спекуляціи на дипломатических взаимоотношеніях держав с СССР. Тогда, может быть, вспомнят и о давно забытой порядочности в международных взаимоотношеніях.

Иностранцам необходимо понять, что единственная причина, удерживающая населеніе Россіи и даже красную армію от національной революціи теперь, послѣ двадцатилѣтняго коммунистическаго гнета, заключается в той поддержкѣ финансово-экономической, которую совѣты имѣют от капиталистических стран міра. Ни для кого не секрет, что только дипломатическое признаніе державами совѣтскаго правительства, гарантирует послѣднее от опасности организаціи національно-революціоннаго движенія за предѣлами совѣтскаго союза, к чему уже давно имѣются всѣ возможности. Послѣ признанія совѣтская пропаганда повсюду ведется даже в усиленном размѣрѣ, несмотря на всѣ договоры об отказѣ от нея, так как, если раньше, когда правительство красной Москвы не пользовалось признаніем за границей, оно, добиваясь этого признанія и связанных с ним преимуществ, держало себя весьма осторожно, то послѣ того, когда совѣты получили признаніе почти во всем мірѣ, и дипломатическая неприкосновенность служит хорошей ширмой для их представителей, они, укрываясь за послѣдней, широко развернули свою преступную дѣятельность, результаты которой болѣзненно ощущаются всѣм міром.

В настоящее время положеніе таково, что мір уже раздѣлился на два враждующих лагеря и только потоки крови побѣжденной стороны смогут залить пламя классовых войн, которыя стараніями коминтерна, угрожают каждой странѣ. Тогда РККА Москвы явится стратегическим резервом всѣх мѣстных коммунистических армій, го-

товым поддержать их в нужный момент и в нужном мѣстѣ, причём, во всѣх случаях, содѣйствіе этого резерва будет маскироваться флагом той страны, в которую он будет послан.

Я полагаю, что правительства и страны, до сего времени сотрудничающія с правительством СССР, в предвидѣніи страшнаго будущаго, которое готовят для человѣчества коммунисты, обязаны пересмотрѣть свои отношенія к этим источникам всякаго зла и разрушенія, чтобы хоть отчасти смягчить свою отвѣтственность перед грядущими поколѣніями.

Меня всегда удивляло, чѣм руководствуются иностранцы, закрывая глаза на факты и упорно ожидая от красной Москвы какой-то лойяльности и честнаго сотрудничества. Конечно, возможно, что не испытав на собственном опытѣ сущности совѣтской системы, иностранные политики не могут согласиться принять на вѣру, что комминтерн представляет собою страшную угрозу всему міру. Тогда придется им убѣдиться в этом послѣ того, как тяжелая длань комминтерна подчинит своему вліянію их собственныя страны. И для них, и для себя слѣдует пожелать, чтобы до этого не дошло и чтобы милліоны вопіющих фактов заставили, наконец, обратить на себя вниманіе всѣх тѣх, кому народы ввѣряют свою судьбу.

Развѣ не поразительный факт, громко и убѣдительно свидѣтельствующій против большевиков, — милліонная Россійская эмиграція, бѣжавшая за границу от совѣтскаго рая и продолжающая бѣжать от него и до сих пор? Развѣ не поразителен факт, что эта самая эмиграція предпочитает бѣдствовать в Европѣ; гибнуть в лѣсах и болотах Южной Америки; обращаться в промышленных рабов в САСШ, но не допускает и мысли о возвратѣ на родину, пока там существует настоящій порядок? А пять тысяч невозвращенцев в одной только Европѣ! Развѣ это ничего не говорит уму и сердцу иностранных правителей? Развѣ можно представить себѣ что-либо подобное тому, что мы наблюдаем в этом поразительном фактѣ: пять тысяч человѣк совѣтских чиновников, находившихся на государственной службѣ и пользовавшихся извѣстным довѣріем, потому что иначе их не назначили-бы на заграничную службу, отказались от возвращенія на родину и предпочли неизвѣстность эмигрантскаго, в сущности, безправнаго существованія, карьерѣ дипломатов в своей странѣ.

В этих фактах нельзя не видѣть повторенія библейской исторіи исхода евреев из Египта, но то, что происходит сейчас на наших глазах, много трагичнѣе исторіи еврейскаго народа в Египтѣ. Там были жестокіе фараоны, безсовѣстно эксплоатировавшіе своих еврейских подданных, но допускавшіе с их стороны довольно сильное противодѣйствіе, о чем свидѣтельствует Библія. Здѣсь — коллективный вампир — коммунистическій интернаціонал, не признающій никаких географических границ для своих вожделѣній и никаких

прав за своими жертвами. Он стремится подчинить себѣ все человѣчество; ему нужна возможность расправы над всѣми инакомыслящими; полное уничтоженіе культуры и захват всѣх цѣнностей, накопленных націями (см. «Коммунистическій Интернаціонал» за декабрь 1935 г., № 33-34.).

Несомнѣнно, Китай больше всѣх иных держав должен былбы знать сущность и истинную природу своего краснаго сосѣда, как по отторженію Халхи и Синцзяна и памятному конфликту 1929 года, так, наконец, и по образованію на югѣ правительства, по чисто совѣтскому образцу. Все это, к сожалѣнію, ничему не научило гоминдан, который, несомнѣнно обречен пасть жертвой совѣтской интриги в Китаѣ. Не случись событій 18-го сентября 1931 года, Маньчжурія была бы теперь совѣтской провинціей еще в большей степени, чѣм нынѣ Синцзян, ибо желѣзнодорожная магистраль К. В. ж. д., находясь всецѣло в руках коминтерна, без малѣйших препятствій явилась бы базой для разложенія Китая в сѣверной и средней его части. Тѣ событія в Китаѣ, свидѣтелями которых мы являемся в настоящее время, есть ничто иное, как ликвидація совѣтскаго вліянія на гоминдан и самый размах событій, их масштабы, приближающіеся к масштабам большой международной войны, свидѣтельствует о том, насколько глубоко проникло совѣтское вліяніе в правящія сферы Китая, насколько сильно коминтерн подчинил их себѣ.

Сэр Элліот, в бытность его послом Великобританіи в Токіо, в разговорѣ со мною, как-то задал мнѣ вопрос, как я смотрю на возможность коммунизаціи Китая. И когда я высказал мнѣніе, что при существующих условіях считаю успѣх коммунистической пропаганды в Китаѣ не только возможным, но вполнѣ обезпеченным, он, будучи большим знатоком Китая, высказал свои сомнѣнія в правильности моих выводов. Мы встрѣтились с ним снова спустя два года, когда Блюхер и Бородин развернули флаг коминтерна на югѣ Китая и в эту встрѣчу сэр Элліот признался, что теперь он должен констатировать безошибочность моего прогноза об успѣхѣ коммунистическаго движенія в Китаѣ.

При опредѣленіи сущности коммунизма и его мірозых заданій, не слѣдует забывать, что руководители политики краснаго Кремля, так называемое совѣтское правительство, отнюдь не является самодовлѣющей величиной, проводящей самостоятельную политику в интересах управляемой ими страны. Это, прежде всего, лишь слѣпые исполнители воли коминтерна и его закулисным вліяніем объясняется, на мой взгляд, несомнѣнное соучастіе международной дипломатіи и капитала в поддержкѣ совѣтскаго строя, как разрушительнаго аппарата, служащаго цѣлям подчиненія всего міра коминтерну.

В данный момент ответственные руководители китайской политики напоминают мнѣ наших эмигрантских оборонцев, стремящихся в накопленіи сил коминтерна видѣть благо для родины, ради

защиты ея національных интересов. Тогда, как еле дышащая Россія нуждается лишь в оборонѣ от коминтерна, а не от кого либо другого.

Искренность совѣтскаго правительства в отношеніи Китая, была демонстрирована в період переговоров о переуступкѣ прав на С. М. ж. д., бывшую К. В. ж. д. Как извѣстно, продажа дороги была совершена вопреки неоднократным и настойчивым протестам Китая, на которые красная Москва или не отвѣчала вовсе, или завѣряла Нанкин о своей готовности компенсировать его путем активной поддержки в его борьбѣ с Ниппон, к которой гоминдан усиленно начал готовиться послѣ маньчжурских событій 1931 года. Продажа дороги нисколько не испортила отношеній между Нанкинным и Москвой, несмотря на извѣстную маскарадную инсценировку в Суенѣ, продѣланную Чжан Сюе-ляном в отношеніи Чжан Кай-ши. Вывод из всего сказаннаго один — СССР спровоцировал Китай на конфликт с Ниппон, чтобы использовать его в борьбѣ с так называемой ниппонской экспансіей на путях ея континентальной политики. Цѣли ясны и заключаются в том, чтобы за спиной Китая спрятать свое подлинное лицо и руками китайцев начать неизбѣжную борьбу против Ниппон, стоящаго на стражѣ защиты востока Азіи от полнаго порабощенія его красным интернаціоналом. Получается довольно пикантное положеніе: с одной стороны Англія и Франція, стремящіяся столкнуть СССР с Ниппон с тѣм, чтобы силою совѣтских штыков пріостановить укрѣпленіе Ниппон на материкѣ, а с другой — СССР, толкающій Нанкин на конфликт с Ниппон, с тайной надеждой ослабить послѣдній настолько, чтобы имѣть возможность безопасно творить свое злое дѣло коммунизаціи Китая и вовлеченіе его в союз совѣтских республик. К счастью, расчеты СССР в данном случаѣ оказались ошибочными и Ниппон сам начал борьбу с красным вліяніем в Китаѣ, борьбу, которая неминуемо закончится полным изгнаніем коммунизма и коммунистов из Китая.

Буржуазная дипломатія не понимает как будто того, что политика СССР не может быть иной, как стремленіем всюду создавать конфликты и осложненія и, в данном случаѣ, поддерживая китайцев в их настоящем конфликтѣ с Ниппон, она работает на совѣтскую Москву, истиннаго автора и вдохновителя переживаемых нами событій, вѣрнаго своему принципу сталкивать лбами капиталистическія правительства и вести борьбу со своим противником под флагом мѣстных коммунистических и полукоммунистических партій, поддерживая их матеріальными и боевыми средствами и, в качествѣ стратегическаго резерва, своей рабоче-крестьянской красной арміей.

Нам давно извѣстно созданіе коминтерном военных отрядов для дѣйствія под флагом так называемаго «Народнаго фронта» в Маньчжуріи и сѣверном Китаѣ. Этот факт, без сомнѣнія, извѣстен также и политическим дѣятелям Европы и Америки. На кооперація

СССР и других заинтересованных держав в Китаѣ, построена тактика народнаго фронта против Ниппон.

Интернаціональныя части, получившія подготовку и вооруженіе на территоріи СССР, стянуты нынѣ к границам Маньчжурской Имперіи и получили вмѣстѣ с китайской арміей Хунчжуна и монгольской народной арміей общее руководство Штаба ОКДВА. Объединенныя единым командованіем и единой базой снабженія, эти части составляют как бы 2-ую совѣтскую армію коминтерна, которая за спиной своей, в качествѣ резерва, будет имѣть красную армію СССР.

Это настолько ясно, что если бы дипломатія и главные Штабы заинтересованных держав повнимательнѣе присмотрѣлись бы к сущности проводимых СССР планов, они неизбѣжно должны были-бы измѣнить свою тактику, отказавшись от какой бы то ни было кооперації с СССР на Дальнем Востокѣ, и постарались бы удержать Китай от его безсмысленной и безнадежной борьбы с Ниппон.

Позиція, занятая Китаем не без подстрекательства закулисных вліяній, приведет к полной коммунизаціи его масс. Кооперація Китая с совѣтами усиливает их позицію на Дальнем Востокѣ и убивает интересы иностранных держав здѣсь. От этой кооперації выигрывает только СССР, выигрывает не только вслѣдствіе вовлеченія Китая в эту орбиту своего исключительнаго вліянія, но и вслѣдствіе вовлеченія единственной опасной для себя силы — Императорской ниппонской арміи в затяжную борьбу с Китаем, отводя тѣм самым от себя непосредственную угрозу с ея стороны.

Надо отдать должное совѣтской политикѣ: она послѣдовательна в своем стремленіи использовать всѣ возможности для приближенія міра к соціальной катастрофѣ. В то время, как совѣтская дипломатія искусно жонглирует на противорѣчіи международных интересов, сталкивая, по возможности, державы на путях их политики, в вопросах внутренних, обладающій поистинѣ диктаторскими правами Сталин, постоянно мѣняет свою генеральную линію, сбивая с толку своих сотрудников и сметая со своего пути всѣх замѣшкавшихся и нѣ сумѣвших молніеносно приспособиться к новым и новым курсам внутренней политики совѣтов.

Эта политика, вообще, характеризуется тѣм, что для достиженія поставленных цѣлей считаются допустимыми всякіе пути. Поэтому, когда интересы міровой революціи, конечной и неизмѣнной цѣли всей совѣтской политики, потребовали нѣкотораго сближенія власти с населеніем и, главное, арміей, правящая партія легко отказалась от одного из основных положеній соціализма — об отказѣ пролетаріата от чувства любви к родинѣ и тысячи казенных пропагандистов получили заданіе подогрѣть національныя чувства народа и арміи и их готовность к защитѣ родины, за одно слово о которой, не так давно, людей ставили к стѣнкѣ. Когда же результаты этой кампаніи оказались настолько сильными и актуальными, что вселили нѣкоторую

Русская Публичная
199
БИБЛІОТЕКА

тревогу в сердца ея авторов, наиболѣе зараженные націоналистическим ядом элементы были постепенно выявлены и изъяты из обращенія. Тѣм не менѣе, раз разбуженный націонализм оказалось не так легко подавить и призыв любви к родинѣ нашел настолько сильный отклик в сердцах народа, что явилась настоятельная необходимость во чтобы то ни стало скрыть от за границы противокоммунистическія настроенія среди народа и красной арміи. Обнаруженіе такого факта грозило подорвать довѣріе за границы к красному Кремлю и лишало его возможности производить эффект бряцаніем оружія красной арміи на страх сосѣдям. В поисках выходов из положенія, была придумана троцкистская оппозиція и с тѣх пор всѣ политическіе процессы в СССР проходят под маркой троцкизма. Фактически, никакого троцкизма в СССР нѣт; нѣт и не может быть такого вліянія Троцкаго, которое угрожало бы самому существованію совѣтской системы. Для русскаго народа Троцкій такой же душегуб, как и Сталин, и Ленин, и Каганович и всѣ остальные вожди и лидеры. И в борьбѣ с коммунизмом, русскій народ, конечно, ставки на Троцкаго не сдѣлает. Но троцкизм необходим для объясненія многочисленных процессов всякаго рода вредителей и диверсантов и проводить их в видѣ коммунистической оппозиціи коммунистическому же режиму оказалось благопристойнѣе, нежели на двадцатом году существованія власти расписываться в полной несостоятельности коммунистическаго перевоспитанія народа и в наличіи результатов, обратных тому, к чему стремился коминтерн. Хотя, надо сказать, что в полной мѣрѣ скрыть того, что происходит в СССР не удалось. Всѣ свидѣтели единогласно подтверждают, что такого шовинизма, граничащаго с прямой ксенофобіей и іудофобства, которыя наблюдаются сейчас в Россіи, никогда ранѣе не проявлялось.

Характерно также то, что пристегивая имя Троцкаго ко всѣм процессам послѣдняго времени, коминтерн, как бы отвлекает общественное вниманіе от его разрушительной работы за границей, направленной в конечном итогѣ к торжеству той же міровой революціи и захвату власти коммунистами, выставляя его своим принципіальным противником и заклятым врагом.

Итак, политика коминтерна, как внѣшняя, так и внутренняя, направлена на созданіе всевозможных затрудненій вездѣ, куда удалось проникнуть его агентам, во имя конечнаго торжества коммунизма и захвата власти над народами всего міра. Совершенно естественно, что в этом своем стремленіи, коминтерн не мог пройти мимо такого удобнаго для себя и для своих цѣлей учрежденія, как Лига Націй, используя ее в качествѣ бродильнаго фермента для провоцированія новой міровой войны.

Созданная в результатѣ имперіалистических агрессивных стремленіи Антанты, Лига Націй, в полной мѣрѣ удовлетворила вожделѣнія своих авторов по захвату территорій и всякаго рода экономиче-

ских привилегій. Она принудила державы признать захватническія права побѣдителей, зафиксированныя Версальским миром, игнорируя совершенно всякую, даже элементарную, справедливость. В результатѣ она раздѣлила мір на два лагеря: обидчиков и обиженных и она направила обиженных на путь самостоятельных поисков справедливости. Их національная гордость была унижена; самолюбіе растоптано побѣдителями. Им осталось только внѣшне смириться и мечтать о реваншѣ, который рано или поздно будет дан.

Коминтерн, конечно, в полной мѣрѣ учел противорѣчія интересов держав и красная Москва вошла в Лигу Націй, используя ея трибуну для искуснаго углубленія раздоров, в надеждѣ довести державы до вооруженнаго конфликта между собою.

Для достиженія этих цѣлей используются всѣ данныя, могущія вызвать недовольства обиженных и их стремленіе к возстановленію справедливости. Даже претензіи держав, развивавшихся позже других и потому запоздавших к дѣлежу колоніальных владѣній между европейскими странами, служит предлогом для возбужденія однѣх стран против других. Это — особенно благопріятная почва для разлагающей работы коминтерна, потому что пока существует мір, будет существовать соревнованіе и конкуренція во всѣх областях жизни человѣчества, начиная с коммерціи и кончая спортом. Соревнованіе на первенство в области спорта и на превалирующее положеніе в экономикѣ всегда служили самыми актуальными двигателями в стремленіи націй к улучшенію их положенія и облегченію путей к міровому господству. Такова природа и не только человѣчества, но и всего живущаго на землѣ.

Авангарды главных сил грядущаго столкновенія націй, купцы, уже бьются за рынки, вызывая свои подкрѣпленія, ввидѣ таможенных рогаток для конкурирующих с ними стран. Развивая свой успѣх, силы, берущія верх в этой борьбѣ, привлекают к ней авторитет власти своей страны, чтобы закрѣпить достигнутые успѣхи силою международных соглашеній и договоров. Их противники также взывают к помощи правительства, заставляя его вмѣшаться в борьбу и взять на себя защиту интересов торговаго класса своей страны. На сцену выступает дипломатія и высокая политика и, в случаѣ их безпомощности, рѣшеніе вопроса передается силѣ штыка. Но штык своим бременем одинаково давит и на побѣдителя и на побѣжденнаго.

Тѣ державы, кои в силу своевременно сложившихся благопріятных обстоятельств обезпечили себя и территоріей и колоніями, нынѣ упрекают своих малоземельных сосѣдей, виновных лишь в том, что им негдѣ размѣстить прирост населенія, в алчности, в непомѣрной агрессіи, в стремленіи нарушить мир в мірѣ и т. д., забывая, что всѣ эти доводы и упреки совершенно неубѣдительны, когда на сцену вы-

ступает проблема переизбытка населенія, которую нужно разрѣшить во чтобы то ни стало.

В этих вопросах нѣт ни правых, ни виноватых. Одни успѣли сдѣлать захваты раньше, а другіе дѣлают их теперь. Разрѣшеніе этого очередного вопроса дня заключается в неизбѣжности полнаго переустройства міра. Необходима интернаціонализація экономической и финансовой системы міра. Нужно не соціалистическое уравненіе, о котором кричат большевики, и которое совершенно утопично, а національное уравненіе возможностей. Соціальное равенство, конечно, относительное, может придти лишь послѣ умиротворенія всѣх народов міра, путем справедливаго удовлетворенія их насущнѣйших нужд и стремленій.

13.

ГДѢ-ЖЕ ВЫХОД?

Теорія соціальных ученій. Классовая борьба. Демократія и государственность. Опыт Россійской революціи. Диктатура. Партійность. Благо государства. Фашизм и націонализм. Форма государственнаго правленія. Парламентаризм и предвыборныя злоупотребленія. Обязанности граждан перед государством. Особенности Россійскаго государства. Основная идеологія Россійской государственности. Россизм как антипод коммунизма. Идеологія и принципы Россизма. Заключеніе.

Теоріи соціальных ученій являются большим тормозом на пути установленія международнаго равенства, ибо наличіе их и увлеченіе ими отвлекает вниманіе творческих сил страны от основной задачи, как каждой націи, так и всего человѣчества, от идеи необходимости установленія международнаго сотрудничества на принципах извѣстной справедливости. Увлеченіе соціальными теоріями может дать лишь нѣкоторый шанс на сглаживаніе заостряющихся углов международных взаимоотношеній, иногда вызывающих даже вооруженные конфликты по недостаточным к тому причинам. Несомнѣнно, что пока мір существует, невозможно абсолютно избѣжать вооруженных столкновеній между націями, но стремиться к сокращенію их является долгом культурнаго человѣчества, ради его процвѣтанія и всемѣрнаго благополучія.

Существовавшіе и нынѣ существующіе поборники борьбы классов за соціальное равенство, являются несомнѣнно крайне вредными элементами общества, в силу тѣх причин, что они направляют его на внутринаціональную борьбу, отодвигая идею международнаго сотрудничества на задній план и даже совершенно затемняя ее. Вся тактика соціалистов ведет к раздробленію національных сил каждой страны, лишая их возможности стать на путь солидаризма единым

національным фронтом. Каждый народ в своей странѣ вправѣ и обязан единым стремленіем служить прогрессу цивилизаціи, имѣя каждый свое мѣсто в своем національном фронтѣ. Каждая нація обязана понять, что теорія классовой борьбы направлена к стремленію подготовить конечное торжество коммунистическаго интернаціонала, и ея пути враждебны идеѣ націи и идеѣ международной (относительной) солидарности. Отсюда слѣдует, что эти пути ведут человѣчество к умноженію возможностей вооруженных конфликтов в мірѣ. Только заблужденіе современных государственных дѣятелей руководящих политикой разных стран, могло допустить смѣшеніе понятій «демократія» и «безклассовое общество» и даже отождествленіе их.

Демократія, в лучшем смыслѣ этого слова, должна пониматься, как превалирующая масса каждой націи. Безклассовое-же общество является противоположностью этого понятія, ибо оно прилагается лишь к коммунистическому устройству общества, т. е. служит для обозначенія лишь извѣстной группы населенія, т. е. партіи, а не всей, или большинства націи.

Совершенно очевидно, что проводимый соціалистами путь устройства общества, в болѣе или менѣе сильно развитой степени, имѣется уже во всѣх странах, с той лишь разницей, что демократическія правительства осуществляют принципы соціализма по мѣрѣ их цѣлесообразности, создавая под своим контролем учрежденія так называемаго общественнаго пользованія, к каковым относятся почта, лечебныя заведенія и пр.; соціалисты-же стремятся к насильственному отобранію в свою пользу права принудительно переустраивать общественно-соціальную жизнь страны, не останавливаясь перед разрушеніем основ цивилизаціи, как продукта многих вѣков человѣческих достиженій. Соціалистическія теоріи противорѣчат цѣлям, преслѣдуемым ими: проповѣдуя равенство требованій, независимо от равенства возможностей, они уничтожают свободу конкуренціи и соревнованіе. При таком положеніи уничтожается всякій стимул для творческой дѣятельности, ибо умѣніе и способности уравниваются с бездарностью и лѣнью. Теорія соціальнаго равенства, без поправки на особую оцѣнку личных способностей членов общества, при равных для всѣх возможностях, явится причиной непомѣрнаго усиленія паразитирующаго элемента, которое несомнѣнно приведет общество к краху, если оно будет попустительствовать лѣни и бездарности. Значит, необходим аппарат принужденія, т. е. та же система, что является общепринятой в настоящее время во всѣх странах. Спрашивается, чего ради вести борьбу? Ради самой борьбы, развѣ.

Еще болѣе несуразная неувязка в системѣ и тактикѣ соціалистов почти всѣх оттѣнков заключается в требованіи ими свободы лишь одного класса, цѣною удушенія других. В этом можно усмотрѣть ничѣм неприкрытое стремленіе к власти во чтобы то ни стало,

а никак не желаніе переустроить общество на лучших и болѣе справедливых основаніях.

Опыт Россійской революціи показал цѣнность соціалистических теорій в их приложеніи к жизни. Соціалистическое государство, оказывается, представляет собою осуществленіе в странѣ дикаго произвола узко-партійной диктатуры во имя достиженія чисто марксистскаго устройства общества. Я — не против диктатуры в рѣшительные моменты жизни націй, но никак не могу понять, какія преимущества получила наша родина, смѣнив самодержавную власть Монарха на полный произвол кучки политических проходимцев и международных авантюристов, представляющих собою ядро правящей партіи.

Постоянно высказывая свое отрицательное отношеніе к пользѣ и необходимости существованія политических партій, я высказываю мнѣніе большинства здравомыслящих и политически грамотных людей, которые почему-то это свое мнѣніе держат про себя, предпочитая не дѣлиться им с окружающими. Это мое твердое убѣжденіе и я считаю, что каждый отдѣльный, лойяльный к интересам своей родины, гражданин, также, как и группа таких граждан, имѣют ввиду своей дѣятельностью принести максимум пользы родной странѣ и своему народу. Другого, болѣе возвышеннаго идеала в жизни нѣт и не должно быть. Интересы государства в цѣлом должны являться цѣлью стремленія каждаго лойяльнаго гражданина, а тѣм болѣе лиц, призванных их блюсти. Пониманіе своего долга перед государством должно стоять выше понятія о благѣ партіи. Не было и не будет положенія, при котором интересы меньшинства, навязывающаго свою волю всей массѣ населенія, считалось бы нормальным и правильным, за исключеніем, конечно, союза ССР.

И на примѣрѣ СССР мы видим, что такое положеніе неизбѣжно вызывает осложненія и борьбу, идущія в ущерб интересам государства, ослабляющія его мощь, международное значеніе и экономическое благополучіе. Необходимо, и это вполнѣ осуществимо, чтобы система государственнаго управленія была построена на основѣ цѣлесообразности и общей выгоды. Тогда и власть, проводящая политику соблюденія общих интересов, будет популярна, или во всяком случаѣ, при возможных неудовольствіях не будет так остро ненавидима, как мы видим на примѣрѣ СССР. Никакіе эксперименты партійных фантазеров не могут быть допущены в интересах государства, если проведеніе их в жизнь не дает абсолютной гарантіи в их выгодности для страны.

Самое понятіе о партіи содержит в себѣ представленіе о расчлененіи граждан на группы во имя отстаиванія собственных стремленій и интересов, может быть, в ущерб интересам всей страны в цѣлом. Я никак не могу примириться с этим и всегда считал и продолжаю считать, что стремленіе к торжеству интересов какой-то группы

граждан, объединенных общностью политическихъ взглядовъ, при полномъ, или даже частичномъ забвеніи интересовъ остальныхъ группъ населенія и всей страны в цѣлом, является тяжкимъ преступленіемъ противъ государства и противъ родного народа. В конечномъ итогѣ, это стремленіе имѣетъ цѣлью свои личныя, эгоистическія выгоды и в правильно организованномъ государствѣ не должно имѣть мѣста вовсе.

Понятіе о благѣ государства не должно разбивать его граждан на рядъ независимыхъ, зачастую враждебныхъ другъ другу группировокъ. Польза или ущемленіе общегосударственныхъ интересовъ, понятія достаточно опредѣленныя для того, чтобы не вызывать подчасъ непримиримыхъ толкованій и раздѣленія общества на враждебныя и взаимно конкурирующія партіи.

Какъ будто это положеніе опровергается тѣмъ, что Италія, а вслѣдъ за ней и Германія, пришли к своему національному возрожденію только путем осуществленія партійныхъ программъ. Это совсѣмъ невѣрно, потому что общеизвѣстенъ фактъ, что какъ Муссолини, такъ и Гитлеръ пришли к власти не революціоннымъ путемъ, а были выдвинуты на свои посты абсолютнымъ большинствомъ націй. При данныхъ условіяхъ, разговоръ о власти партійной совершенно неумѣстенъ, потому что, когда нація объединена одним стимуломъ — выйти на путь своего благополучія, она не является партіей, а единымъ національнымъ фронтомъ, базисомъ государственнаго благополучія. Недаромъ Муссолини какъ-то обмолвился, что фашизмъ — не для экспорта. Этимъ онъ подчеркнулъ, что фашистская доктрина имѣетъ в основѣ своей чисто національное, специфически итальянское движеніе и можетъ быть свойственна только итальянцамъ. Принимая, однако, во вниманіе существующую между различными націями нѣкоторую общность интересовъ, несомнѣнно полезно использовать фашизмъ хотя-бы в измѣненномъ видѣ и другимъ странамъ, организмъ которыхъ требуетъ нѣкотораго обновленія и укрѣпляющихъ средствъ на пути ихъ нормальнаго развитія. Это уже не будетъ фашизмомъ, какъ таковымъ, ибо перенесенный на чуждую почву, онъ измѣняетъ свои формы, будучи приспособленъ к національнымъ особенностямъ заимствующей его націи. Національ-соціалистическіе принципы Германіи сегодняшняго дня, имѣютъ нѣкоторое сходство с итальянскимъ фашизмомъ, но лишь только в конечныхъ цѣляхъ ихъ стремленій, глубоко отличаясь отъ него, какъ в сути ихъ тактики, такъ и в основахъ государственнаго устройства, которыя в корнѣ различны в обѣихъ странахъ.

Послѣднее обстоятельство весьма важно усвоить намъ, русскимъ, много отдающимъ энергіи и времени спорамъ о будущемъ государственномъ устройствѣ національной Россіи. Вопросъ о формѣ строя в основѣ государственныхъ интересовъ, в первой стадіи ликвидаціи совѣтскаго режима, по крайней мѣрѣ, рѣшительно никакого значенія не имѣетъ. Какъ различныя виды монархіи, такъ и всѣ виды республики

имѣют свои достоинства и недостатки. Идейность національно мыслящих людей не должна заключаться в чисто академическом вопросѣ о формѣ строя, а должна выражать стремленіе к національному возрожденію и багополучію своего народа. Необходимо только помнить, что политическая партійность и стремленіе подвести всѣх под одну мѣрку, утвержденнаго партіей образца, всегда была, есть и будет вредоносной бациллой в здоровом тѣлѣ всякаго государства. Разсадником взращиванія этой вредоносной бациллы разложенія, обычно, является парламентаризм, тот парламентаризм, который принят в большинствѣ так называемых демократических государств и который не узаконил фактическое участіе народа в управленіи страной через своих выборных представителей, как должно было-бы быть, а стал орудіем борьбы и противодѣйствія со стороны крайних элементов проведенію в жизнь реформ полезных государству в цѣлях его нормальнаго развитія и совершенствованія.

Парламентаризм и партійность служили и служат могучим стимулом для политической борьбы не только между различными партіями, входящими в парламент, но и против самой власти. Если учесть обычно ведущуюся предвыборную кампанію с продажей и куплей голосов и подкупов кандидатов, то всякому станет ясно, что система парламентаризма и принятыя до сих пор условія существованія политических партій в странѣ, служат лишь причиной нарушенія спокойствія, иногда даже приводящей к сверженію существующаго режима и к захвату власти аморальным элементом, которому эта власть нужна исключительно в личных цѣлях и во вред интересам всего остального населенія.

Нерѣдко можно видѣть теперь, и исторія также дает немало случаев, когда правительство чужой страны бросает немало денег на проведеніе предвыборной кампаніи в другой странѣ в пользу нужнаго кандидата для проведенія нужных политических мѣр. Такіе методы пропаганды, обычно, проводятся через партійные аппараты той или другой партіи.

Исторія не знает и не будет знать такого положенія, когда-бы вся масса населенія входила в одну какую-либо партію. Масса, обычно, остается без подлиннаго представителя ея интересов в государственных учрежденіях, ибо она, как правило, не имѣет нужных средств для проведенія своего кандидата.

Государственное управленіе страной, в смыслѣ своего моральнаго авторитета, должно уподобляться храму, в котором не может быть мѣста ни личным, ни партійным интересам. Если безпристрастно опредѣлить роль и значеніе любой политической партіи в странѣ, то никто не может отрицать роль всякой партіи, как орудія в руках отдѣльных личностей и групп, но не представляемаго ею населенія, под вывѣской котораго партія только проводит своих кандидатов.

Существованіе политическихъ партій такъ же нелѣпо, какъ узаконенное существованіе партизанскихъ отрядовъ въ странѣ для воздѣйствія на правительство ея въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи. Партизаны противодѣйствуютъ правительству силою оружія, политическія партіи — силою печатнаго слова и агитаціи. В обоихъ случаяхъ создается развалъ и безпорядокъ, в обоихъ случаяхъ забывается, что правительство существуетъ для поддержанія порядка и охраны интересовъ всего народа, но не для борьбы с нимъ, исключая, конечно, случаевъ захвата власти кѣмъ-либо явно во вредъ населенію данной страны, какъ, напримѣръ, теперь в СССР.

Необходимо найти такую формулу, государственно обязательную для всего населенія страны, чтобы подобно воинской повинности, существовала-бы и политическая повинность, могущая создать в странѣ единую политическую армію, цѣли которой должны быть направлены на благо всего населенія.

Все населеніе страны, независимо от структуры ея государственнаго устройства, должно осознать общность долга перед родиной и защищать права своего класса, или народности, в рамках общегосударственныхъ интересовъ.

Останавливаясь на необходимости правильной оцѣнки положенія Россіи, как страны с многообразным племеннымъ составомъ и даже с расово различнымъ населеніемъ, нужно признать, что до сихъ поръ существовавшія и зародившіяся вновь политическія доктрины — фашизм в Италіи и національ-соціализм в Германіи, не подлежатъ копировкѣ, ибо в цѣломъ ни то, ни другое в отношеніи Россіи неприменимо. Мы можем и должны взять от них лишь то, что полезно, но ни в коем случаѣ не должны слѣпо подражать иностраннымъ образцам, чтобы не повторять нашихъ ошибок в прошлом.

Фашизм геніально придуманъ, но только для Италіи с ея однообразнымъ, в отношеніи племеннымъ и расовомъ, населеніемъ. То же можно сказать и про національ соціализм Германіи.

Обѣ системы не отказались отдать дань парламентаризму, ибо без этого, очевидно, онѣ не были-бы пріемлемы для масс. Но ясно, что, когда народы Германіи и Италіи оказались слиты своими вождями в единый монолит, партійный режим стал не нуженъ и в обѣихъ странах говорят теперь о волѣ народа, а не о волѣ партіи, как в СССР.

Вѣдь, не случайно Гитлер назвалъ свое движеніе «національ-соціализмом», а не «фашизмом» и этим его рѣшеніем, навѣрное, руководило глубокое пониманіе психологіи своего народа его вождем. В Германіи, как нигдѣ, соціалистическія симпатіи сильно развиты среди рабочих и она, будучи страной фабрично-промышленнаго характера, представляет собою большую массу организованной рабочей арміи, по преимуществу.

Что касается Италіи, то это страна крупнаго землевладѣнія и

мелких арендаторов и сельско-хозяйственных рабочих; в соотвѣтствіи с этим, Муссолини повел ее путем нѣсколько отличным от пути Гитлера и это вполнѣ понятно, так как пути фабричной Германіи не могут совпасть с путями земледѣльческой Италіи.

Россія, по природѣ своей, совершенно не подходит ни под трафарет фашистской Италіи, ни под мѣрку національ-соціалистической Германіи. Россія разноплеменна и расово различна в составѣ своего населенія. В будущем она станет, по преимуществу, крестьянской страной, т. е., страной мелкаго земельнаго собственника. Индустріальное развитіе Россіи, даже в тѣх гипертрофированных формах, кои приданы ему совѣтским правительством, при нормальных условіях, не будет служить в ущерб ея естественному тяготѣнію к землѣ, как в силу больших земельных запасов, так и в силу психологіи народа землероба и скотовода.

Основная идеологія новой Россійской государственности должна сочетать в себѣ узаконенность расово-племенного объединенія всѣх народов, входящих в состав государства. Всѣ эти народы должны имѣть общій источник равных прав и обязанностей, одинаково формулированных для всѣх составных элементов страны, независимо от их расоваго или племенного различія.

Россія для молодого поколѣнія должна разсматриваться, как университет, включающій в своих стѣнах всѣх жаждущих знанія, без всяких ограниченій. Для старшаго поколѣнія она должна являть собою поле дѣятельности в примѣненіи пріобрѣтенных знаній, как каждой народности у себя дома, на своей территоріи, так и на общественно государственных путях дѣятельности и служенія одному и тому-же Россійскому государству.

Для ясности сознанія долга перед общим отечеством — Россіей, должна быть найдена общая, психологически объединяющая формула, какой и послужит «Россизм», от слова «Россія». При этом нужно различать значеніе слов «русскій» и «россійскій». В то время, как значеніе перваго относится к чисто племенному порядку, второе слово относится к порядку географическому, территоріальному, обозначающему принадлежность к одному и тому-же государству, являющемуся союзом народов Россіи под эгидой единой Верховной власти.

Россизм по идеѣ противополагается коммунизму. Всѣ, кто не пріемлет коммунизма, кто не является интернаціоналистом, для кого больно уничтоженіе священнаго для каждаго россійскаго патріота имени «Россія», должны силою факта принадлежности своей к гражданам Россійскаго государства, именоваться «Россистами».

Россизм, в одно и то же время, опредѣляя принадлежность к сынам Россіи, не стирает расовых и племенных граней между ея народами, за коими признает право на національно-культурную и

территоріальную автономію на принципах, хотя бы казачьих самоуправленій, существовавших в до-революціонной Россіи.

Россизм, как государственная доктрина, спаивает и объединяет в себѣ всѣ автономныя части населенія Россіи в единое государственное цѣлое, под единой верховной Россійской властью.

Россизм обосновывает программу государственнаго строительства на полном учетѣ исторически-бытовых условій отдѣльных народностей Россіи, в соотвѣтствіи с экономическими и соціальными отношеніями в странѣ.

Россизм признает права религіозной, личной и идеологической свободы, в соотвѣтствіи с долгом ненарушенія государственных интересов страны ея гражданами.

Россизм признает в неограниченном объемѣ право частной собственности каждаго гражданина, вносящаго пропорціонально прогрессивные налоги в обще-государственную казну.

Россизм — это формула, опредѣляющая принадлежность человѣка к Россійскому государству, а посему он не может быть отрицаем или не признаваем, пока данное лицо является гражданином Россійскаго государства, так же, как лицо принадлежащее к какой-нибудь расѣ, не может отрицать этой своей принадлежности именно к этой расѣ.

Россизм допускает существованіе политических партій в государствѣ, но в рамках строгой законности.

Россизм преслѣдует полное уничтоженіе коммунизма.

Вышеизложенные принципы Россизма исчерпывают его идею в схемѣ. Что касается деталей будущаго государственнаго устройства страны, особенно в области аграрной, экономической и соціальной, то таковыя подлежат разработкѣ и утвержденію полномочными представителями всѣх народностей Россіи, в соотвѣтствіи с фактическим положеніем в освобожденной от большевиков родинѣ нашей.

В заключеніе, я должен еще указать, что для Россіи, с ея разноплеменным населеніем, исповѣдывающим самыя разнообразныя религіи, особенно важно поставить на правильный путь вопрос «вѣры». Нужно прежде всего воспитывать в обществѣ уваженіе ко всякой не изувѣрской религіи, основав его на взаимно-этических началах, заложенных в основаніе каждой религіи. Роль церкви в государствѣ чрезвычайно велика, поэтому церковь должна пользоваться полным покровительством власти в тѣх случаях, когда она в этом покровительствѣ будет нуждаться. Авторитет церкви должен стоять выше всякаго земного авторитета. Всякая церковь должна разсматриваться, как начало, содѣйствующее процвѣтанію своей страны, путем соотвѣтствующаго вліянія на паству, которую она обязана вести путями, полезными для государства, цементируя ее крѣпкими основами морали и долга. В своей основѣ религіозный вопрос дол-

жен быть построен на полной религіозной свободѣ каждаго человѣка, вѣрующаго в Бога.

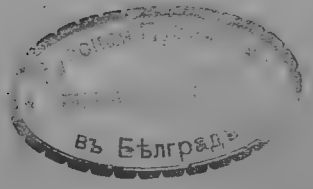
Давно уже, в самом началѣ своей борьбы, я призывал служителей церкви примкнуть к движенію против большевиков, начатому мною, считая, что коммунистическая доктрина, направленная против основных принципов настоящаго устройства міра, требует объединенія и союза всѣх сил для борьбы с нею.

В февралѣ мѣсяцѣ 1926 года, когда обозначились первые признаки организованнаго, гоненія на религіозныя идеи в СССР, я обратился с призывом к духовенству всѣх религій міра, обращая вниманіе его на то, что наступает пора, когда грозная опасность настоятельно требует прекращенія междурелигіозной борьбы и объединенія фронта против воинствующаго коммунистическаго атеизма. К сожалѣнію, из этого не вышло ничего, кромѣ обмѣна письмами и нѣкоторых знаков вниманія, полученных мною в отвѣт на мое обращеніе. В отношеніи-же нѣкоторых церквей, я должен, с сожалѣніем констатировать, что онѣ предпочли использовать тяжелое положеніе православія для того, чтобы вмѣсто дружественной и искренней поддержки ему, обратить всѣ свои старанія для привлеченія в свое лоно наименѣе устойчивых сынов поруганной и очистившейся небывалыми страданіями православной церкви.

Итак, закончу на том, что до сего времени большевики преуспѣвали в своем стремленіи овладѣть міром и установить совѣтскую систему в планетарном масштабѣ, главным образом, вслѣдствіе несогласованности противодѣйствія, оказываемаго им. Бѣлое движеніе погибло в значительной степени из-за интриг союзников; дипломатія всѣх почти стран создала из совѣтов какое то пугало, котораго всѣ боятся и даже в религіозном вопросѣ, большевики не встрѣтили такого сопротивленія, какого они сами ожидали.

Все это указывает на то, что правящіе классы до сего времени ослѣплены жадностью и стараются использовать несчастье Россіи в свою пользу. Но Россія уже изживает испытаніе, посланное ей судьбою; великій народ воскреснет и оправится от пережитых страданій. Мы вѣрим в скорое возрожденіе нашей родины и в этой вѣрѣ наша сила и наше оправданіе.

К О Н Е Ц.



ПРИЛОЖЕНІЯ.

Народная Публичная
въ Бѣлградѣ

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

Выдержки из „Плана міровой борьбы с большевизмом", выработаннаго генерал-лейтенантом атаманом Г. М. Семеновым в 1921 г.

Большевики, наконец, послѣ трехлѣтней борьбы, овладѣли всей Россіей. Оставшійся, повидимому и внѣшне не занятый ими клочек русской территоріи — Приморская область — находится под фактическим их вліяніем. Вся мощь многомилліоннаго русскаго народа и, всѣ богатства Россіи находятся в их распоряженіи и будут употреблены ими для достиженія единственной цѣли, вызвавшей их к жизни — міровой пролетарской революціи и диктатуры пролетаріата во всѣх странах міра.

Чтобы представить себѣ только всю силу совѣтской власти и колоссальную міровую опасность большевизма, крайне необходимо разсмотрѣть всѣ условія, в которых она существует к настоящему моменту в Россіи, причем разсматривать их будем, хотя бы только с цѣлью освѣтить состояніе созданнаго большевиками в Россіи аппарата, при помощи котораго они надѣются достигнуть вышеуказанной своей цѣли.

Несомнѣнно, теперь, что всю Россію они разсматривают лишь как базу для существованія и питанія этого аппарата, а вся трехлѣтняя борьба с русскими націоналистами и помогавшими им иностранными державами, стѣснявшими до сих пор свободу дѣйствій большевиков, была лишь борьбой за сохраненіе этого аппарата и его почвы — народа и территоріи Россіи.

Этот аппарат состоит из двух элементов: 1) Министерства пропаганды идей большевизма по всему міру (называется «Народный комиссаріат по Иностранным Дѣлам») и 2) красной арміи, как активнаго средства пропаганды и как защиты базы, откуда эта пропаганда ведется.

Внутри Россіи большевиками выполняется теперь лишь чисто техническая задача: использованіе наилучшим способом Россіи, т. е. народа, территоріи и естественных богатств ея, как почвы максимальнаго питанія указаннаго аппарата и принятіе мѣр к тому, чтобы не создалось условій, при которых самая власть, управляющая аппаратом, могла быть быстро опрокинутой и замѣненной другой.

Россія, как страна, имѣет всѣ элементы для самостоятельнаго существованія, т. е. хлѣб и др. пищевые продукты, вещества для вы-

дѣлки одежды и обуви, топливо и минералы для всѣх существующих в мірѣ видов промышленности. Запас живой силы в Россіи, т. е. численность русскаго народа, который в поставленной себѣ большевиками задачѣ разсматривается, как орудіе для ея выполненія, также громаден.

Слѣдовательно, и живая сила и матеріальная часть аппарата міровой революціи могут из Россіи черпаться в огромных размѣрах, причем для добыванія их не требуется особо усовершенствованных пріемов, а и то и другое добывается хищническим путем, как это бывает, напримѣр, при разработкѣ особо богатой залежи какого-нибудь минерала. Если при этом то и другое гибнет в громадных размѣрах, большевики с этим не считаются, запас есть, а выходы покрывают необходимую потребность. Поэтому вся система власти в Россіи построена большевиками не для управленія страной и народом, а для обслуживанія потребностей арміи и правительства, с его органом міровой пропаганды. Сама Россія по своей отсталости давно признана Лениным непригодной для насажденія соціализма и в ней соціалистическіе опыты оставлены, как ослабляющіе мощь аппарата. С этой точки зрѣнія становится совершенно понятной конструкція власти в Россіи и пріемы, употребляемые этой властью при управленіи.

Во главѣ правительства находится группа лиц, принадлежащих к красному интернаціоналу и составляющих главных его лидеров. Это — Ленин, Троцкій, Зиновьев, Бухарин, Каменев, Чичерин и др. Эта, небольшая сравнительно, группа спаяна неразрывно, имѣет одну цѣль, одинаковое прошлое и одинаковое будущее — позорную гибель на пути к достиженію своей необъятной, по размѣрам злодѣйства, цѣли. На почвѣ такой тѣсной круговой поруки и совмѣстной работы, они представляют собою ядро с одним лицом и единой желѣзной волей. Под ними находится правительство в видѣ нормальнаго бюрократическаго аппарата, в котором дисциплина тѣм сильнѣе, чѣм опаснѣе положеніе ядра возглавляющаго правительство.

Имѣется парламент в видѣ съѣзда совѣтов «рабочих и крестьянских» депутатов и его постояннаго органа — Центральнаго Исполнительнаго Комитета. Парламент созывается исключительно из членов своей партіи, т. е. фактически агентов власти, и созыв его служит внутри государства для цѣлей взаимной информаціи и связи между агентами на мѣстах и центром, а внѣ государства, как средство пропаганды, т. к. голос этого парламента рабов власти выдается за голос всѣх крестьян Россіи ложно называемых «пролетаріатом». Власти правительства никакого стѣсненія в ея исполнительных и законодательных функціях этот парламент не составляет.

За парламентом находится коммунистическая партія, которая по своим привилегіям в современной Россіи должна быть приравне-

на к древним аристократическим кастам, а по внутренней дисциплинѣ своей, поддерживаемой жесточайшими мѣрами, представляет собой послушное орудіе в руках верховной власти.

Красная армія есть обычным порядком построенная вооруженная сила, причем массу ея составляют насильственно мобилизованные красноармейцы, а остов — карательную и устрашающую силу — коммунистическія части, большею частью наемные иностраннаго происхожденія — мадьяры, китайцы, латыши и т. д., коммунистическія ячейки и институт политических комиссаров во всѣх частях войск. Воздѣйствіе на красноармейскую массу в видѣ мѣр жесточайшаго порядка всегда в руках власти, и дисциплина поддерживается образцовая.

Для удержанія в повиновеніи самой страны приняты мѣры упрощеннаго порядка и болѣе сложнаго. К первым относятся: обезпеченіе государства от неспокойнаго элемента, способнаго к организаціи и управленію народными возстаніями, что достигнуто почти полным уничтоженіем интеллигенціи и офицерства. Ко вторым — созданіе: а) «чрезвычаек», политическаго шпіонажа в учрежденіях, войсках, населеніи и даже в семьѣ, б) «внутренней охраны» замѣняющей собой жандармерію и институт стражников прежняго времени, а также полное подавленіе печати, за исключеніем инструктируемой из коммунистическаго центра.

Забота о продовольствіи и иных земных благах простирается только на правительство и красную армію, населеніе же разсматривается, как почва, откуда эти блага добываются и в отношеніи своих жизненных потребностей предоставлено самому себѣ.

Организація труда населенія производится правительством исключительно принудительным порядком и преслѣдует ту же цѣль — питаніе аппарата, — т. к. все, что у кого бы то ни было оказывается налицо, всегда может составить предмет реквизиціи, а по мѣрѣ надобности, и составляет.

Голодное, истощенное до крайности, развращенное, загипнотизированное пропагандой, уничтожаемое массами всякими болѣзнями, раздробленное, благодаря шпіонажу, запутанное террором, лишенное образованнаго класса, погибшаго в борьбѣ, оставившаго отечество, или поступившаго в правительство, и потому неспособное к организаціи и сопротивленію, населеніе, религія котораго, единственное утѣшеніе несчастных, затоптана и заплевана и, рядом, сравнительно, обезпеченная, управляемая единой волей и дисциплинированная правящая каста, безпринципная, не выбирающая средств, безответственная и красная армія — составляют стройную систему, на которой математически разсчитанная покоится совѣтская власть Краснаго Интернаціонала.

Все это создано не зря, не случайно, не в порядкѣ стихійнаго движенія народа, как проходящее явленіе, которое сама сила наро-

да в поступательном стремленіи революціи перемѣнит, вольет в другія формы. Нѣт. С самаго начала революціи одна и та же рука, одна и та же воля, с сатанинским умѣньем, с непреклонным упорством направляла и использовала движеніе народа, стремясь к достиженію цѣли, ничего ни с русским народом, ни с его историческими задачами, ни с заданіями революціи не имѣющая. Теперешнее достиженіе совѣтской власти не есть достиженіе внутри Россіи, а есть этап на пути творенія міровой революціи, с этим путем не разстанется Красный Интернаціонал, пока существует его власть, а существованіе его власти возможно только при сохраненіи РОССІИ в состояніи полнаго порабощенія.

Какой же эволюціи ждать от совѣтской власти с распространеніем ея на всю Россію?

Національная революціонная власть, добившись господства в заботах об устроеніи родной страны естественно начнет эволюціонировать, переходя к нормальным формам жизни, диктуемым исторической послѣдовательностью жизни націи. Но власть чуждая, захватившая народ и поработившая его, как орудіе, к какой эволюціи способна, пока ея конечная цѣль еще не достигнута. — Лишь к усовершенствованію аппарата порабощенія этого орудія для большей увѣренности в исправном его дѣйствіи.

Многих соблазняет мысль, что там, на сторонѣ красных, русскій народ сражается с интервентами, чужеземцами и как бы невольно защищает Россію от иностранцев, но вѣдь если здѣсь была интервенція разрозненных союзников в различных частях Россіи, то там оккупація чужой властью всей страны на неопредѣленно долгій срок для совершенно диких и не нужных русским цѣлей.

Русскій націоналист, с надеждой и упованіем взирающій на собираніе Руси воедино под большевиками и на успѣхи красной арміи русских солдат, может быть, сравнен с любителем духовнаго пѣнія, который послѣ смерти любимаго человѣка сказал бы: «ничего, что он умер, зато я послушаю панихиду».

Большевистская власть еще потому неспособна к эволюціи, к превращенію ея в національную власть, что в большинствѣ своих агентов состоит из преступнаго элемента, преступленія коих в прошлом и безумныя звѣрства в настоящем, создали между ними и народом неодолимую стѣну ненависти и презрѣнія и потому всякая свобода, всякое послабленіе, данныя народу, грозят, прежде всего, выходом на волю чувства народной мести и, слѣдовательно, никогда не будут даны.

Пора, наконец, русским понять, что там, гдѣ большевики, — нѣт Россіи, пора понять и иностранцам, что до сих пор вліяніе новоявленнаго мірового варвара — большевизма сказывалось мало в сосѣдних странах, потому что русскій народ в трехлѣтней кровавой борьбѣ стѣснял его свободное движеніе, но, что теперь Россія изму-

чена в борьбѣ, что вся она утратила свое національное лицо и представляет собой послушное орудіе в руках варвара-большевика и это орудіе направляется против вѣковой культуры міра и против буржуазіи, в первую голову, как создательницы и хранительницы этой культуры.

Заслуги русскаго народа велики. Что если бы большевизм со всей теперешней силой вышел бы на арену мировой борьбы в 1918 году, когда всѣ великія державы были потрясены до основанія только что окончившейся войной?

Такова сила и внутреннее строеніе аппарата міровой революціи, созданнаго из Россіи правительством Краснаго Интернаціонала.

Каково же его внѣшнее положеніе?

Мір в отношеніи борьбы с большевиками представляет комнату, гдѣ сидят люди с повязками на глазах, а между ними один зрячій и этот зрячій — вор, который с величайшей наглостью обворовывает слѣпцов, отнимая у них драгоцѣнности и подсовывая им дешевыя побрякушки, и убѣждает, что это много интереснѣе.

Так Англія и Франція собираются давать большевикам товары и получать взамѣн обѣщанія сырья и золота, которое служило обезпеченіем их же займам, данным Россіи.

Так Китай, поощряемый аннулированіем большевиками русских прав и привилегій, мечтает с помощью большевизма изгнать всѣх иностранцев из Китая.

Так Америка, гонимая алчностью своих коммерсантов и ненавистью к Ниппон, тянется в Сибирь за концессіями, которыя с откровенной наглостью предоставляет американцам Ленин, указывая, что столкновеніе Америки с Ниппон отдаст во власть его комбинацій весь Восток.

Большевики находятся в исключительно благопріятной позиціи, лавируя к своей цѣли в сплетеніях міровой политики. Они не имѣют собственной страны, которая связывала бы их отвѣтственностью за ея будущее. В самом дѣлѣ, никакое національное правительство не рѣшилось бы растрачивать до конца государственный золотой запас, аннулировать разом по собственному почину 50 договоров, обуславливающих привилегіи ея подданных в сосѣднем государствѣ, или отдать в концессію на 60 лѣт область в 400,000 кв. километров. Не неся никакой отвѣтственности, но уже имѣя вліяніе, как сила, пока, правда, пассивная, они уже начали путать карты міровой политики, используя для того противорѣчивые интересы націй. Но кто помѣшает им при благопріятной обстановкѣ примѣнить и силу активную, свою красную армію, доходящую до милліона бойцев?!

Итак обстановка на фронтѣ міровой борьбы с большевизмом рисуется, в кратких словах, слѣдующим образом:

1. Борьба в Россіи закончена пока, пораженіем русских на-

ціоналистов и полным порабощеніем Россіи большевиками, причем самостоятельное изживаніе большевизма русским народом признается безполезным, т. к. это не измѣнит формы существующей в Россіи власти и ея цѣлей.

2. Правительство Краснаго Интернаціонала, владѣя Россіей как орудіем, выступило на арену міровой политики и дѣйствует с цѣлью созданія новых войн и потрясеній, дабы использовать міровыя несчастія для расширенія сферы своего вліянія.

3. В мірѣ не существует никакой международной организаціи, которая могла бы парализовать политическія интриги большевиков и противопоставить матеріальную и физическую силу, силам примѣняемым большевиками. В результатѣ, необъединенныя для борьбы націи подставляют большевикам слабыя мѣста своей политики, которыми тѣ искусно пользуются.

Итак, дальнѣйшая борьба с большевизмом неизбѣжна, ибо война, объявленная культурному міру три года тому назад, ведется и сейчас с прежним упорством и конец наступит только в двух случаях:

1. Если большевики будут вырваны с почвы их питающей, т. е. из Россіи и 2. Если власть Краснаго Интернаціонала распространится на всѣ государства міра, и не будет ни одного правительства, ни одной организаціи, способных оказать им сопротивленіе.

Для русских побѣда над большевиками означает свободу и самостоятельность Россіи, побѣда большевиков означает гибель, ибо не будет ни одного мѣста на земном шарѣ, ни одного государства, которое укрыло бы их от мстительной руки Краснаго Интернаціонала, как нѣт сейчас ни одного клочка русской земли, на котором мог бы свободно дышать русскій человѣк.

Но методы борьбы, наблюдающіеся до сих пор, надо признать совершенно негодными.

Со стороны большевиков мы видим желѣзную спайку, единую армію, дѣйствующую в Россіи, единую международную организацію, ведущую пропаганду во всѣх странах міра, объединенный источник матеріальных средств и единую волю, управляющую на всѣх фронтах борьбы и во всѣх пунктах пропаганды.

Что же мы видим со стороны русских и их союзников?

1. Во время наступленія армій адмирала Колчака, когда западная армія потерпѣла в районѣ Уфы пораженіе, сибирская армія, дѣйствовавшая в районѣ Перми, мечтала о самостоятельном взятіи Петрограда по пути Вятка—Вологда, и не слушаясь никаких приказов из центра, шла вперед, несмотря на гибельное положеніе ея лѣваго фланга.

2. Арміи генерала Деникина, вмѣсто того, чтобы фланговым ударом вдоль Волги поддержать фронт адмирала Колчака, предприняли самостоятельный поход для завоеванія Москвы по пути Харь-

ков—Курск, распространившись зачѣм то на Крым и Одессу и безсмысленно столкнувшись у Кіева с Петлюрой.

3. Англійскій флот, вмѣсто того, чтобы поддержать Юденича у Петрограда, занимался разгромом Рипи у него в тылу.

4. Во время побѣды большевиков на восточном фронтѣ и труднаго их положенія на южном, англичане вмѣсто того, чтобы усилить свое наступленіе на сѣверном фронтѣ, предприняли эвакуацію Архангельска и обрекли на гибель, сражавшуюся там русскую армію.

5. Поляки в момент полнаго разгрома ими красных и начавшихся успѣхов генерала Врангеля, заключили с большевиками мир и обрекли дѣло Врангеля на катастрофу.

Это лишь наиболѣе крупные примѣры, мелких такое количество, что привести их нѣт никакой возможности. Общая характеристика — каждый русскій генерал дѣйствовал совершенно самостоятельно, руководствуясь личными усмотрѣніями и провинціальными интересами. Каждая армія дѣйствовала в выбранном ею районѣ за свой собственный страх и риск и прекращала войну, когда находила нужным, не считаясь с общими требованіями момента.

В результатѣ сотни милліонов затраченных денег, безчисленное военное снабженіе, попавшее в руки большевиков, море русской крови, всеобщее недовѣріе к возможности дальнѣйшей борьбы и — совѣтская власть — міровая держава, владѣющая одной седьмой суши земного шара и многомилліонным запасом рабски покорной ей живой силы. Такой метод борьбы должен быть признан, по меньшей мѣрѣ, негодным на будущее время. Если нельзя изобрѣсти ничего другого, лучше не дѣлать ничего и покорно ждать своей участи, как ждали в древности русскіе удѣльные князья, когда двигавшаяся из Азіи орда Чингис-Хана, послѣ Рязани брала Кіев, послѣ Кіева — Суздаль и Тверь, пока вся страна не была захвачена ею.

Но мы берем на себя смѣлость утвѣрждать, что есть болѣе дѣйствительный метод борьбы, чѣм до сих пор, что красные в Россіи держатся только, пока, разрозненностью и нерѣшительностью их противников, что по собственному признанію Ленина, в самой Россіи 95% населенія против совѣтской власти и потому один сильный нажим на эту власть, дружный и организованный, в кратчайшій срок сметет с лица земли и уберет его туда, откуда он вышел — в подполье общественной жизни.

Этот метод есть: **образованіе единой международной организаціи для борьбы с большевизмом — Бѣлаго Интернаціонала — в противовѣс Красному**, вовлеченіе в эту организацію виднѣйших политических и общественных дѣятелей всѣх стран и могущественнѣйших представителей финансоваго и коммерческаго міра, созданіе единаго распорядительнаго органа этого Интернаціонала и его особаго денежнаго фонда. Созданіе единаго военнаго плана и командо-

ванія, выдѣленіе международной вооруженной силы для помощи тѣм русским областям и арміям, которыя будут подняты на борьбу с очагом міровой революціи.

Русскіе круги во всѣх центрах за границей должны быть организованы в одно національное цѣлое, управляемое единым центральным органом, которому должно быть поручено непосредственное распоряженіе русской вѣтвью организаціи и ея военной силой.

Всѣ международные вопросы на время борьбы с большевиками должны разсматриваться и разрѣшаться под углом зрѣнія пользы и вреда для этой борьбы.

В прессѣ должны быть исключены по отношенію к большевикам слова — «Русское правительство», «Русская армія», раз навсегда, и замѣнены словами — «Правительство Краснаго Интернаціонала», «Армія Краснаго Интернаціонала» и т. д.

В противовѣс пропагандѣ красных, должна быть развита в грандіозных размѣрах пропаганда несчастій Россіи и міровой красной опасности.

Должны привлекаться добровольцы всѣх стран на вооруженную борьбу с красными варварами. Русскія арміи, спасенныя от гибели, должны быть устроены за границей, вооружены, подготовлены к новой борьбѣ под единым русским командованіем.

О ПЛАНѢ.

Вышеописанная международная противобольшевистская организація вряд ли возникнет иначе, как в результатѣ упорной и дружной работы русских людей за границей, которые для возможности успѣха предварительно должны объединиться между собой, составить, как бы политическую партію, имѣющую свой центральный управляющій орган.

Объединеніе на почвѣ расплывчатой идеи или программы, заключающей в себѣ желательное конечное достиженіе, не вызвало бы такую партію к жизни в настоящій момент всеобщаго раздробленія и инертности. Поэтому, мы предлагаем сначала выработать реальный план дѣйствій будущей организаціи, затѣм путем привлеченія к работѣ лиц, раздѣляющих такой план, создать вліятельную инициативную группу, в результатѣ дѣятельности которой, попутно с выполненіем плана, должны возникнуть и Русская и Иностранная антибольшевистскія организаціи.

По вопросу о выработкѣ основаній для составленія плана борьбы с большевизмом в міровом масштабѣ, нам представляется, что должны быть приняты во вниманіе слѣдующія соображенія. В условіях современнаго положенія вещей работа по борьбѣ с красным интернаціоналом распадается на четыре главных отрасли:

I. Политическая работа — а) В русских заграничных кругах

б) В бывших областях Россіи, образовавших самостоятельныя государства, и в) В самой Россіи с цѣлью сгруппировки реальной силы, направленной против совѣтской власти.

II. Политическая работа за границей с цѣлью созданія сильной антибольшевистской иностранной группировки.

III. Объединеніе, пополненіе и боевая подготовка русской вооруженной силы, находящейся за границей, и поддержка таковой в районах, охваченных возстаніями против совѣтской власти.

IV. Агентурно-развѣдочная работа в Россіи и за границей.

Из комбинацій результатов, достигнутых по всѣм четырем отраслям, должны быть созданы: а) План военно-политической противобольшевистской операціи и б) Орган, который приведет этот план в исполненіе.

Каким же путем идти к созданію международной группировки, которая рѣшилась бы на огромныя жертвы для поддержанія русских в их стремленіях возсоздать родину?

Одними воплями о большевистской опасности и несчастіях Россіи можно лишь создать сочувствіе к себѣ и отрицательное отношеніе к красным, но нельзя создать положительнаго творчества. Можно получить отвѣт: «мы бы рады вас поддержать, но как, в каком направленіи, чего же вы сами хотите, во что вѣрите, и кто вѣрит вмѣстѣ с вами».

Другое дѣло, — Русскій Центр, представляющій собой новую сильную политическую партію, имѣющій план будущаго устройства Россіи и договаривающійся, исходя из основаній этого плана, о будущих международных отношеніях.

Красные имѣют перед нами то преимущество, что они фактически владѣют территоріей, но и тот недостаток, что они, глубоко ненавидимы всѣми, кто с ними поневолѣ разговаривает.

Русское общество, в значительной степени разочарованное цѣлым рядом неудач на чисто военном поприщѣ борьбы с большевиками, послѣднее время склонно придти к выводу, что нѣт такой силы в мірѣ, которая могла бы побѣдить красную армію. И установив «невозможность», совершенно нелогично переходят к другому понятію — «ненужности» примѣненія военной силы. Однако, сущность вопроса совершенно ясна: большевики удерживают свою власть силой, и силой же держат в повиновеніи красную армію, стало быть, только силой может быть положен предѣл их существованію. Вѣдь, не может быть надежды распропагандировать партію коммунистов и наемныя коммунистическія войска, так, что бы они перестали слушаться своих вожаков. Многіе говорят, что сила должна быть примѣнена изнутри, но мы полагаем, что и изнутри и извнѣ. Только наличіем борьбы полнаго напряженія на внѣшнем фронтѣ, можно объяснить ошеломляющій успѣх переворота в мартѣ 1917 года. Вопрос сводится лишь к тому, что эта новая внѣшняя война должна

Русская Публичная БИБЛІОТЕКА

быть неудачной для совѣтской власти, т. е. окончиться потерей территоріи, полным разгромом красной арміи и уничтоженіем ея, как таковой.

Для того, чтобы сдѣлать войну удачной для нас, нужны соотвѣтствующія противнику силы и хорошій планъ операціи, которую надо сдѣлать не только военной, но и военно-политической. Ни то, ни другое, даже в общих чертах, не может быть учтено в настоящей запискѣ. Можно только установить, что нѣкоторыя силы, на которых может базироваться планъ — имѣются. Это различныя арміи разоруженныя, интернированныя и эвакуированныя. Все это по большей части непримиримые противники большевиков, только временно упавшіе духом под вліяніем долгаго періода неудач. Необходимо сдѣлать все возможное для поддержанія духа этих войск, их вооруженія и переформированія для приведенія в порядок и объединенія командованія ими.

Даже для пополненія могут быть приняты мѣры. — Мы уже не говорим о всеобщей мобилизаціи всѣх русских призывного возраста, проживающих за границей. Такая мѣра подлежит в будущем обсужденію и, по нашему мнѣнію, непремѣнно должна быть принята, раз рѣшено будет двинуть, хотя бы, одну часть войск, находящихся нынѣ за границей. К сожалѣнію, эта мѣра должна дать мало, находится в зависимости от успѣшности внѣшней политики русскаго центра и элемент, который будет получен таким способом, крайне ненадежен. Все-же моральное значеніе для войск это будет имѣть большое. Кромѣ того, пополненіе наших войск может производиться путем вербовки бѣженцев из совѣтской Россіи, для чего должны быть использованы внутреннія антибольшевистскія организаціи, раз только для этого будут средства. Ввиду большого нынѣ протяженія границ и отчаянных условій жизни в Россіи, поток бѣгущих от совѣтской власти возможен. В дальнѣйшем размѣры нашей вооруженной силы будут зависѣть от успѣшности нашей политики и от силы заграничной группировки, а самый успѣх операцій, кромѣ того, и от обстановки, которая будет ей предшествовать.

По существу своему совѣтская власть должна постоянно находиться в состояніи войны с кѣм либо из сосѣдей и обстановка в этих войнах не всегда бывала и, очевидно, не всегда будет благопріятна ей. От нас должно зависѣть удачно выбрать момент.

Политическая часть операціи должна быть разработана до начала ея, а не послѣ завоеванія территоріи, как это практиковалось до сих пор.

Орган пропаганды и освѣдомленія с огромным запасом литературных матеріалов должен быть развернут немедленно по вступленіи на родную территорію. Выборы представительнаго органа от населенія должны быть проведены в момент расцвѣта операціи, немедленно по освобожденіи от большевиков, в момент, так сказать,

восторга народнаго, а не тогда, как это практиковалось до сих пор, когда власть рушится и к органической связи с населеніем прибѣгали, как к послѣднему средству спасенія. Также должно быть поступлено с опубликованіем законов, кои, по мнѣнію власти, должны закрѣпить за ней симпатіи населенія. Власть должна быть революціонной и должна идти впереди, угадывая справедливыя потребности масс, а не откладывая всѣ больные вопросы «до Учредительнаго Собранія».

По вопросу о развѣдкѣ и агентурѣ можно только сказать, что она нужна. Ея задачи и организація в этом случаѣ ничѣм не должны отличаться от всяких подобных.

Резюмируя все вышесказанное, мы в этом планѣ предлагаем один из способов, кажущійся нам наиболѣе подходящим отгадать здоровое стремленіе націи, населявшей нѣкогда великіе предѣлы Россійской Имперіи, пропагандировать это стремленіе, развить, урегулировать его, возглавить русским почином и, сочетав с здоровыми интересами сосѣдних народов, создать силу, в поступательном движеніи которой задушить большевизм, как чуждое явленіе препятствующее развитію творчества этой силы.

Январь, 1921.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

ПРОТОКОЛ

Засѣданія Президіума Чрезвычайной Сессіи Съѣзда представителей несоціалистическаго населенія Д. Востока, состоявшагося 24 іюня 1921 года в помѣщеніи Совѣта Съѣзда, Свѣтланская 42.

ОБСУЖДАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Переданный Президіуму делегатом Виктором Всеволодовичем Власовым разговор по прямому проводу генералов Смолина и Вержбицкаго с большевиками, чтобы ликвидировать атамана Семенова,—для оглашенія его на общем собраніи.	Переданный матеріал, как никѣм не подписанный, и не провѣренный на Общем Собраніи не оглашать. Копію сообщить Пріамурскому Временному Правительству для свѣдѣнія.
Заявленіе Амурской фракціи о примиреніи Правительства с атаманом Семеновым и об оказаніи денежной помощи возставшим против большевиков отрядам.	В первой своей части о примиреніи Правительства с атаманом Семеновым, как заявленіе аналогичное с заявленіем делегата Терехова, снятаго с обсужденія на Общем шестом пленарном закрытом засѣданіи—не разсматривать. В отношеніи оказанія денежной помощи возставшим отрядам Амурской области—копію заявленія сообщить Вр. Пріамурскому Правительству.
Заявленіе группы делегатов о внесеніи на ближайшее засѣданіе Съѣзда вопроса о соглашеній с атаманом Семеновым.	Аналогичное заявленіе дел. Терехова на седьмом закрытом засѣданіи Съѣзда было собраніем снято с обсужденія, в силу изложеннаго, настоящее заявленіе оставить без разсмотрѣнія.

Предсѣдатель—подпись неразборчива.

Тов. Предсѣдателя: *Кн. Крапоткин.*
П. Ходаков.
Н. Миролюбов.

Секретарь: *М. Баранов.*

Перехваченный разговор по прямому проводу Никольск-Уссурійск — Владивосток.

19-го іюня 1921 года.

У аппарата дежурный офицер Штарма. Что угодно?

У аппарата генерал Смолин. Я просил командарма, скоро ли будет!

Я Штарм — дежурный офицер. Генерал Вержбицкій болен, не может.

Начштаб поручил мнѣ принять информацію. Прошу передавать, ваше превосходительство. Я слушаю.

Дѣло в слѣдующем: телеграмма и разговоры прямым проводом Гродековских групп всѣ представляются мнѣ. Общій вывод из этого таков, что атаман Семенов рѣшил активно выступить против нас и правительства. Со своей стороны мною приняты строжайшія мѣры недопущенію каких бы то ни было выступленій.

С другой стороны, мнѣ извѣстно, войска Д. В. Р. предлагают занять Никольск под видом присоединенія к нам для совмѣстной работы.

Мѣстное японское командованіе, поэтому вопросу заявило свое невмѣшательство в наши дѣла.

Сегодня у меня была делегація из Анучино. Передала мнѣ постановленіе командного состава слѣдующаго содержанія:

Обсудив вопрос всесторонне, письменное предложеніе генерала Смолина о мирном сліяніи войск Д. В. Р. с войсками каппелевской арміи и принимая во вниманіе русско-японское соглашеніе: войска Д. В. Р. в районѣ, занятом японцами, не имѣют права входить в города, желѣзнодорожныя станціи и др. пункты без предварительнаго соглашенія, постановило: предложеніе генерала Смолина привѣтствовать, настоятельно просить Вр. правительство дополнительно через генерала Смолина:

1) В полной ликвидаціи атамана Семенова и его войск.

2) Требовать скорѣйшей эвакуаціи японо-войск из Приморья.

3) Предоставить войскам Д. В. Р. вполнѣ оборудованныя казармы в Никольск-Уссурійском, Раздольном, Спасскѣ, Владивостокѣ, Второй и Первой Рѣчки.

4) Предоставить независимую телеграфную связь для сношенія со всѣми войсками Д. В. Р. до Читы включительно.

5) Просить для однообразія снять погоны и знаки военнаго отличія.

6) Возстановить флаг Д. В. Р.

7) Не допустить работы несоціалистическихъ организацій.

8) Возстановить Народное Собраніе.

Подписали: предсѣдатель Кокушкин, секрѣтарь Григорьев.

Кромѣ того, лично делегаціей заявлено мнѣ, что ликвидація Семеновских войск желательна совмѣстно с ними.

У аппарата генерал Вержбицкій. Здравія желаю, ваше превосходительство.

Извиняюсь, очень нездоровится. Предупреждаю вас, что такіе могут быть извѣстны только нам, просил бы другим лицам в слѣдующій раз не довѣрять, прошу продолжать дальше, я у аппарата.

Я генерал Смолин, какое послѣднее слово, повторите.

Я Штарм... совмѣстно с ними.

Я Штадив... совмѣстно с ними, полагая при этом пропуск войск Семенова через мост Уссури в сторону Иман, гдѣ одновременно предполагают отрѣзать путь отступленія, тѣм временем воспользуется гарнизон Иманскаго района и поведет рѣшительное наступленіе во фланг и тыловыя части Семенова. Под давленіем наших частей они должны будут сдаться, послѣ чего можно ожидать с увѣренностью присоединенія к нам войск Д. В. Р.... вот вкратцѣ все.

Я генерал Вержбицкій. На эту махинацію рѣшиться нельзя без согласія правительства. Нужно воздержаться, имѣя в виду японскія войска всецѣло стоящія на сторонѣ Семенова. Моя просьба такова, послать еще делегацію в Анучино из трех вполнѣ развитых, заслуживающих особаго вниманія офицеров, с тѣм, чтобы им была представлена гарантія неприкосновенности на время посѣщенія Анучина. Кромѣ того, желательно было бы поручить этой делегаціи проѣхать инкогнито вмѣстѣ с ними в Хабаровск для выясненія положенія дѣл, стараясь при этом установить телеграфную связь с Хабаровском, причем необходимо быть готовым ко всяким случайностям. Ближайшіе дни ожидается выступленіе Семенова. Вопрос этот дебатируется правительством вот уже цѣлую недѣлю.

Есть много разногласій в связи с дѣйствіями японцев. Правительством неофиціально дѣлалось сношеніе о необходимости эвакуаціи японских войск, но все безрезультатно. Вот так обстоит дѣло.

Возможно предполагать с увѣренностью, что японское командованіе поддержит Семенова. Вот и все. Не скажете-ли еще что либо? Я слушаю.

Я генерал Смолин. Я бы хотѣл вам передать относительно нерѣшительности Иркутскаго полка. Генерал Осипов старается воз-

становить против меня, распространяет общественное мнѣніе противное моим дѣйствіям. Я считаю для меня это недопустимым.

Прошу, ваше превосходительство убрать из Никольска помощника уполномоченнаго Куржанскаго, который открыто подрываетъ мой авторитет среди населенія, слѣдствіем чего образовалось довольно вліятельное теченіе в пользу атамана Семенова. Я лично надѣюсь предотвратить, безусловно с вашим содѣйствіем.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ 1-ая. РЕВОЛЮЦІЯ.

	Стр.
1. Что было	5
2. Монголія	9
3. Перед войной	14
4. Великая война	17
5. Лѣтняя кампанія 1915 года.	24
6. Наканунѣ революціи	30
7. Революція	36
8. Добровольческія формированія	42
9. Войсковой круг	50
10. Октябрьскій переворот	57
11. Подготовка базы	63
12. Обстановка в Маньчжуріи	69
13. Взаимоотношенія с монголами	76
14. Взаимоотношенія с Харбином	83
16. Подготовка к выступленію	92

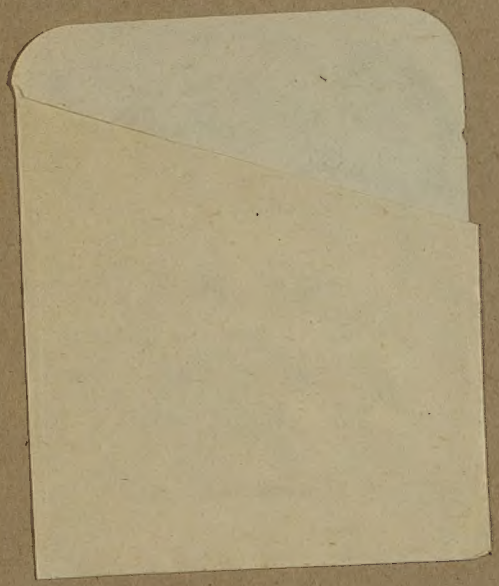
ЧАСТЬ II-ая. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

	Стр.
1. Тактика и идеологія гражданской войны	103
2. Отход ОМО в Маньчжурію	110
3. Переворот в Сибири	117
4. Конфликт с Омском	126
5. Паденіе Омска	136
6. Положеніе в Забайкальи	144
7. Отход арміи в Приморье	152
8. Приморскія событія	162
9. Конец бѣлаго Приморья	170
10. Первоначальныя затрудненія в эмиграціи	178
11. Возвращеніе на Восток	186
12. Коминтерн и СССР.	194
13. Гдѣ-же выход?	202

ПРИЛОЖЕНІЯ.

	Стр.
I-е. Выдержки из „Плана міровой борьбы с большевизмом“	213
II-е. Протокол несоціалистическаго съѣзда и разговор по прямому прозоду Никольск-Уссурійскій—Владивосток	225

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ



D2-69